

Mugurēvičs Ē., 1998. Etniskie procesi baltu apdzīvotajā teritorijā un latviešu tautas veidošanās 6. - 16. gs. (Ethnic processes in the area inhabited by the Balts and the formation of the Latvian people in the sixth to sixteenth century). In: *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls*, No. 2, p. 19-32.

Okulicz J., 1973. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e. Wrocław, Warszawa, Kraków.

Šnore E., 1933. Izrakumi Slatēs sila uzkalniņu kapos 1927. gadā (Excavations at Slatēs Sila barrow cemetery in 1927). Rīga.

Šnore E., 1978. Celtniecības liecības Kivtu apmetnē (Building remains from Kivtu settlement site). In: *Arheoloģija un Etnogrāfija*. XII. Rīga.

Šnore E., 1987. Kivtu kapulauks (Kivtu cemetery). Rīga.

Šnore E., 1993. Agrā dzelzs laikmeta uzkalniņi Latvijas austrumu daļā (Early Iron Age barrows in eastern Latvia). Rīga.

Šnore R., 1929. Izrakumi Dobeles pagasta Ošu senkapos 1926. g. (Excavations at Oši cemetery in Dobeles District in 1926). In: *Rīgas Latviešu biedrības Zinību komisijas rakstu krājums*. 19. Rīga, p. 169-179.

Šnore R., 1930. Dzelzs laikmeta latviešu rotas adatas (Iron Age Latvian dress-pins). In: *Latvijas aizvēstures materiāli I*. Rīga, p. 39-107 + XXXI tab.

Šturms E., 1939. Sēļi (The Selonians). In: *Latviešu konversācijas vārdnīca*. Rīga, vol. 19, lines 38062-38065.

Tautavičius A., 1996. Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V-IX a.) (The Middle Iron Age in Lithuania (fifth to ninth centuries)). Vilnius.

Urtāns V., 1962. Kalniešu otrais kapulauks (The second Kalnieši cemetery). In: *Latvijas Vēstures muzeja raksti. Arheoloģija*. Rīga, p. 37-82.

Urtāns V., 1968. Latvijas iedzīvotāju sakari ar slāviem I g.t. otrajā pusē (Contacts between the inhabitants of Latvia

and the Slavs in the second half of the first millennium). In: *Arheoloģija un etnogrāfija*. Rīga, VIII, p. 65-85.

Urtāns V., 1970. Etniskās atšķirības apbedīšanas tradīcijās un kapu inventārā Latvijā 5. - 9. gs. (Ethnic differences in mortuary practices and grave inventories in fifth to ninth century Latvia). In: *Arheoloģija un etnogrāfija*. Rīga, IX, p. 61-85.

Urtāns V., 1972. Bronzas zvaniņu rotas VII-XI gs. (Ornaments of bronze bells, 7th - 11th centuries). In: *Latvijas ZA Vēstis*, No. 8, p. 64-75.

Urtāns V., 1977. Senākie depoziiti Latvijā (The earliest hoards in Latvia). Rīga.

Vasks A., 1998. Kultūretniskā situācija agrajā un vidējā dzelzs laikmetā Latvijas teritorijā (1. - 8. gs.) (The ethno-cultural situation in the Early and Middle Iron Ages in the area of present-day Latvia (first to eighth century)). In: *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls*, No. 1, p. 7-27.

Werner J., 1950. Slawische Bügelfibeln des VII. Jahrhunderts. In: *Reineke Festschrift*. Mainz, s. 150-172.

Werner J., 1960. Neues zur Frage der slawische Bügelfibeln aus südosteuropäischen Länder. In: *Germania*. Berlin, Jg. 38, H. 1-2, S. 114-120.

Амброз А. К., 1970. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. In: *Древние славяне и их соседи*. Москва, с. 70-74.

Вернер И.Б. 1972. К происхождению и распространению антов и склавен. In: *Советская Археология*. No. 2, с. 102-15.

Гавриутхин И. О., Обломский А. М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Москва.

Приходнюк О.М., Падин В. А., Тихонов Н. Г. Трубчевский клад антского времени. In: *Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии*. Киев, с. 79-102.

KAI KURIE LATGALIŲ IR SĒLIŲ VIDURINIOJO GELEŽIES AMŽIAUS DIRBINIŲ CHRONOLOGIJS KLAUSIMAI

Jānis Ciglis

Santrauka

Straipsnyje apžvelgti kai kurie latgalių ir sėlių dirbinių chronologijos klausimai, nes iki šiol nemažai įvairių dirbinių formų Latvijos archeologinėje literatūroje yra datuojamos VIII a. Taip yra datuoti Kivtu kapinyno I fazės, Kalniešų II kapinyno kapai, nors akivaizdu, kad dalis Kalniešų II kapinyno kapų yra ankstesni nei Kivtu I fazės kapai. Kita problema yra ta, kad Lietuvos archeologai daug viduriniojo geležies amžiaus dirbinių datuoja kiek ankstesniu laikotarpiu nei latvių archeologai. Todėl autorius, išanalizavęs viduriniojo geležies amžiaus latgalių ir sėlių kapinynų dirbinių formas, priėjo išvadą, kad dalis dirbinių datuoti kiek ankstesniu laikotarpiu, nei yra tradiciškai priimta – VII–VIII a. Tikslinant dirbinių chronologiją, latgalių kapinynų raidoje išskirtina ankstesnė – VII a. datuojama fazė. Ši, šiek tiek ankstyvesnė chronologija sutampa su Lietuvos archeologijos duomenimis.

Įteikta 2000 m. gegužės mėn.

Kartografuodamas chronologiškai ankstyvų dirbinių radimvietes, autorius priėjo išvadą, kad ankstyvų latgalių plokštinių kapinynų ir šioje teritorijoje ankstesniu periodu datuojamų pilkapių, arjuostų akmenų vainikais ir su kolektyviniais kapais, paplitimo arealai sutampa. Tai leidžia manyti buvus etninį ryšį. Šią galimybę patvirtina tokie dirbiniai, kaip apyrankės storėjančiais daugiakampiais galais, juostinės apyrankės kiek paplatintais galais, geležiniai ramentiniai smeigtukai, trikampio formos pakabučiai, kurie buvo rasti tiek pilkapių, tiek latgalių plokštinių kapinynų kapų kompleksuose ir susieja ankstyvesnių pilkapių palaidojimus su plokštiniais latgalių kapinynais. Tai dar kartą įrodo pilkapių kultūros, kaip vieno iš komponentų, buvimą latgalių etnogenezėje.

Iš latvių kalbos vertė
E. Vasiliauskas

Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений 10–13 веков

Арнис Радиньш

Латгалы были одной из тех этнических единиц балтов, которая принимала существенное участие в процессе формирования латышского народа. Без всеохватывающего представления об этом упомянутом объединении племён, позже народностей, невозможно понимание многих проблем древней истории балтов и их соседей.

Название латгалы – „летгола“ впервые упомянуто в письменных источниках на рубеже 11 и 12 веков в Древнерусской хронике „Повесть временных лет“, при написании которой была использована „Начальная летопись“ и другие более ранние источники. В составленных на территории современной Латвии хрониках и документах 13 века их называют „Lethigalli“, „Letti“, „Letten“. Возможно, что эти этнонимы не имели одинакового значения и отражали какие-то сложные этнические события.

В 10–13 веках населённая латгалами территория, которая в Восточной Латвии занимала нынешнюю восточную часть Видземе и Латгале, не была объединена политически и, думается, также этнически не была однородна. Как свидетельствуют материалы археологических исследований и письменные источники, в упомянутом периоде здесь происходили качественные перемены – постепенно формировалось феодальное общество.

Памятники населённой латгалами территории одни из наиболее хорошо изученных археологических объектов Латвии. Всё же, несмотря на большой объём и значение полученного материала, обобщающих работ немного. Многие вопросы – как, например, происхождение и распространение латгалов, влияние материальной культуры латгалов на другие этнические группы, общее и различное между латгалами и селами – ещё не решены до конца и требуют уточнения. Большое значение при поиске необходимых ответов принадлежит именно анализу погребальных памятников.

Количество известных латгальских грунтовых могильников превышает 200 (LA, 1974, p. 222). Археологические исследования проходили на 80 из них, при этом было вскрыто около 2000 захоронений (рис. 1). В

западном направлении эти могильники достигают Айзкраукле, Цесис, в северном – Триката, Алуksне, в восточном Зилупе, а их южную границу намечает река Даугава.

Каждый отдельный памятник занимает довольно большую площадь и часто содержит несколько сотен погребений. Так в могильнике Лудзас Одукалнс на площади в 4700 м² было обнаружено около 400 захоронений (Спицын, 1893, с. 3), в могильнике Пилдас Нукшас соответственно – 3000, 218 (Шноре, 1957, с. 13], в могильнике Аглонас Кристапини – 2000, 302 (Briede, 1978, p. 20-22; 1979, p. 17-19; 1980, p. 29-31; 1982, p. 52-54; Kuniga, 1986, p. 80-83; 1988, p. 89-92], в могильнике Звиргзденес Кивти – 3500, 175 (Šnore, 1987, p. 10), в могильнике Драбешу Лиепиняс – 4770, 168 (Apals, 1986, p. 80).

Встречаются три вида погребений – труположения, трупосождения и символические захоронения. Среди них доминируют первые. Количество труположений обычно превышает 90% от общего числа погребений, вскрытых на одном памятнике. Умершие в них захоронены в могильных ямах прямоугольной, реже овальной формы. Их контуры почти всегда хорошо выделяются в материке более тёмной, зачастую перемешанной с золой и углём землёй. Могильные ямы достигают 3 м в длину, 1,5 м в ширину, 1 м в глубину. Обычно их длина – 1,9–2,2 м, ширина – 0,6–0,8 м, глубина – 0,3–0,6 м. Разница между мужскими, женскими и детскими могильными ямами констатирована только в их длине. Это связано с различием в росте умерших.

Большое значение в погребальных традициях имели огненные ритуалы. Об этом свидетельствует не только смешанная с углями земля в заполнении могильных ям, угли и пепел, обгоревшие камни на дне могильных ям, но также места кострищ, которые констатированы как у отдельных захоронений, так и их концентрация в определённых местах на периферии могильника.

В труположениях умершие положены на кору, дощатую подстилку, в колоде, а иногда в дощатый гроб. Умершие обычно расположены на спине в вытянутом

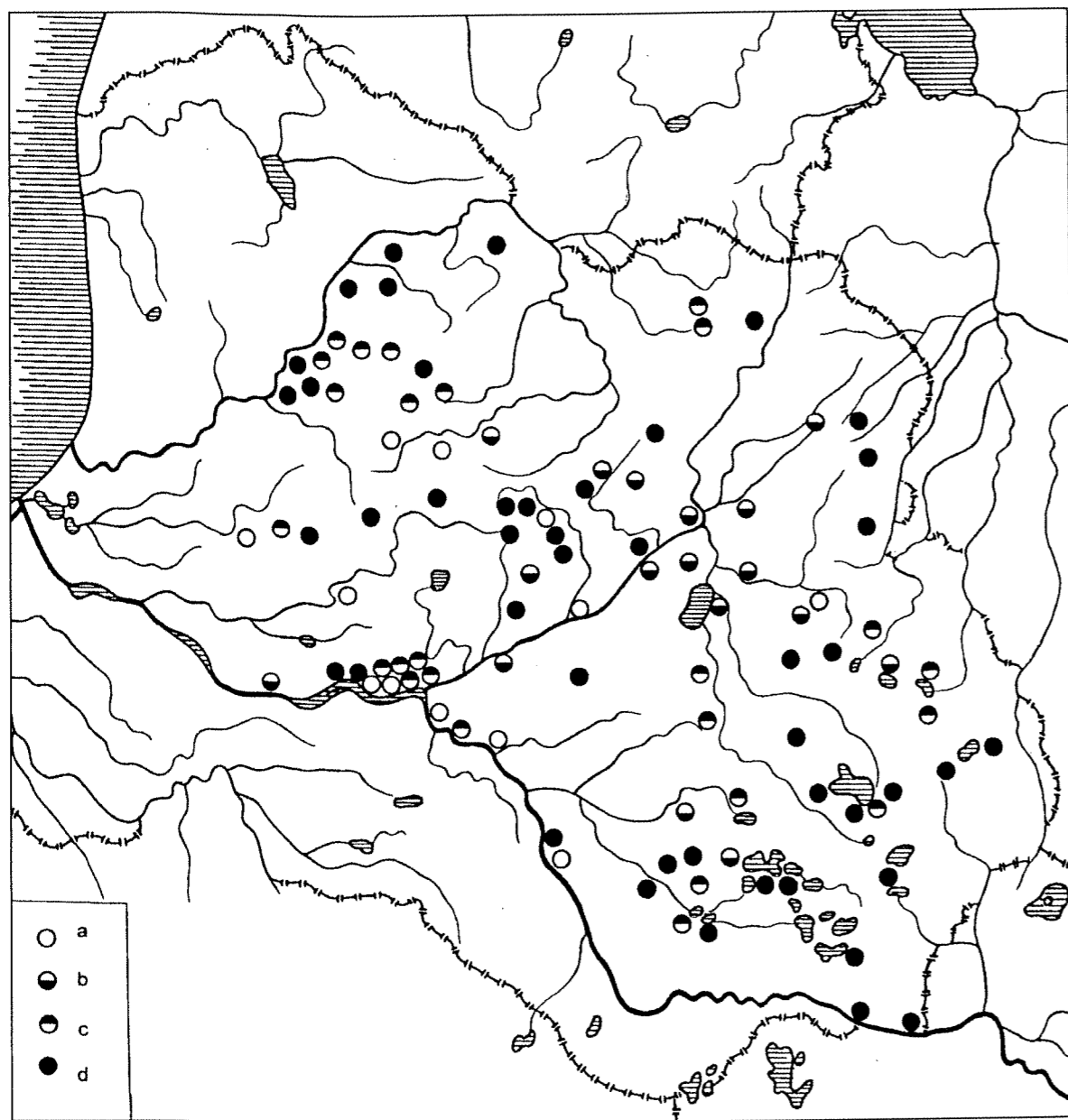

Рис. 1: Археологически исследованные грунтовые могильники 8–13 вв. на территории обжитой латгалами
 а – ранее 8 века, б – с 8 века, с – с 9 века, d – с 10 века и позже

положении. Голова повернута в одну или другую сторону. Положение рук весьма различно. Среди них нельзя выделить положение характерное только для мужчин или женщин (Radiņš, 1993, p. 21–22). Всё же известные закономерности намечаются в хронологическом аспекте. В 10–11 веках доминируют такие положения, где обе руки подняты к голове, расположены на груди, положены на талию. В 12 веке традиция начинает изменяться. Уже не так часто руки подняты к голове. В 13 веке таких захоронений ещё меньше. Что касается положения ног, то здесь наблюдается постоянное единообразие. Они обычно расположены параллельно одна другой. Труположениям характерна ди-

аметрально противоположная ориентация мужских и женских захоронений. У первых она головой на В, у вторых – головой на З. Встречаются и отклонения. Трупосожжения констатированы в 23 грунтовых могильниках на населённой латгалами территории. Почти всегда кремация проходила вне территории памятника. Только на могильнике Лудзас Одукалнс, возможно, констатированы случаи, где она происходила непосредственно на месте захоронения. Количество трупосожжений редко превышает 10% от всех захоронений одного памятника. Они разбросаны среди остальных могил и не концентрируются в какой-то определённой части могильника. Более 40% могильных ям

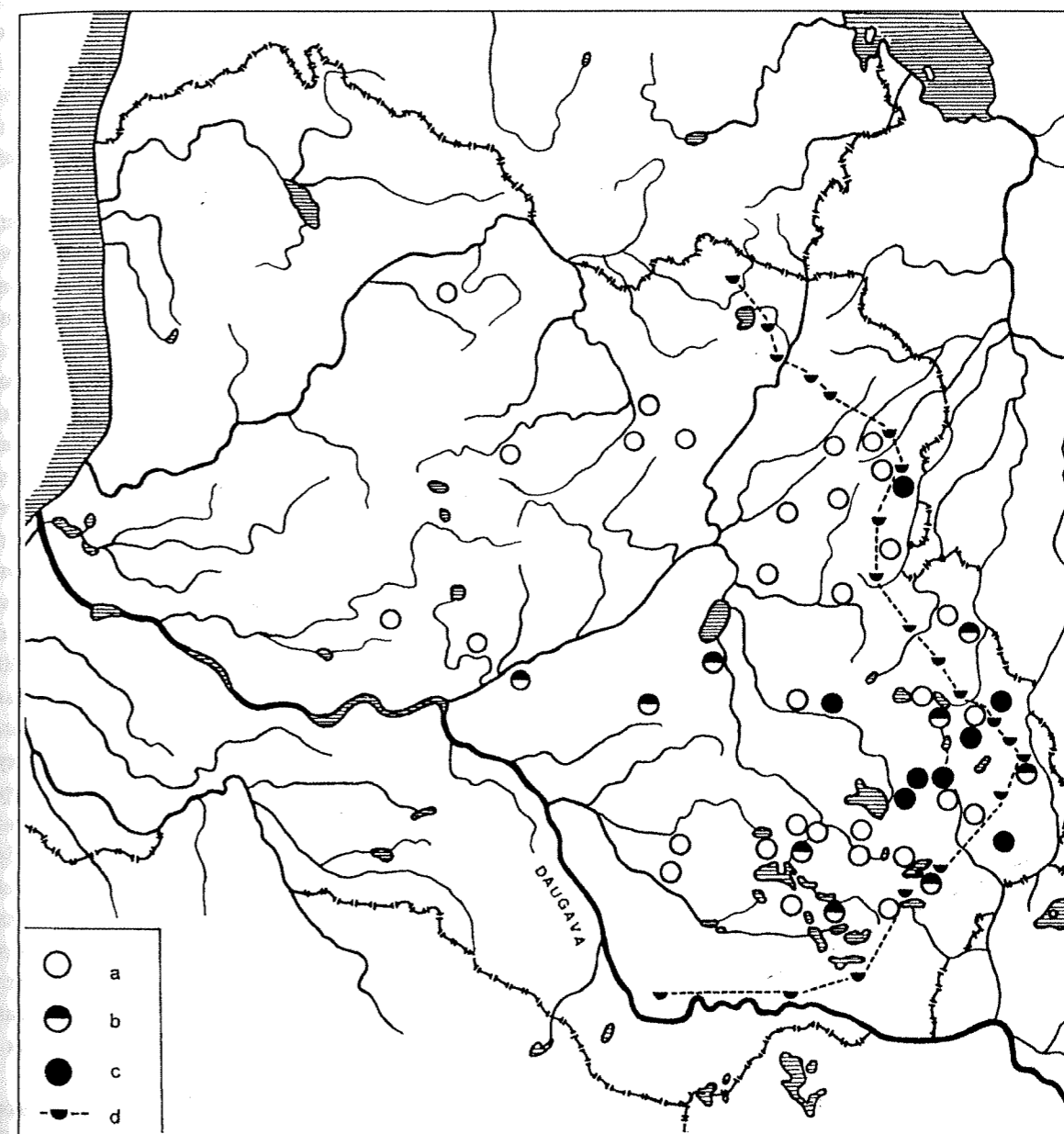

Рис. 2: Карта распространения латгальских курганных могильников
 а – в группе до 100 насыпей, б – в группе до 200 насыпей, с – в группе более 200 насыпей, d – восточная граница распространения грунтовых могильников

трупосожжений по форме, размерам и ориентации не отличаются от наблюдаемых в труположениях. В них также констатирован настил погребальной ямы корой, дощатые подстилки, колоды. В этих трупосожжениях предметы и кальцинированные кости также могут быть расположены в небольшой коробочке. Кальцинированные кости чаще всего зафиксированы в концах или середине могильной ямы. Тут в известной мере также соблюдена диаметрально противоположная ориентация женских и мужских захоронений. Если кучка кальцинированных костей находится в конце могильной ямы, то она расположена в вероятном изголовье труположения соответствующего пола. Погребальный

инвентарь обычно положен над кучкой кальцинированных костей или же рядом с ней, нередко в последовательности характерной для труположений. В первом случае древности часто сломаны и обгорелые, что нехарактерно для второго и третьего случая. В большинстве остальных трупосожжений констатированы могильные ямы округлой формы, размеры которых 0,25–1 x 0,25–0,9 м. В их заполнении пепел, угли, кальцинированные кости, сломанные и обгоревшие предметы, в расположении которых чаще всего нет никакой системы.

На населённой латгалами территории трупосожжения встречаются в грунтовых могильниках с 8 (Šņore,

1987, р. 13, 37) по 15 (Berga, 1986, р. 38; 1988, р. 41, 42) век. Наблюдаемые среди них отличия определены не столько хронологически, сколько вызваны возможностью различного происхождения этого явления. Так как часть трупосожжений – это женские захоронения, то высказывались мнения, что таким образом хоронились взятые в жены литовки или славянки (Riekstiņš, 1935, р. 56, 57; Шноре, 1957, с. 22, 23). Возможны также ливские захоронения, особенно в пограничных районах между ними и латгалами. Всё же несомненно, что хотя бы те трупосожжения, где форма и орнаментация одинакова с зафиксированными у трупоположений, могут быть связаны с латгалами. Надо отметить, что кремация значительно облегчает доставку на родину останков погибшего или умершего на чужбине воина.

В определении символических погребений, т. е. где в погребальной яме инвентарь размещен в обычном порядке для трупоположений, но отсутствуют кости, существуют известные трудности, так как в силу разных обстоятельств кости скелета могут полностью исчезнуть. Во всех известных случаях констатирован характерный для мужчин инвентарь и ориентация захоронения.

Существуют различные мнения о толковании символических захоронений. Их объясняют и символическими захоронениями погибших или умерших на чужбине воинов (Спицын, 1893, с. 13, 14; Шноре, 1957, с. 24), или расценивают как дополнительную могилу к основному захоронению (Куликаускаене, 1952, с. 116), или их связывают с попытками откупиться таким образом от смерти (Шноре, 1957, с. 24). Имеющийся материал свидетельствует, что меньше всего обосновано представление о символических захоронениях как дополнительной могиле к основному захоронению.

Число известных латгальских курганных могильников достигает 50. В них зафиксировано более 4000 насыпей. Археологические раскопки проходили на 15 могильниках и число исследованных курганов достигает 200 (Radiņš, 1993, р. 13). В западном направлении эти памятники достигают Лиепкалне, Яунпиебалга, на севере – Плани, озеро Аугулиенес, Балви, на востоке – Зилупе, а на юге – Дагда, Гравери. Их расположение

неравномерно. Большинство курганов находится в восточной части населённой латгалами территории. По своему численному составу могильники сильно различаются (рис. 2). Количество курганов в одном памятнике колеблется от нескольких десятков до нескольких сотен.

На территории могильника курганы обычно расположены вплотную друг к другу. Часто они как бы формируют несколько небольших групп. Насыпь кургана имеет круглую или немного овальную форму. Их диаметр обычно 5–7 м, высота 0,3–0,8 м. Курганы редко превышают 10 м в диаметре и 1 м в высоту. Насыпь сделана из песка. Нехарактерны какие-либо каменные конструкции. Как показывают исследования, на вершине кургана обычно наблюдается небольшое углубление, которое принято рассматривать как характерную черту описываемых курганов и связывать с погребальным ритуалом; на самом деле оно является следом, оставленным разорителями могил. На различной глубине курганных насыпей находят угли, а в основании – слой серой земли толщиной в 0,05–0,10 м со следами угля и пепла. Это частично можно объяснить древним уровнем земли, частично огненными ритуалами. На этом сером слое земли возможны деревянные конструкции. Такая конструкция была открыта в кургане №23 могильника Макашену Куцини (Radiņš, 1984, р. 76). Конструкция состояла из 4 брёвен. Они располагались так, что углы прямоугольника размерами в 4,6 x 5 м ориентированы по сторонам света. Брёвна сильно обгорели. Это не единственное доказательство тому, что огненным ритуалам в курганных захоронениях придавалось не меньшее значение, чем в грунтовых могильниках. Например, иногда на слое серой земли констатируют места кострищ.

Курганы часто опоясывает ровик, который не всегда виден до проведения археологических раскопок. Его ширина 0,8–1,4 м, глубина 0,15–0,35 м. Ровик не везде одинаково ясно вырисовывается. В нём наблюдаются перерывы. Ровик нельзя рассматривать только как источник песка для насыпи кургана, ему принадлежит известное ритуальное значение. Иногда вместо ровика курган опоясывают ямы круглой или овальной фор-

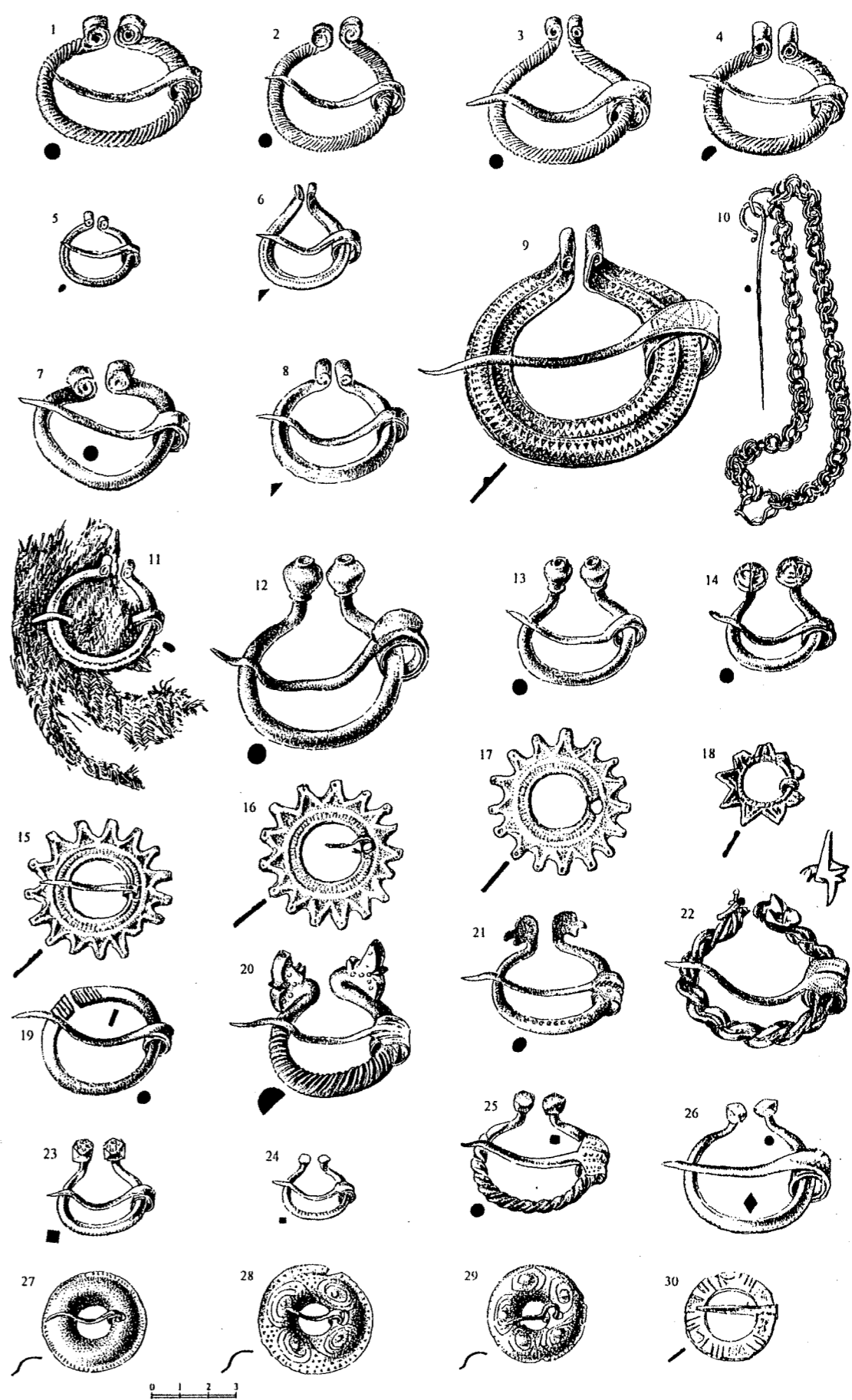

Рис. 3: Фибулы и булавки из женских погребений

- 1, 2, 17, – Лудзас Одукалнс (А 12000 : 401, 402, 1), 3, 14, – Скайстас Стирнас (А 10089 : 8, 10099 : 9), 4 – Ливану Ерсика (А 10357 : 6), 5, 9, – Мердзенес Дзервес (А 10131 : 10, 8210 : 17), 6 – Вишкю Маскава (А 9451 : 23), 7, 21, 23, 24 – Карлю Айнава (А 3265, 3398, 3397, 3290), 8, 12, 19, – Кокнесе (А 12694 : 105, 12764 : 99, 12776 : 126), 10 – Пилдас Нукшас (CVVM 65260 : 9), 11, 18 – Айзкалне (А 10573 : 2, 10562 : 5), 13 – Тауренес Лаздини (А 3436), 15 – Плявиню Радзес (А 10459 : 2), 16 – Нирза (А 8847 : 9), Варакляну Шкели (А 8130 : 6), 22, 27, 28 – Цибла (А 7781 : 11, 6, 2), 25, 30 – Дзелзавас Стугукалнс (А 8308 : 3, 4), 26 – Галгаускас Тицени (RDM I 1309w), 29 – Вецгулбенес Думпья (А 563)

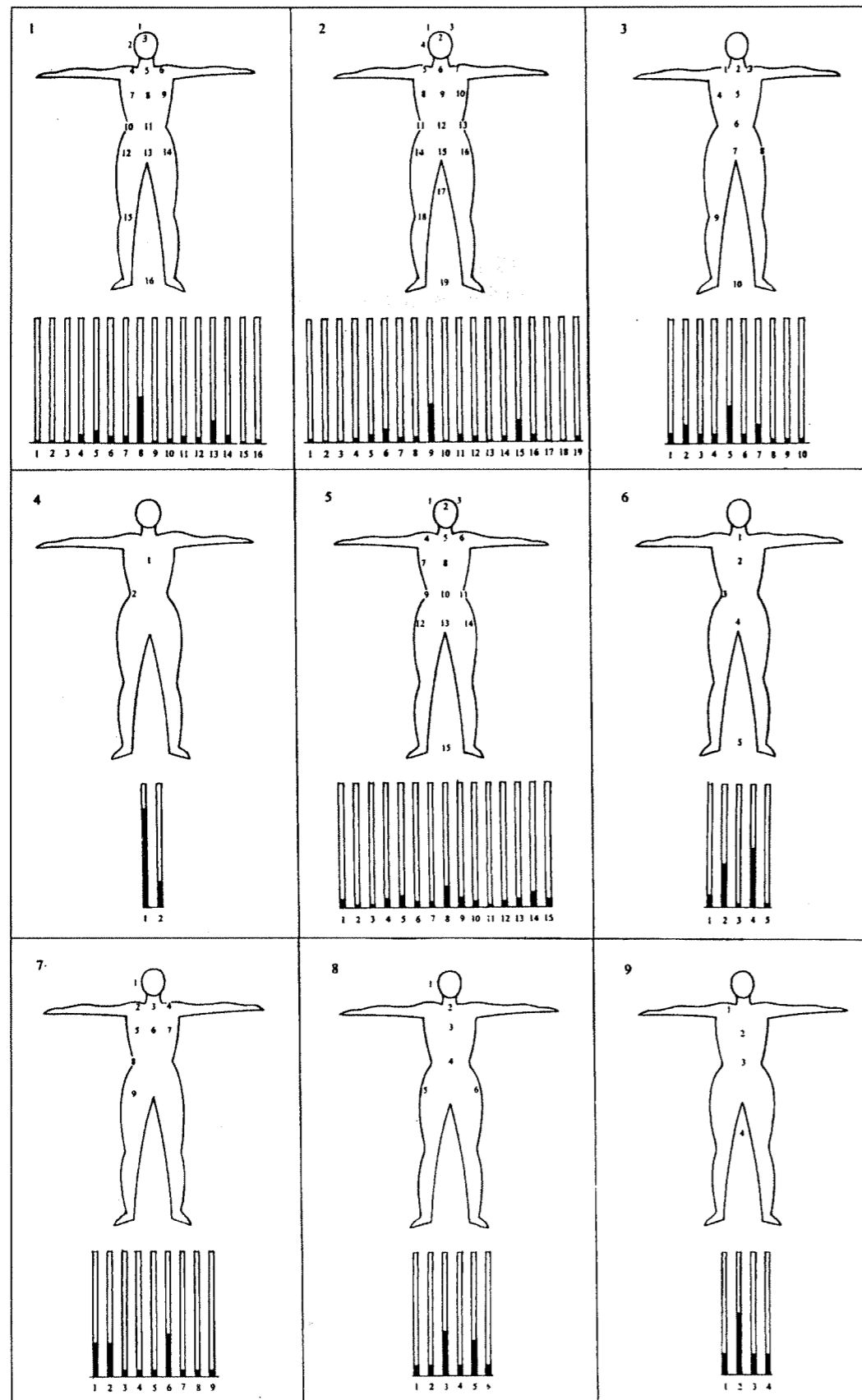

Рис. 4: Месторасположение подковообразных фибул в женских погребениях
 1 – одна, 2 – все, 3 – разные могильники, 4 – Звиргденес Кивти, 5 – Пилдас Нукшас,
 6 – Лудзас Одукалнс, 7 – Аглонас Кристапини, 8 – Кокнесе, 9 – Плявино Радзес

мы 0,9–2,5 м длиной, глубиной в 0,15–0,40 м. В заполнении как рвов, так и ям – смешанная земля с мелкими угольками.

Курганы содержат обычно одно, в редких случаях два захоронения в углублённых в материк на 0,2–1 м могильных ямах. По своим размерам, форме и наполнению они не отличаются от наблюдаемого в грунтовых могильниках. Так же виды захоронений, размещение умершего, ориентация точно такие же. Таким образом, разница между курганными и грунтовыми могильниками выражается только в песчаной насыпи поверх захоронения и мероприятиями, связанными с этим.

Начало курганных могильников относится к концу 10 века. Возможно, что определённая роль при их возникновении принадлежала тем восточным балтам, которые под давлением восточных славян продвинулись на запад. При одинаковой или почти одинаковой материальной и духовной культуре объединение обоих этих видов – курганных и грунтовых могильников – вполне возможно. В упомянутом процессе возможны также какие-то дополнительные мотивы. В этой связи надо отметить, что те воины – торговцы, среди которых вначале доминировали скандинавы, создавшие в течение 9 века систему торговых дорог вдоль рек Восточной Европы, позволившую соединить Балтийское море с Каспийским и Чёрным морями, своих умерших хоронили в курганных могильниках. Одно из ответвлений пути „из варяг в греки“ связано с рекой Великая. Важнейшим центром на её берегах был Псков. Вблизи этого города известны несколько латгальских грунтовых могильников 10–11 века (Ершева, 1991, с. 124–133). Как известно первоначальная торговая активность скандинавов привела к существенной перемене экономической, политической, этнической ситуации на очень обширной территории. В любом случае нельзя отрицать, что это не могло не затронуть также территорию, населённую латгалами. Конец использования латгальских курганных могильников приходится на первую половину 14 века.

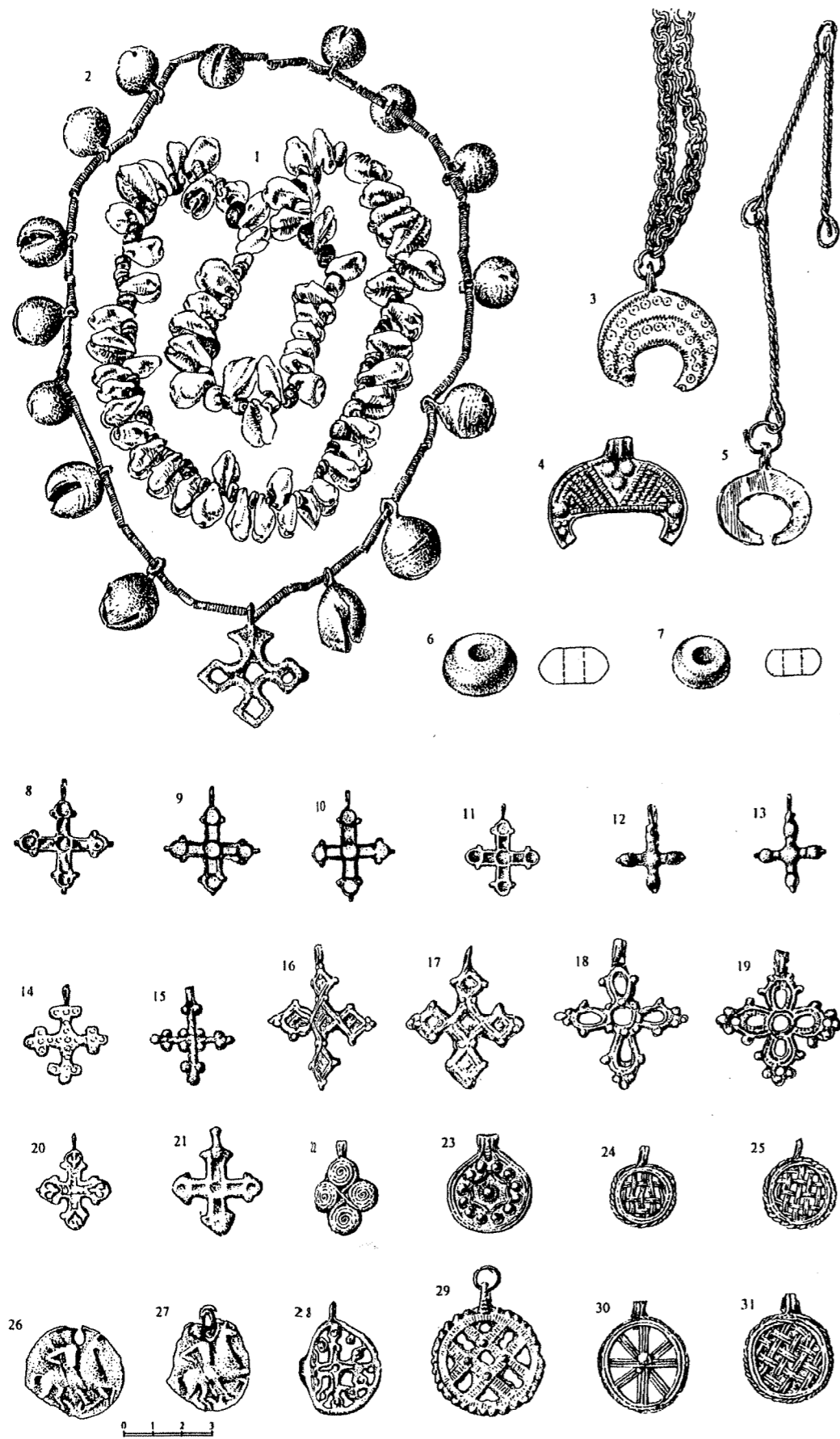
До сих пор нерешённой проблемой остаются отношения хронологически одновременно существовавших грунтовых и курганных могильников латгалов в основном регионе распространения последних. Имеющийся материал позволяет высказать предположение, что они могли сосуществовать в одном месте одновременно. Но в то же самое время надо отметить, что в конце 11 века часть возникших в предыдущий период грунтовых могильников прекращает своё существование.

Характерной чертой рассматриваемых памятников является довольно богатый могильный инвентарь. Могила без инвентаря не является широко распрост-

ранённым явлением. Например, в могильнике Эрглю Яунакени таких было 13,5% (Graudonis, 1973, p. 38), в могильнике Кокнесе – 11,6%, причём 60% этих захоронений без инвентаря составляли детские погребения (Žeiere, 1986; 1987; 1988b; 1989], в могильнике Пилдас Нукшас – 5% (Šnoge, 1957, с. 67–94), в могильнике Звиргденес Кивти – 4,9% (Šnoge, 1987, p. 33–57), в могильнике Лудзас Одукалнс – 1,7% (Спицын, 1893, с. 1–35]. Это определили существующие в обществе погребальные традиции. Очевидно, мы похороны можем в какой-то мере сравнивать с Юрьевым днём, т. е. с таким случаем, когда человек со всеми вещами переходит жить в другое место – в данном случае – загробный мир. В этом процессе надо выделить с, одной стороны, права и притязания покойного на своё имущество и с, другой стороны, фактическую реализацию этого (дача или не дача имущества в могилу), что осуществляют близкие покойного. Здесь находится ответ на вопрос – в какой мере могильный инвентарь умершего отвечает его общественному положению при жизни. Возможно, что традиция, которая определяет установленный инвентарь захоронения, может в известной степени стереть отличия между людьми с различным социальным статусом. Вместе с изменением тех религиозно-идеологических норм, которые определили представление общества о смерти и умершем, меняются и погребальные традиции. Так, на кладбище 13–14 века Драбешу Упланти, где умершие захоронены согласно нормам, определённым христианской религией, число захоронений без инвентаря достигает 42,5% (Apala, 1987, p. 95–103]. Конечно, это не является единственным условием перемен в наличии или отсутствии могильного инвентаря.

Как уже было отмечено, могильный инвентарь на населённой латгалами территории как на грунтовых, так и в курганных могильниках состоит из праздничного наряда и украшений умершего, в мужских захоронениях также орудий труда и оружия, в женских – орудий труда. В инвентаре не наблюдается принципиальной разницы между женскими труположениями и трупосожжениями, между мужскими труположениями, трупосожжениями и символическими захоронениями. Естественно, что в символических захоронениях и трупосожжениях намного реже встречаются остатки текстиля, хотя среди последних, в женских захоронениях, часто констатированы шерстяные наплечные накидки – виллаине, которые были туда положены во время захоронения кремированных останков. Рассмотрим один такой случай в могильнике Драбешу Лиепиняс. Здесь яма погребения №5 была выложена ориентированной в северо-западном – юго-восточном направлении куском коры (Apals, 1986, p. 80]. По се-

редине куска размещена кучка кальцинированных костей, а поверх неё – виллаине с завёрнутыми в неё порченными предметами: выпрямленными и сломанными шейными гривнам, фибулами. Рядом с ней находилась вторая – положенная на землю кучка кальцинированных костей с несколькими небольшими предметами. Ещё виллаине в женском трупосожжении констатирована в могильнике Лудзас Одукалнс (Спицын, 1893, с. 18), в могильнике Аглонас Кристапини (Briede, 1980, р. 31), в могильнике Пилдас Нукшас (Шноре, 1957, с. 22) и др.

Полученные археологические данные позволили сделать вывод, что женщины носили венки, виллаине, возможно кофту, юбку, рубаху, обмотки ног, обувь. Особое место среди данных умершему предметом занимал венок. Как известно, девушки по традиции носили венок, а женщины в свою очередь головные платки и шапки. Но в могильниках населённой латгалами территории известны только венки. Они давались даже женщинам пожилого возраста. В двух захоронениях могильника Пилдас Нукшас, где найдены венки, были погребены 45–50 летние, а в двух других – 60–70 летние женщины (Шноре, 1957, с. 35). Всего на этом памятнике венки известны в 44 из 78 исследованных женских захоронений. Для сравнения приведём ещё числа из некоторых других могильников: в могильнике Эрглю Яунакени – в 6 из 20 (Graudonis, 1971; 1972b), в могильнике Кокнесе – в 13 из 36 (Žeiere, 1986; 1987; 1988b; 1989). Упомянутые данные свидетельствуют, что примерно половине из захороненных женщин дан венок. Возможно, в могильнике Лудзас Одукалнс даже больше – двум третим. Это всё же не значит, что жены не носили других головных уборов. Высказано мнение, что, возможно, головные платки просто не сохранились, так как они не были украшены бронзой (Zariņa, 1970, р. 112). Однако, учитывая традиции изготовления и украшения виллаине, это предположение не выглядит убедительным. Иногда у головы женского захоронения констатированы бронзовые спиральки, значение которых неясно, что не исключает возможности их связи с головными платками. До сих пор древней-

шие шапки получены только из захоронений 14–15 века (Зариня, 1986, с. 174, 178). Эти находки позволяют предположить, что их могли носить также несколькими веками раньше. О том, что это возможно, свидетельствует факт, что в конце 1 – нач. 2 тыс. шапки были широко распространены к югу от населённых латгалами земель на территории нынешней Литвы (Волкайте-Куликаускаене, 1986, с. 155). В то же время надо указать, что не металлические венки также невозможно констатировать во всех случаях и вместе с тем, число этих головных украшений фактически больше упомянутого. Вероятнее всего, что ответ на вопрос, почему из женских головных уборов 10–13 века в захоронениях констатированы только венки, надо искать в погребальных традициях. Очевидно, согласно погребальной традиции как замужней, так незамужней латгалке надо было явиться в загробный мир украшенной именно венком.

Среди рассматриваемых головных украшений можно выделить несколько видов – ленточный, жгутовый, матерчатый и др. Ленточный венок на могильниках населённой латгалами территории констатирован начиная с 8 века (Šnore, 1987, р. 16). Он состоит из четырёх параллельных рядов бронзовых спиралек, надетых на лыко, и бронзовых обоймиц, которые скрепляют между собой упомянутые ряды в зависимости от длины спиралек. Эта форма в дальнейшем принципиально не менялась. В 9 веке число спиралек увеличивается до пяти и сзади иногда привешиваются подвески. В 10–12 веках у ленточного венка пять или шесть рядов спиралек, в свою очередь подвески становятся более пышными. В 10–11 веках последние состоят из привешенных к бронзовой цепочке бубенчиков и гребневидных подвесок. В 11–12 веках к прикрепленному к венку цепедержателю крепятся несколько цепочек, на конце которых подвешены уже упомянутые бубенчики, а так же бронзовые трапециевидные язычки. В рассматриваемый период рядом с ленточным венком, но значительно реже, встречаются венки из спиралек, у которых обоймицы заменены бронзовыми цилиндрами

Рис. 5: Шейные украшения и подвески

1, 5 – Ливану Ерсика (10340 : 3, 10336 : 6), 2, 3, 15 – 18, 21, 24, 25, 28 – 31 – Карлю Айнава (А 3393, 3395, 3410, 3352, 3409, 3353, 3354, 3283, 3285, 3279, 3395, 3355, 3284), 4 – Мердзене Дзервес (А 9004 : 30), 6, 22 – Цибла (А 7781 : 12, 19), 7 – 11 – Скайстас Стирнас (А 10089 : 15, 13), 12, 13 – Вишкю Пипери (А 8854 : 6, 7), 14 – Каунатас Рикополе (А 7753 : 8), 19 – Макашену Грейвули (А 8994 : 1), 20 – Галгаускас Тицени (RDM I 1309u), 23 – Тилжа (А 2708), Агонас Кристапини (А 12444 : 7)

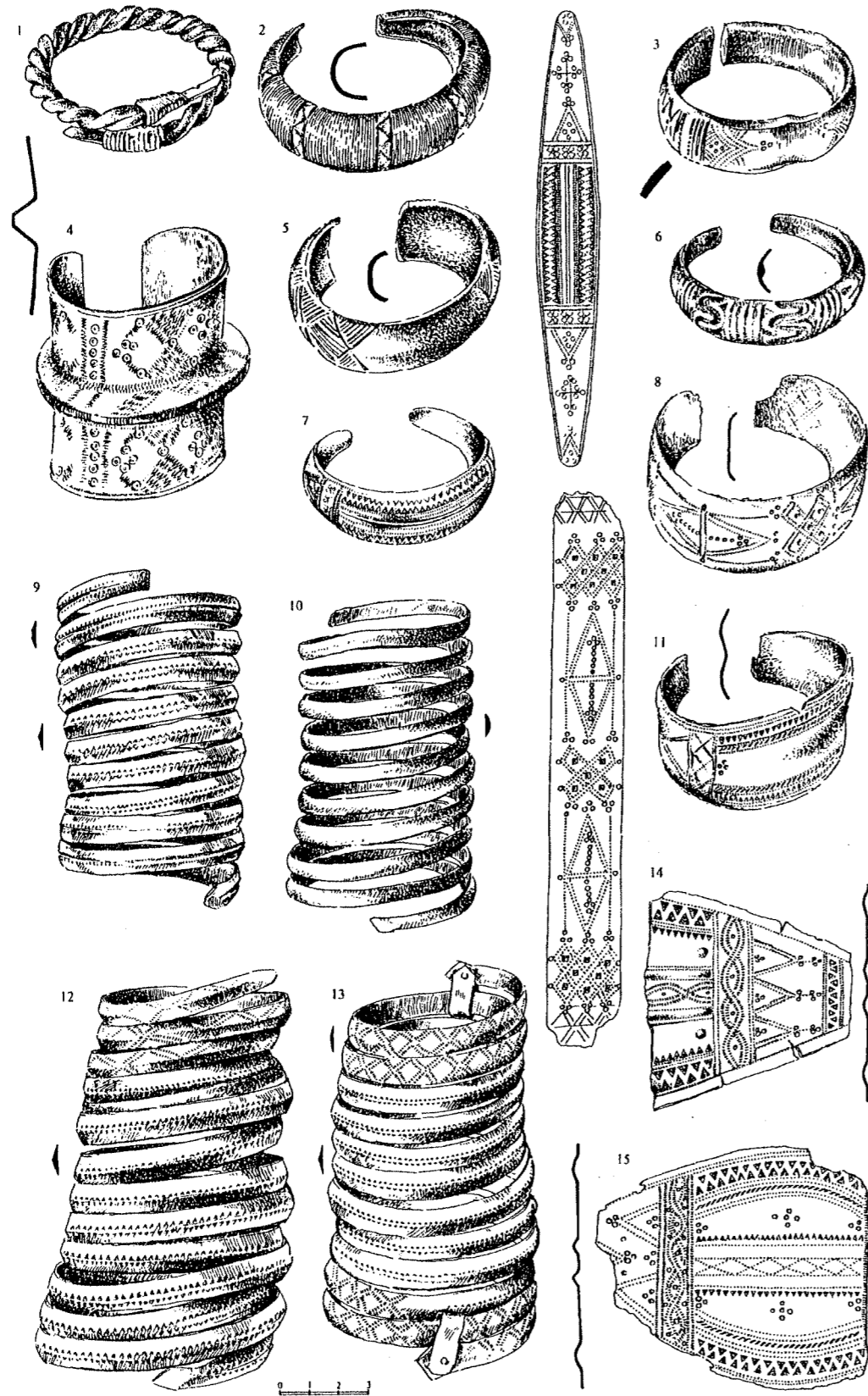

Рис. 6: Браслеты из женских погребений
 1 – Плявиню Радзес (А 10459 : 15), 2, 4 – Лудзас Одукалнс (А 7709: 6, 4), 3 – Лиезерес Озолмуйжа (А 8001 : 22), 5, 12 – Вишкю Маскава (А 9464 : 6, 9451 : 10), 6, 8 – Мердзенес Дзервес (А 12181 : 10, 8210 : 15), 7 – Варакляну Цакули (12597 : 10), 9, 10, 13 – Пилдас Нукшас (СVVM 65338 : 2, 3, 65267 : 5), 11 – Карлю Айнава (А 3423), 14 – Балву Салмини (А 10127 : 6), 15 – Алсвию Пидики (А 3049)

или кружками. Этим видом головных украшений прекращают пользоваться в 13 веке.

Второй металлический венки - жгутовый, встречается с 9 века (Šņoge, 1987, p. 18). Он бывает двух видов. В основе одного лубяной жгут или прут обмотанный пряжей, вокруг которой обогнуты пластинки рифлёной жести, а у другого – шерстяные нити, на которые надеты бронзовые спиральки. Существует мнение, что последние несколько более поздние (Zariņa, 1960, p. 81). Так же как и у ленточного венка, к жгутовому сзади прикреплялись подвески. В 10–11 веках известны жгутовые венки, у которых два цилиндрических или один цилиндрический и один спиральный венки были сзади вместе скреплены. Поиски ещё более роскошной формы привели к варианту с расширенной передней частью. Конец использования жгутовых венков приходится на рубеж 12–13 века.

Одновременно с этими широко используемыми металлическими венками в 10–12 веках констатированы несколько реже встречаемых видов. Надо сказать, что фиксация некоторых из них в археологических раскопках затруднена в связи с их слабой сохранностью. Например, интересная находка получена в могильнике Приекулю Гюгери. Здесь в погребении №157 под ленточным венком был зафиксирован венок, плетёный из мелких корней дерева шириной в 1,5 см (Araļa, 1992, p. 12). Вряд ли было бы правильно рассматривать это как уникальное явление. Так, на могильнике Лудзас Одукалнс констатирован венок, шерстяной жгут которого с помощью фибул прикреплён к соломенной плетёнке. Среди не столь часто встречаемых головных уборов ещё надо упомянуть венок из колечек. Они состоят из орнамента из бронзовых колец, нанизанных на от трёх до пяти параллельных жгутов из конского волоса или нитях шерстяной пряжи. В свою очередь в основе венка из конского волоса несколько жгутиков конского волоса или лыка, которые соединены плетением, орнаментированным цветной нитью. Подобно венкам из колечек, в основном в захоронениях 13 века, известны венки из окованных ремешков (Zariņa, 1970, p. 118). Они изготовлены из берестяной полоски, которая обогнута кожей или просто из кожи с бронзовыми оковками. Как это было констатировано в могильнике Лубанас Личагалс (Šturms, 1927) сзади у этих венков может быть прикреплена подвеска.

12 век – это время не только самых пышных форм металлических венков, но так же начало их замены матерчатými венками. Они часто встречаются одновременно в одном захоронении. В 13 веке матерчатый венок – уже единственный вид рассматриваемых головных уборов. Смена многих других украшений в интересующий нас век есть не только результат пере-

мен тенденций моды, но так же и процесс, связанный с теми событиями, которые были вызваны крестовыми походами.

Матерчатые венки изготовляли, пришивая к тканю одноцветному или реже полосатому поясу в зигзагообразный орнамент бронзовые спиральки или жёлтые стеклянные бусинки. Концы тканого пояса сшивались вместе, но задняя часть оформлялась по-разному – прямо, косо и т.д. Некоторые венки, которые сделаны большими, чем окружность головы, соединены сзади, вшитой частью верхнего края (Zariņa, 1970, p. 124, 125).

Ранние матерчатые венки узкие. В 13 веке их число значительно уменьшается, но полностью они не исчезают. В это время уже доминируют широкие матерчатые венки. Переходной формой считаются несколько вместе сшитых узких матерчатых венков. Относительно размеров, узкие венки обычно шириной в 1–2 см, а широкие – 4–7 см. Сзади как к первым, так и ко вторым прикреплялись подвески-косы, к тому же по несколько сразу. При их изготовлении чаще всего использовали текстиль и бронзовые спиральки. Как тесьмки для подвесок использовался тканый пояс или плетение, украшенные звеньями из спиралек. Завершение их концов обычно образовывали решётковидные переплетения спиралек с вплетённой цветной тесьмой с бахромой (Zariņa, 1970, p. 126). Часто у матерчатого венка были также подвеска-коса из бронзовой цепочки с подвесками.

Венки встречаются также на христианских кладбищах 13 века. Но их количество небольшое. Широкие матерчатые венки найдены на кладбище Дзелзавас Стругукалнс (Šturms, 1930), кладбище Драбешу Упланти (Araļa, 1987, p. 106) и т. д. К сожалению, количество вскрытых захоронений этих отдельных памятников недостаточно, чтобы анализировать женские захоронения с венками и без них. Для сравнения с языческими могильниками могут быть использованы только данные из кладбища Драбешу Упланти, где в 4 из 17 женских захоронениях констатированы венки.

Хотя распространение венков на интересующей нас территории анализировано (Zariņa, 1960, p. 79–95; 1970, p. 112–127; Зариня, 1986, с. 178–180), например, подмечено, что жгутовые венки больше всего распространены в восточной части населённой латгалами территории, а в западной части наоборот их найдено меньше, всё же в этом вопросе необходимы некоторые дополнения и уточнения. В целом местонахождений жгутовых венков к востоку от реки Айвиесте, хотя и только немногим, известно больше. Очень интересные данные показывает материал отдельных памятников. Сравним отношения найденных на них жгутовых и ленточных венков. В таком памятнике, как грунтовой

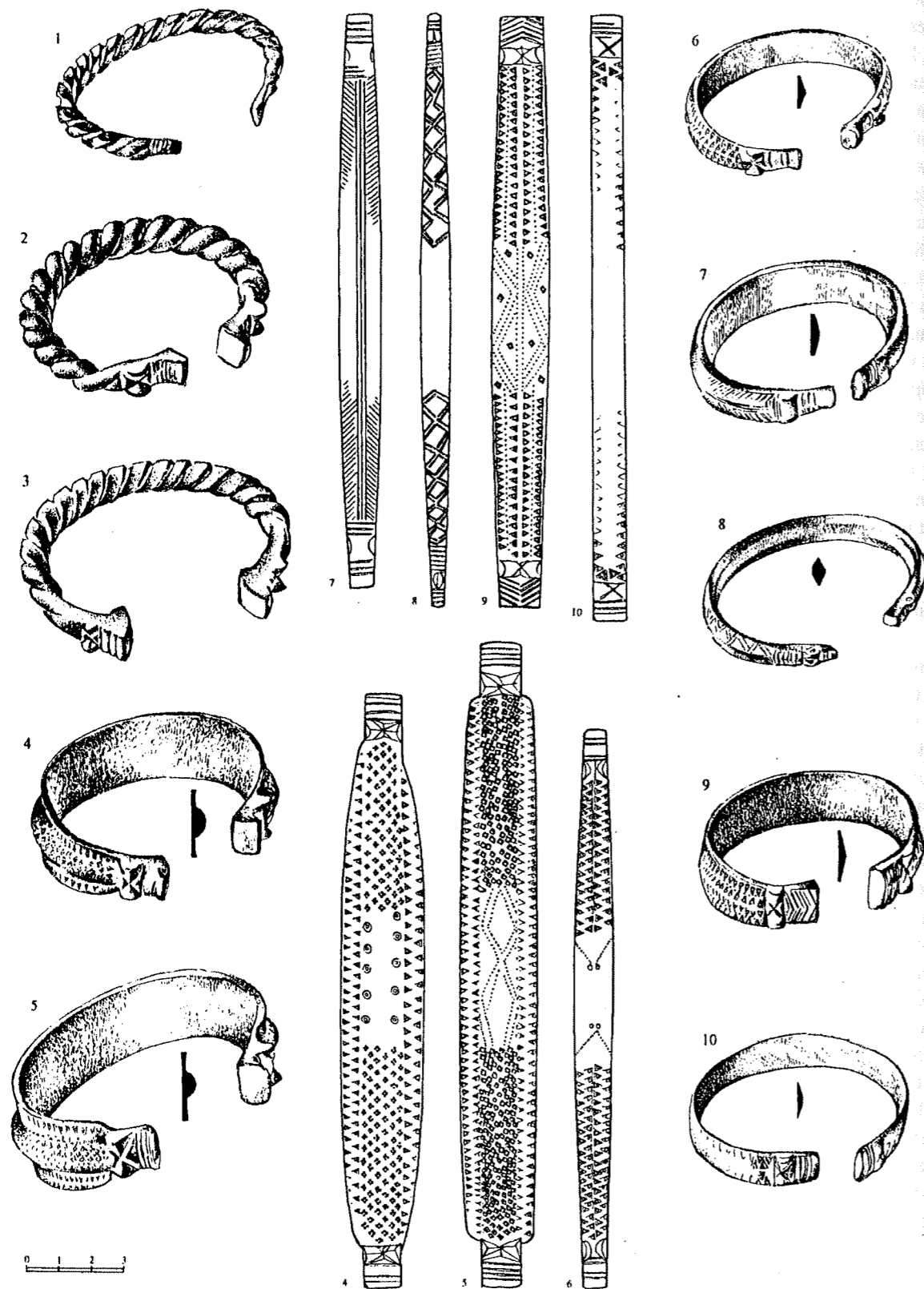

Рис. 7: Браслеты с концами в виде головы зверя из женских погребений
 1 – Яунниебалга (А 1099), 2 – 5, 9 – Скайстас Стирнас (А 10089: 6, 10088 : 7, 10087 : 7, 10, 10088 : 5), 6 – Аглонас Кристапини (А 12508 : 203), 7 – Каунатас Рикополе (А 7764 : 9), 8 – Берзаунес Каркли (RDM I 1236), 10 – Звиргзденес Иснауда (А 7733 : 3)

могильник Лудзас Одукалнс отношение равно 35 к 14 (Спицын, 1893, с. 1–35), в могильнике Пилдас Нукшас – 29 к 11 (Шноре, 1957, с. 67–94), в могильнике Драбешу Лиепиняс – 13 к 11 (Apals, 1971; 1972/1973), в могильнике Эрглю Яунакени – 5 к 4 (Graudonis, 1971; 1972b), и только в могильнике Кокнесе 1 к 9 (Žeiere, 1986; 1987; 1988b; 1989). В свою очередь в курганных могильниках преобладают ленточные венки – 11 к 2. Так же требует объяснение тот факт, что на грунтовых могильниках в женских трупосожжениях подавляющее преобладание имеют жгутовые венки. Анализируя 33 захоронения из 11 памятников – Виесиенес Межарес (Аронский карьер), Плявино Радзес, Пилдас Нукшас, Балтинавас Пунцелера (Лукстениеки), Лубанас Личагалс, Аглонас Кристапини, Кокнесе, Эрглю Яунакени, Лудзас Одукалнс, Драбешу Лиепиняс, Приекулю Гюгери – получен следующий результат – 23 к 3. Возможно, что ответы надо искать в этнических процессах Восточной Латвии.

Как свидетельствует материал, полученный в труположениях, женщины зачастую носили на голове по несколько венков. В погребениях №45, 62, 66 могильника Приекулю Гюгери их число достигало четырех (Apala, 1990, р. 21). Как уже было отмечено, они могли быть как одинаковыми, так и разными. Например, в погребении №12 могильника Плявино Радзес на голове констатирован ленточный венок из 6-ти рядов, матерчатый и венок из окованного ремешка (Mugurēvičs, 1977, р. 107), а в погребении №4 могильника Карлю Айнава – ленточный и 3 матерчатых венка (Zariņa, 1960, р. 88]. Многие из описываемых женских головных уборов также известны по женским трупосожжениям. Так в погребении №132 могильника Аглонас Кристапини найден ленточный и 2 жгутовых венка (Briede, 1980, р. 31).

Характернейшей частью женского гардероба является наплечное покрывало – виллаине. Оно имело не только практическое значение, но и являлось элементом украшения. Именно последним – виллаине как наиболее роскошной и орнаментированной частью одежды – латгальская женщина выделялась среди своих соседок. Не зря в написанной в конце 13 века Древней Рифмованной хронике находим следующие строчки: „Ещё есть такая страна, где/ Народ латгалы живут./ Два принято у них обычая./ Так: вместе они не живут./ А строят дома в лесу./ Их жёны прекрасны, особенны./ И странная одежда их покрывает./ Они скачут, как отцы их скачут./ У них предостаточно сил./ Когда зовут собраться их вместе“ (АН, 1936, р. 9).

Виллаине, размеры которой были 60–90 х 110–130 см, обычно изготавливалась из тёмно-синей шерстяной ткани. Древнейшие их находки относятся к 7 веку,

так как тогда при их украшении начинают использовать бронзовые дужки (Šņoge, 1987, р. 14), которые в свою очередь позже помогли ткани сохраниться в земле. Поначалу виллаине украшалась довольно скромно. Немногочисленные ряды дужек располагались по концам, краям или вокруг окантовки. В 10–11 веке орнамент вдоль краёв становится уже, а по концам шире. В 11–12 веке он зачастую покрывает уже всю поверхность виллаине. Тогда они наиболее роскошны (Zariņa, 1970, р. 59–108). С 12 века встречаются клетчатые и узорчатые виллаине, где вместе с шерстью использован лён. С 13 века постепенно уменьшается и исчезает украшение бронзой. Его сменяет вышивка цветными нитками, используются стеклянные и оловянные бусы.

В захоронениях остатки одежды у скелета чаще всего констатируют в таком положении, как их носят при жизни. Исключение составляет виллаине, которую обычно находят накинутой на плечи умершей, но её также использовали, чтобы накрыть похороненную. Несколько таких случаев известно по могильнику Приекулю Гюгери (Apala, 1992, р. 9). Так же надо отметить могильники Аглонас Кристапини (Briede, 1978, р. 21), Кокнесе (Žeiere, 1988a, р. 167), Мадона (Urtāns, 1953), Циргалю Яунбембери (Cimermane, 1971), Эрглю Яунакени (Graudonis, 1971), Марциенас Олини (Urtāns, 1951) и др. В могильнике Пилдас Нукшас констатировано, что ею чаще накрывали умершую, нежели она была накинута на плечи и закреплена фибулой – 16 к 11 (Шноре, 1957, с. 34). Ещё раз надо напомнить, что виллаине использовалась для накрытия или подстилки в трупосожжениях. Возможно, их так же носили на голове как платок. Сложенной виллаине так же использовались как изголовьем в труположениях, как это было в могильнике Кокнесе (Žeiere, 1988a, р. 168).

О рубахе до сих пор не получено достаточно много материала. Найлены только мелкие фрагменты льняной ткани под браслетами, шейными гривнами. Думается, что это были туникообразные рубахи с длинным рукавом, без воротника и с разрезом, спереди который застёгивался булавкой или фибулой (Zariņa, 1970, р. 56; 1988, р. 22, 23).

Подобным образом не хватает находок, которые могли бы свидетельствовать о юбке и кофте, особенно о последней. Приемлемо, что были распространены нешитые юбки из шерстяной или полушерстяной ткани. В отдельных случаях в 12–13 веках использовали и шитые юбки (Zariņa, 1970, р. 57). Как первые, так и вторые держались при помощи пояса, который чаще всего был тканым.

Обмотки ног из шерстяной ткани в женском захоронении констатированы в могильнике Лудзас Одукалнс. Они были намотаны от ступни кверху и вместе

с краем обмоток ног наматывались также узкие тесемки, которыми обмотки ног были завязаны под коленом (Zaģiņa, 1970, p. 108). Обмотки ног с тесёмочками были найдены также в могильнике Приекулю Гюгери (Araļa, 1992, p. 12). Здесь они констатированы положенными в сложенном виде на колени умершей.

О кожаной обуви свидетельствуют немногочисленные находки её остатков. В могильнике Приекулю Гюгери также получены шнурки, украшенные бронзовыми спиральками (Araļa, 1990, p. 24). На носках женской обуви часто были бубенчики или спиральки. Так, например, у женщины, захороненной в кургане №7 могильника Варакияну Цакули, у обеих ступней находилось по бубенчику (Radiņš, 1984, p. 79). Обувь имела мягкую подошву и состояла из одной или нескольких деталей.

Материал, полученный на могильниках 10–13 веков населённой латгалами территории, указывает на определённый комплекс женских украшений. В нём одни предметы, такие как фибулы и булавки, объединяют в себе функциональное и украшающее значение, в то время как другие (такие как нагрудные, шейные и украшения рук) предназначены только для украшения. Несмотря на такое разделение по назначению, все украшения были непосредственно связаны с одеждой и взаимодействуя с ней, дополняли друг друга.

Полученный при археологических раскопках материал свидетельствует, что в соответствии с погребальными традициями умершие хоронились в праздничной одежде с украшениями. Определить, которые из них носили в будни, невозможно. Несомненно большое число украшений могло мешать работе. Но всё же нельзя отрицать их присутствия в будничном наряде и это относится не только к женщинам, занимающим высокое положение в обществе.

Так как булавками и фибулами скрепляли рубахи, виллаине, кофты, то их местонахождение в захоронениях имеет прямую связь с одеждой и несёт в себе информацию о них. В начале рассматриваемого периода в основном прекращается использование булавок. Всё же железные посоховидные булавки с намотанной на

них бронзовой проволокой и бронзовые посоховидные булавки известны в 10, а иногда и в 11 веке (рис. 3 : 10). Их полностью заменяют подковообразные фибулы, которые встречаются с 8 века. Надо отметить подавляющее господство именно этой формы украшения среди других фибул.

Известны случаи, когда в женских захоронениях 10–11 веков, но только в грунтовых могильниках, как, например, Мадона (Urtāns, 1953), Лиезерес Салнаскрогс (Radiņš, 1980, p. 85), Пилдас Нукшас (Шноре, 1957, с. 35), Плявиню Радзес (Mugurēvičs, 1977, p. 114), Марциенас Олини (Urtāns, 1951), Звиргденес Кивти (Šņore, 1987, p. 41), булавки и фибулы использовались одновременно. Использование только одной булавки констатировано редко. В погребении №110 10 века могильника Пилдас Нукшас на кости правого бедра погребённой женщины найдена посоховидная железная булавка с бронзовой обмоткой (Шноре, 1957, с. 82), а у захороненной в 11 веке женщины из погребения №8 могильника Кокнесе такое же украшение получено в области талии. У похороненной в погребении №1 этого же могильника женщины одежда была застёгнута одной бронзовой посохообразной булавкой (Žeiere, 1986). Судя по остаткам льняной ткани у железной посоховидной булавки из могильника Пилдас Нукшас, можно сделать вывод, что в погребениях №85, 151, 156 ею была застёгнута рубаха. Подковообразные фибулы в упомянутых захоронениях были приколоты к виллаине, которой была накрыта умершая. Булавки, о чём свидетельствует их размещение в могилах, несомненно использовались, хотя и реже, также для скрепления виллаине. Анализированные захоронения, где одновременно использовались булавки и фибулы, раскрывают разнообразие месторасположения находок этих украшений, что связывается в основном с расположением виллаине в могиле. Как уже было отмечено, оно часто не отвечает способу ношения при жизни, так как виллаине часто использовалось для накрывания умершего и не только для этого. Возможно, имелись и другие способы ношения упомянутого элемента одежды, которые отличаются от того, когда виллаине накинута на

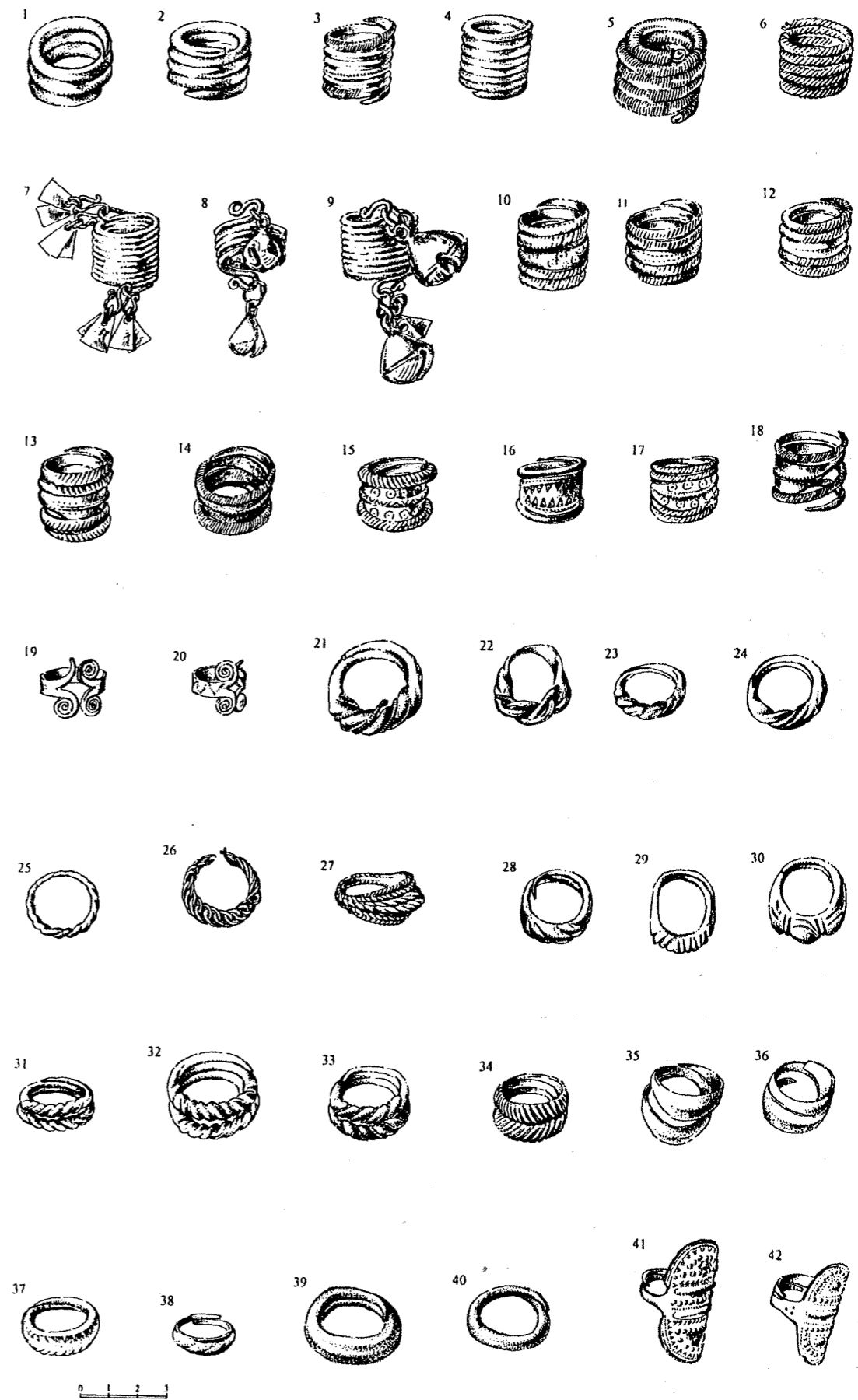
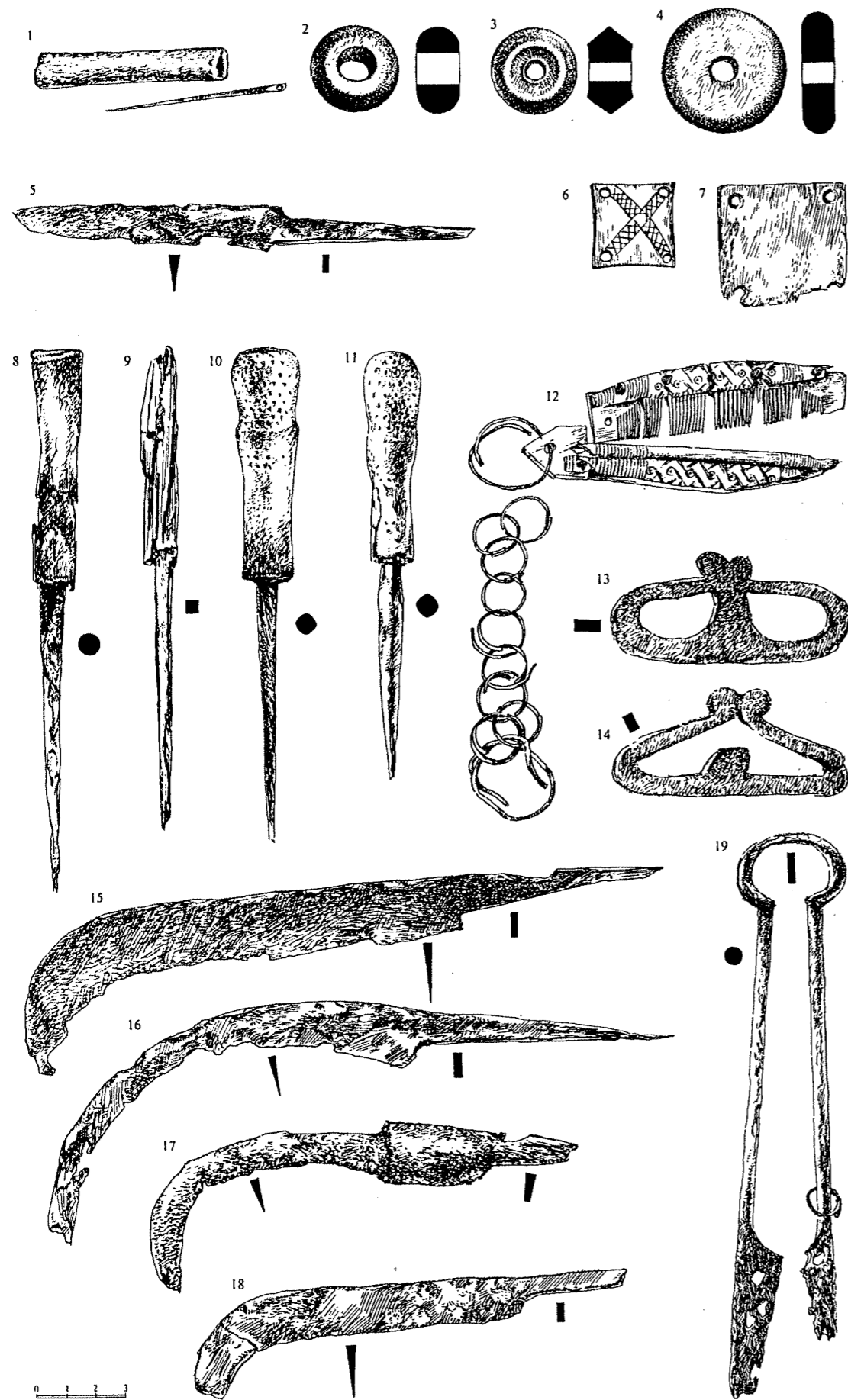

Рис. 8: Перстни из женских и мужских погребений

- 1 – 19 – Раунас Леяруньги (А 10280 : 8, 13), 2, 4, 5, 10, 21, 34 – Галгаускас Тицени (RDM I 13080, p. q, 1316, 1315, 1309q), 3 – Раунас мацитаймуйжа (А 1593), 6, 13, 26 – Карлю Айнава (А 3375, 3378, 3423), 7 – Плявиню Радзес (А 10455 : 2), 8, 9, 20, 28, 37 – Кокнесе (А 12704 : 61, 168, 12764 : 15, 12704 : 233, 12764 : 119), 11 – Калснавас Дактини (А 2776), 12, 14, 27 – Яунпиебалга (А 1109, 837, 1083), 15 – Мердзенес Дзервес (А 8210 : 19), 16 – Трикатас Лубу муйжа (А 2773), 17, 24 – Ливани (А 7910 : 6, 7790 : 7), 18 – Виесиенас Межарес (А 9959 : 2), 22 – Карздабас Грантсканс (А 10480 : 9), 23, 33, 39 – Каунатас Рикополе (А 7760 : 6, 7753 : 5, 4), 25 – Эзерниеку Нипери (А 8186 : 3), 29 – Цибла (А 7781 : 13), 30, 35, 36, 39 – Аглонас Мадалани II (А 12351 : 11, 8, 12863 : 24, 25), 32 – Вилякас Видучи (А 9796 : 4), 40 – Ливану Ерсика (А 10346 : 7), 41 – Варакияну Шкели (А 8130 : 10), 42 – Вецгулбенес Капениеши (RDM I 2109)

плечи и спереди скреплена фибулой. Также не исключена какая-то связь украшений, предназначенных для застёгивания одежды с возможными кофтами.

Вышеупомянутое подтверждают результаты, полученные при анализе захоронений грунтовых могильников, в которых для скрепления одежды использовалась только одна фибула, или же их тут присутствовало несколько и упомянутые фибулы найдены рядом все вместе (рис. 4). В указанных случаях, это 93 погребения из 21 памятника – Аглонас Кристапини, Лудзас Одукалнс, Кокнесе, Звигзденес Кивти, Пилдас Нукшас, Плявиню Радзес, Каунатас Шлякатас, Мадона, Карздабас Грантскални, Яунпиебалгас Ушури, Аглонас Мадалани II, Вецпиебалгас Райскуми, Приекулю Кампи, Эрглю Яунакени, Калупес Лаздани, Каугуру Бейтес, Балву Салмини, Марциенас Олини, Мердзес Дзервес, Лиезерес Салнаскрогс, Цесвайнес Калнапакши – 59,1% из этих украшений получены в области грудной клетки умершего, что не противоречит традиционному представлению, когда одной или несколькими фибулами застёгивалась рубаша, а вилайне другой – более крупной фибулой. Но всё же то, что 32,2% этих украшений найдены в области бёдер и талии, не может быть объяснено только предположением, что если у захороненной было несколько фибул, то они были заколоты в ткань вилайне (Zariņa, 1970, p. 129). Кажется, не исключены случаи скрепления ими несшитых юбок. Подобный вывод позволяет сделать оценка расположения двух и более подковообразных фибул из могильников Пилдас Нукшас, Лудзас Одукалнс, Аглонас Кристапини, Плявиню Радзес, Каугуру Бейтес, Балву Салмини. Интересно, что по отношениям месторасположения находок фибул отдельные памятники всё-таки отличаются. Всё же цифры сильно не меняются, если рассматривать все женские захоронения с подковообразными фибулами из того же 21 могильника. 53,7% упомянутых украшений получено в области грудной клетки, а 35,9% – в области бёдер и талии. Полученный в курганных могильниках материал, несмотря на свой небольшой объём – 7 захоронений из

могильников Каунатас Батари, Каунатас Рикополе, Макашену Грейвули, Яунпиебалга – принципиально не отличается от констатированного на грунтовых могильниках. Излюбленным украшением женщин были подковообразные фибулы с подвёрнутыми концами (рис. 3 : 1–9, 11). Они имеют тордированное, треугольное, ромбовидное круглое сечение дуги. Особенно надо отметить концентрацию местонахождений подковообразных фибул с подвёрнутыми концами и тордированной дугой именно в Восточной части Латвии (Šņoge, 1987, p. 16). Подковообразных фибул с выполненными по-другому концами в женских захоронениях найдено мало. Они более характерны для памятников западной части населённой латгалами территории. Так, если на могильнике Пилдас Нукшас в женских захоронениях констатированы только подковообразные фибулы с подвёрнутыми концами (Шноре, 1957, с. 82), то на могильнике Кокнесе это не так. Здесь в 5 из 17 женских захоронений с интересующим нас видом украшений найдены подковообразные фибулы с концами в виде маковки (рис. 3 : 12), а в 1 – подковообразная фибула с колотушковидными концами (Žeiere, 1986; 1987; 1988b; 1989) (рис. 3 : 19). Могильник Кокнесе выделяется также полученными в двух могилах пластинчатыми фибулами. Они более характерны для земель земгалов.

Среди фибул других типов ещё следует упомянуть звездовидные фибулы (рис. 3 : 15–18). Они в женских захоронениях наиболее часто встречаются после подковообразных фибул с подвёрнутыми концами. Но если первые исчисляются многими сотнями, то вторых только несколько десятков. Звездовидные фибулы известны с 10 века, но, думается, использовались главным образом в 11–12 веках (Vilcāne, 1983, p. 63–65). Кроме территории, населённой латгалами, они в то время были известны на землях к востоку от сегодняшней Латвии (Седов, 1982, с. 156). Звездовидные фибулы найдены как в грунтовых, так и в курганных могильниках.

Как подковообразные, так и звездовидные фибулы и другие украшения данного вида обычно изготовле-

Рис. 9: Орудия труда и предметы быта из женских и мужских погребений
 1, 6, 11 – Аглонас Кристапини (А 12404 : 174, 12768 : 50, 12404 : 179), 2 – 4, 10, 14 – Вишкю Маскава (А 9464 : 13, 9451 : 24, 9447 : 3, 9467 : 11), 5 – Лудзас Одукалнс (А 12000 : 224), 7 – Айзкалнес Маскевицишки (А 7460 : 1), 8 – Айзкалне (А 10557 : 11), 9 – Аглонас Мадалани II (А 12703 : 57), 12, 18, 19 – Кокнесе (А 12694 : 271, 12704 : 182, 181), 13, 17 – Плявиню Радзес (А 10455 : 6, 10452 : 9), 15 – Ливану Ерсика (А 10353 : 10), 16 – Пилдас Нукшас (CVVM 65381; 11)

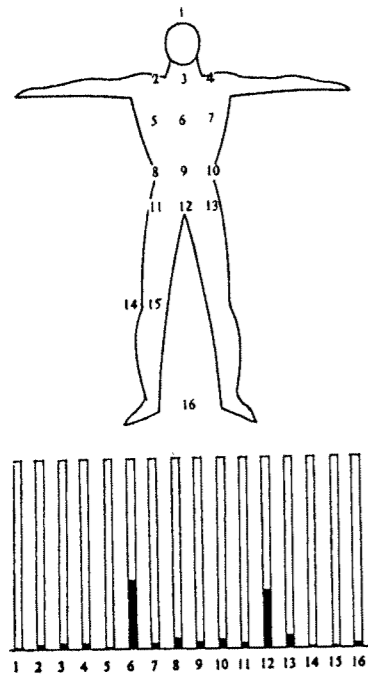

Рис. 10: Месторасположение подковообразных фибул в мужских погребениях грунтовых могильников в случаях с одним этим украшением

ны из бронзы, но среди них известно несколько серебряных экземпляров. Возможно так же использование олова.

Появившиеся в конце 12 века круглые фибулы (рис. 3 : 27–30) в 13 веке ещё не сменяют подковообразные фибулы. Последние всё ещё сохраняют своё доминирующее положение в застёгивании одежды (рис. 3 : 20–26). В 13–14 веков на кладбище Драбешу Упланти из четырёх женских захоронений с фибулами только в одном рядом с бронзовой подковообразной фибулой с гранёными концами констатированы 2 круглые фибулы (Арала, 1987, р. 95–103). Надо отметить, что в это время, особенно в западной части населённой латгалами территории, где быстрее начались перемены в политической, экономической и духовной жизни, происходила дегенерация форм подковообразных фибул. Также наблюдается сокращение количества фибул. Большее значение круглые фибулы небольших размеров с плоской или немного выгнутой дугой получают начиная с конца 13 века. Этот процесс, хотя и в разное время, охватывает всю населённую латгалами территорию. Так, упомянутые круглые фибулы получены как на вышеупомянутом кладбище Драбешу Упланти, так и в курганах начала 14 века могильника Цибла (LA, р. 306). Круглые фибулы обычно изготовлены из бронзы.

Самым характерным женским шейным украшением

была шейная гривна. Они давались умершим в могилу не только по одной, но иногда даже по несколько сразу. Число этих шейных гривен находится в известной зависимости от хронологии захоронения. Если в 8 и 9 веке количество шейных гривен одного захоронения не превышает двух, а чаще всего она только одна и такое положение в целом сохраняется в 10 веке, то в 11–12 веках известны случаи даже с шестью и семью упомянутыми украшениями (Спицын, 1893, с. 25, 26; Murgurēvičs, 1977, р. 106). Использование шейных гривен продолжается в 13 веке, когда они постепенно исчезают и заменяются бусами и раковинами каури.

Анализируя 214 захоронений 10–13 века из 30 грунтовых могильников – Эрглю Яунакени, Кокнесе, Плявию Радзес, Лудзас Одукалнс, Пилдас Нукшас, Звиргзденес Кивти, Ливану Ерсика, Каугуру Бейтес, Мадо-на, Приекулю Кампи, Цесвайнес Калнапукуши, Лиезерес Салнаскрогс, Марциенас Олини, Каунатас Шлякатас, Балву Салмини, Скайстас Стирнас, Мердзенес Дзервес, Аглонас Мадалани II, Калупес Лаздани, Индрас Кошковци, Карлю Айнава, Карздабас Грантскални, Капино Реленьги, Эзерниеку Нипери, Яунпиебалгас Ушури, Циргалю Яунбембери, Вецпиебалгас Райскуми, Раунас Леясруньги, Айзкрауклес Леясжагари, Драбешу Лиепиняс - получен следующий результат: в 36% случаев число шейных гривен было 1, в 28% – 2, в 22% – 3, в 9,3% – 4, в 2,8% – 5, в 1,4% – 6, в 0,5% – 7. Что касается трупосожжений, то здесь доминируют захоронения с двумя шейными гривнами. Могил, где их больше, намного меньше, чем в труположениях. Но есть также трупосожжения, которые выделяются богатством своего инвентаря. Так, в погребении №132 могильника Аглонас Кристипини констатировано пять шейных гривен – одна со сплюснутыми концами, одна с седловидным и крюкообразным концами, три с петлевидными концами (Briede, 1980, р. 31). В курганных могильниках во всех известных автору захоронениях с этим украшением констатировано не менее двух шейных гривен. Это, учитывая ранее сделанные выводы, – подтверждающее доказательство высказанной датировки начала этих памятников.

В рассматриваемый период времени на населённой латгалами территории были распространены несколько видов шейных гривен. Пять из них доминируют – шейные гривны со сплюснутыми концами, шейная гривна с седловидным и крюковидным концами, шейная гривна с четырёхугольными концами, шейная гривна с петлеобразными концами и шейная гривна с коническими концами, происхождение которых относится ко времени, предшествующему 10 веку. Всё же надо отметить, что в 8–9 веках, а также ещё первой половине 10 века чаще всего использовали две из них – это

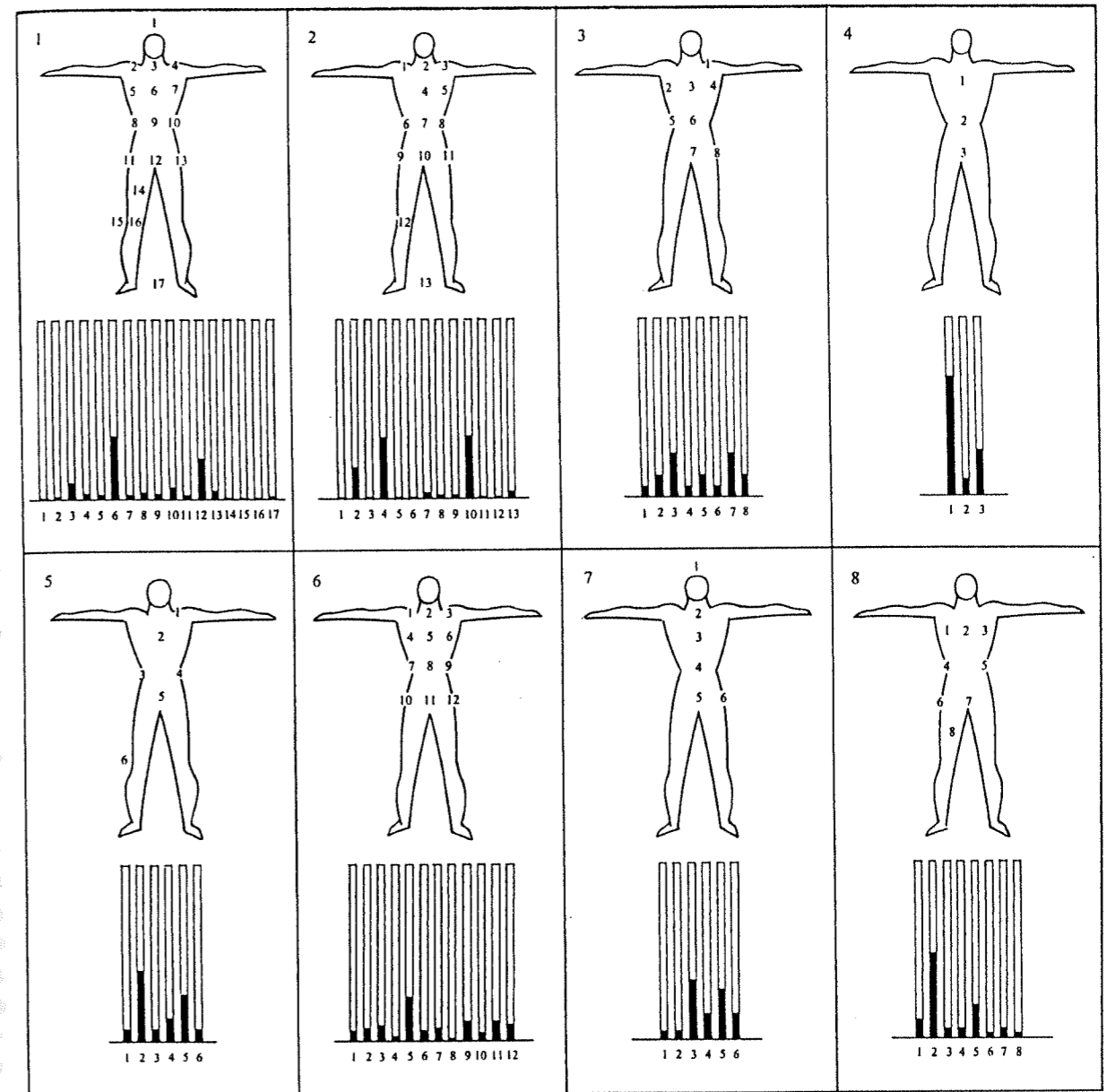

Рис. 11: Месторасположение подковообразной фибулы в мужских погребениях грунтовых могильников 1 – все, 2 – Лудзас Одукалнс, 3 – Плявию Радзес, 4 – Звиргзденес Кивти, 5 – разные могильники, 6 – Пилдас Нукшас, 7 – Кокнесе, 8 – Аглонас Кристипини

шейная гривна со сплюснутыми концами и шейная гривна с седловидным и крюковидным концами. Например, в могильнике Звиргзденес Кивти в захоронениях I фазы первые составляют 50% от общего числа этих украшений, а вторые 42,3% (Šnore, 1987, р. 33–57). В свою очередь в могильнике Айзкрауклес Леясбитени соответственно 59,3% и 33,3% (Urtāns, 1961a, 1962, 1963, 1964).

За исходную форму шейной гривны со сплюснутыми концами принята распространённая в 6 веке у земгалов шейная гривна с утолщёнными и перекрещивающимися концами (Šnore, 1994, р. 106). На населё-

ной латгалами территории их переняли и преобразовали, сплюснув концы. Изначально в 7–8 веках эти сплюснутые концы были узкими и достаточно толстыми, треугольными в разрезе. Шейные гривны рано стали украшать ромбическими фасетками. Концы так же становятся сегментовидными в разрезе. В дальнейшем развитии шейной гривны наметилась тенденция продолжать расширять концы, создавая при этом больше гладкой поверхности, которая уже украшается насечками, напоминающими ромбы фасеток. Какое-то время оба упомянутых вида орнамента существуют одновременно, причём последний сохраняется до конца 10 века.

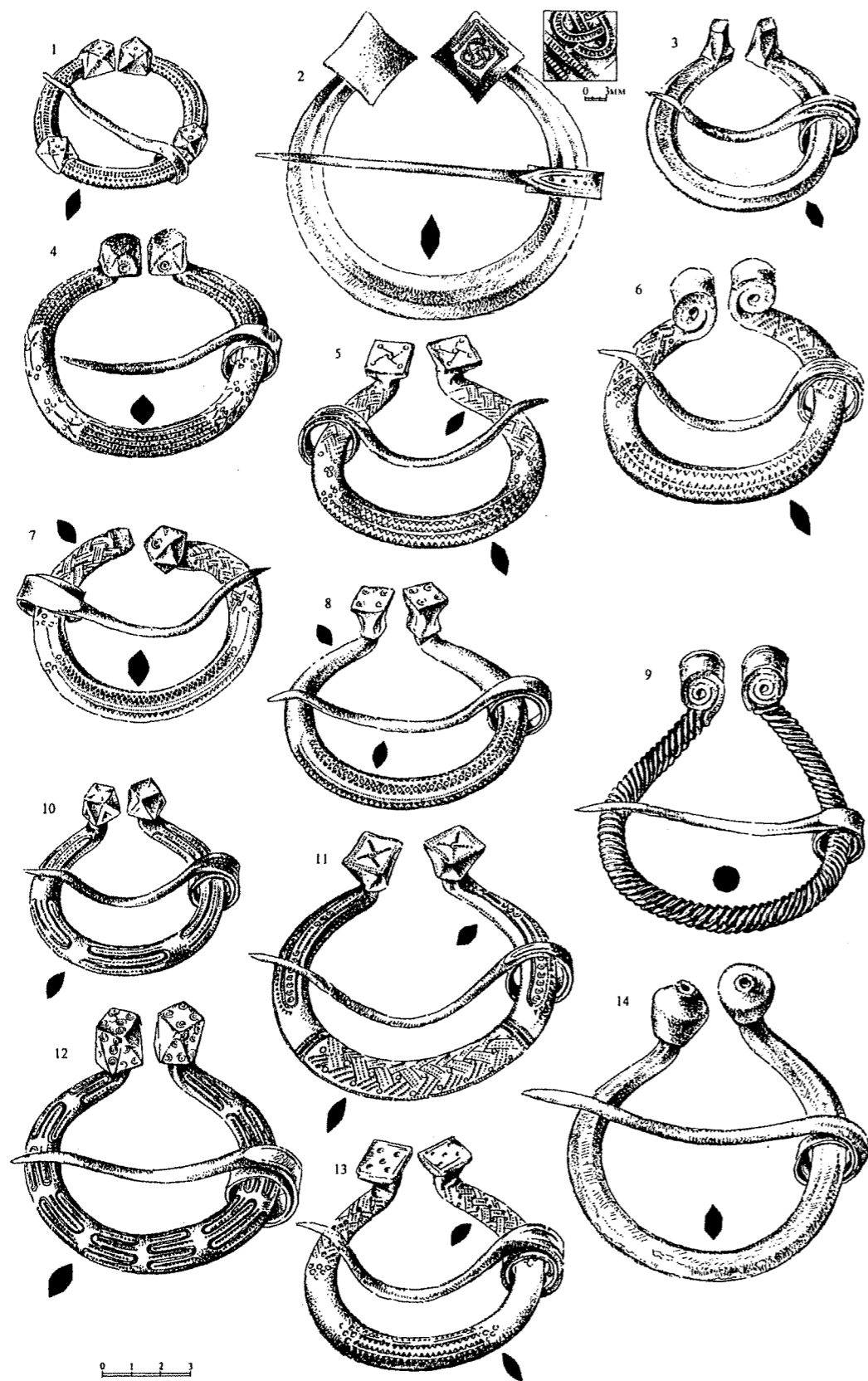

Рис. 12: Подковообразные фибулы из мужских погребений
 1, 3, 6, 8, 10 – Пилдас Нукшас (CVVM 65456 : 48, 65434 : 6, 65405 : 4, 65379 : 7, 65273 : 10),
 2, 11 – Приекулю Кампи (А 629, 609), 4, 7, 12, 13 – Лудзас Одукалнс (А 12000 : 413, 244, 381, 235),
 5 – Аглонас Кристапини (А 12404 : 77), 9 – Виесиенас Межарес (А 9959 : 1), 14 – Плявиню Радзес (А 10451 : 1)

В 10–12 веках способ украшения сплюснутых концов шейных гривен - это геометрический орнамент. Он весьма многообразен. Орнамент создаётся с помощью одного или нескольких элементов. Так знак „ёлочка“ может быть направлен в разные стороны и расположен рядом друг с другом, симметрически повторяясь. Часто это двойной крест, который сливается с ромбом или угловатым солнцем. Один из основных элементов геометрического орнамента в рассматриваемый период - зигзаг - вначале был круто ломаным, а с рубежа 10 и 11 веков он всё больше плавно округляется. В зигзаге часто можно обнаружить другие знаки узора. Чаще всего это кружочек - „солнышко“. Также наблюдается тенденция переплетать два зигзага в одном узоре. В ломаный зигзаг и косой крест иногда включается также знак „кровли“. Интересно, что в знаках узора ярко выражаются этнические особенности. Например, похожие шейные гривны со сплюснутыми концами у ливов, хотя они их носили редко, орнаментированы по-другому. Продолжая об описываемом украшении на территории, населённой латгалами, надо отметить, что сплюснутые концы без орнамента - редкое явление. Но их нижний (невидимый) из перекрещивающихся концов не всегда был орнаментирован полностью. Иногда он даже вообще неукрашен. Сплюсывание концов шейной гривны, изменения в орнаменте - ещё не всё, что сделали ювелиры в поисках лучшей формы и внешнего вида. Около 1000 года к шейным гривнам начинают привешивать язычки. Число этих трапециевидных подвесок может достигать 40 и никакие закономерности при этом не прослеживаются. Около 1100 года начинают привешивать бубенчики. Известны попытки совершенствования завершения сплюснутых концов шейных гривен, перенимая их у шейных гривен другого типа, например, у шейных гривен с седловидным и крюковидным концами, с петлевидными концами. Широкое распространение эти украшения не получают. Среди шейных гривен со сплюснутыми концами сравнительно часто констатированы починенные экземпляры, что может свидетельствовать об их долгом использовании.

Главной территорией распространения рассматриваемого украшения была Восточная Латвия (Šņoge, 1994, p. 105, 106). Оно также часто встречается в Восточной Литве. Отдельные экземпляры шейных гривен со сплюснутыми концами ещё найдены на землях к востоку от указанного основного ареала их распространения.

Происхождение шейных гривен с седловидным и крюковидным концами связывается с областью верхнего течения реки Днепр (Urtāns, 1977b, p. 21). Не исключено и их местное происхождение из шейных гривен с крюковидным и петлевидным концами.

На населённой латгалами территории древнейшие формы рассматриваемых шейных гривен датируются 7 веком. У ранних шейных гривен тордирована или же имеет фасетки вся дуга или хотя бы её концы. В то время дуга была одинакового диаметра и заканчивающее один конец седлышко, заканчивающий второй конец крюк были маленькими по своим размерам. Концы зачастую были обмотаны проволокой. При дальнейшем развитии украшения эта обмотка появляется реже, к 9 веку она исчезает. В свою очередь, концы становятся толще и их покрывают ромбические фасетки. Также на завершении в виде седла и крюка увеличиваются в своих размерах. Особенно в 12 веке эти шейные гривны увеличиваются в размерах и весе. Шейные гривны с седловидным и крюкообразными концами встречаются главным образом в Восточной Латвии и Восточной Литве (LAA, 1978, p. 25–27, žem. 16).

Шейные гривны с четырёхугольными концами характерны для памятников восточной части населённой латгалами территории. Они имеют ровную и круглую в сечении дугу, которая ближе к концам становится тордированной и заканчивается окантовкой. В 10–11 веках грани четырёхугольных концов ровные, а поздние имеют глубокие рубцы (Mugurēvičs, 1977, p. 112). Часто эти концы ещё и орнаментированы солнышками и полосками. В небольших количествах шейные гривны встречаются также вне Восточной Латвии. Так, например, они найдены в нынешней Литве (LAA, 1978, p. 24–25) и Белоруссии (Сергеева, 1985, с. 126).

Шейные гривны с коническими концами известны в Восточной Литве и Западной Белоруссии уже с 8 века (Urtāns 1977b, p. 22). На населённой латгалами территории они получают более широкое распространение в 10–12 веках. Для шейной гривны характерна витая из трёх проволок дуга, которая в одном конце заканчивается закреплённым на каждой проволоке конусом, а на втором конце только на средней проволоке закреплён конус, в то время как концы обеих других проволок сплюснуты.

Распространение последней из рассматриваемых - шейной гривны с петлевидными концами - не ограничивается территорией какой-то определённой этнической единицы. Она была известна и широко использовалась многими. Дуга шейной гривны свита из трёх проволок и концы заканчиваются петлёй из одной проволоки, в то время как две другие проволоки создают обмотку. Часто создающая петлю проволока сплюснута и орнаментирована, например, солнышками. Иногда шейные гривны этого типа могут создавать спираль, т. е. их дуга идёт в несколько витков.

Шейные гривны обычно изготовлены из бронзы. Изредка используют серебро. Интересно, что в 12 и

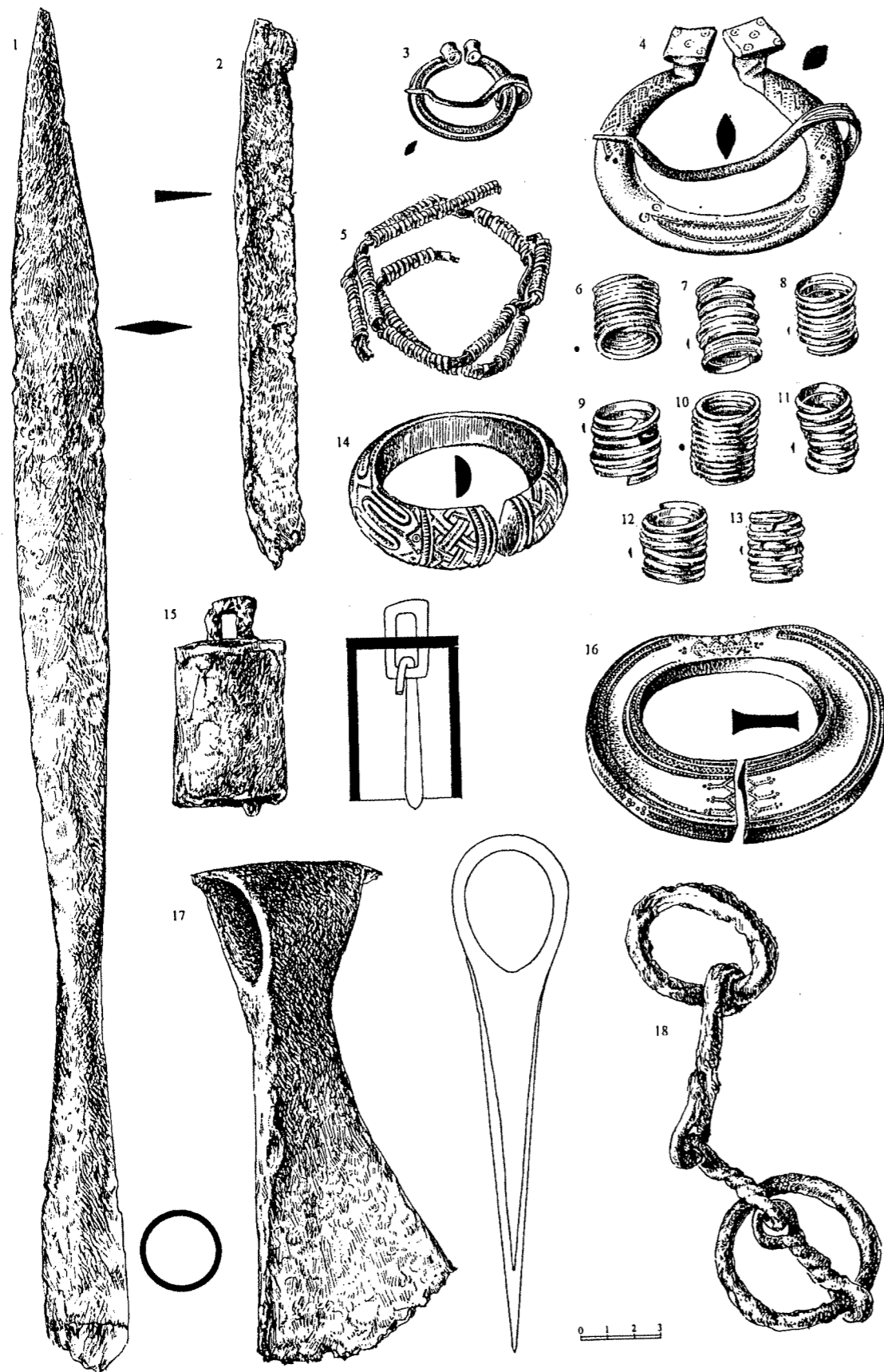

Рис. 13: Инвентарь мужского погребения № 76 могильника Аглонас Кристапини
1 – 18 (А 12508 : 100, 99, 85, 87, 88, 97, 90, 95, 96, 94, 98, 91 – 93, 103, 89, 101, 102)

начале 13 веков часть шейных гривен с седловидным и крюковидным концами, с четырёхугольными концами, с коническими концами, с петлеобразными концами становится очень больших размеров, массивными и тяжёлыми, как будто их владельцы соревновались в количестве затраченного металла.

Как свидетельствует материал, полученный в широко исследованных памятниках, в каждом отдельном могильнике встречаются все виды вышеописанных шейных гривен. Зато численное отношение между ними различно. Это определяет как хронология памятника, так и местонахождение могильника – в западной или восточной группе населённой латгалами территории. Так в труположениях могильника Пилдас Нукшас 41% всех шейных гривен – гривны с плоскими концами, 22% – гривны с плоскими концами и подвесками, 16% – гривны с четырёхугольными концами, 12% – гривны с петлеобразными концами, 7% – гривны с коническими концами, 1% – гривны с седловидным и крюкообразным концами, 1% – шейные гривны других типов (Шноре, 1957, с. 35, 36), в могильнике Аглонас Кристапини соответственно – 39,6%, 3,8%, 22,6%, 17%, 1,9%, 13,2%, 1,9%, в могильнике Звиргденес Кивти (захоронения II фазы) – 40%, 5%, 15%, 10%, 5%, 25%, 0%, в могильнике Ерглю Яунакени – 31,3%, 6,3%, 6,3%, 37,5%, 0%, 0%, 18,6%, в могильнике Кокнесе – 2,3%, 33,3%, 2,3%, 44,4%, 0%, 13,3%, 4,4%, в могильнике Плявиню Радзес – 15%, 15%, 10%, 35%, 5%, 20%, 0%. Анализируя в целом в уже отмеченных 214 труположениях из 30 грунтовых могильников, получены следующие результаты: шейные гривны со сплюснутыми концами – 33%, гривны со сплюснутыми концами и подвесками – 15,7%, гривны с петлевидными концами – 27%, гривны с четырёхугольными концами – 10,7%, гривны с седловидным и крюкообразным концами – 7,4%, гривны с коническими концами – 2,7%, гривны других типов – 3,5%. Упомянутые цифры показывают, что сравнивая с предыдущим периодом, в 10–13 веках с появлением шейных гривен новых форм уменьшается удельный вес именно гривен с седловидным и крюкообразным концами.

Анализируя находки женских захоронений курганных могильников Каунатас Батари, Каунатас Рикополе, Макашену Грейвули, Галгаускас Тицени, Зилупе, Цибла, отмечено, что в них не найдены шейные гривны со сплюснутыми концами без подвесок. В то же самое время эти гривны с подвесками составляют 13,7% из общего числа этих украшений. Другие типы представлены следующим образом: шейные гривны с петлеобразными концами – 27,3%, гривны с четырёхугольными концами – 22,7%, гривны с седловидным и крюкообразным концами – 13,6%, гривны с кони-

ческими концами – 9,1%, гривны других типов – 13,6%.

Вышеупомянутые шейные украшения не единственные, которые использовались на населённой латгалами территории в 10–13 веках. Наряду и одновременно с шейными гривнами носили бусы из стекла, янтаря и других материалов, которые нередко дополняли подвески (рис. 5 : 1–31) – бубенчики, крестики, монеты и др. Пронизи из раковин каури были более излюблены, чем из бус. Интересно, что в 12–13 веках значительно возрастает их использование (Apala, 1987, р. 104). Например, в погребении № 4 13 века могильника Циргалю Яунбембери умершей даны три ожерелья – первое из 18 бронзовых бубенчиков со спиральками в промежутках, второе составлено из 132 раковин каури, которые нанизаны попеременно с бусами, а третье – из стеклянных бус (Cimermene, 1972, р. 59). Пронизи из раковин каури вместе с бусами, как уже было отмечено, сменили шейные гривны, тогда как в 10–12 веках они не конкурировали между собой, а наоборот – в захоронениях того времени, как бусы, так и каури вместе с шейными гривнами были дополнительным шейным украшением в погребениях с шейными гривнами.

На населённой латгалами территории в рассматриваемый период также характерны украшения из бронзовых цепочек, которые прикреплялись к особому дугообразному цепедержателю. Чаще всего он встречается в 11–12 веках, но известен уже с 10 века. Часто к цепочкам крепились язычки, бубенчики, зубы животных и др. подвески. Так, в могильнике Приекулю Гюгери в одном случае такое украшение состояло из бронзового дугообразного цепедержателя, к которому были прикреплены четыре бронзовые цепочки с привешенными к ним бронзовыми бубенчиком, розетками, костями бобра, клыком медведя, подражанием Западно-европейского серебряного денария (Apala, 1990, р. 21). Дугообразный цепедержатель с цепочками обычно находят в тех женских захоронениях, которые и так уже выделяются богатым инвентарём, в том числе несколькими шейными гривнами. Ещё среди шейных украшений встречаются ожерелья, которые составляют бронзовые колечки или цилиндры рифлёной жести. Надо отметить, что по-разному изготовленные цепочки с подвесками могут быть прикреплены к цепедержателю, который в свою очередь или пришит, или закреплён на одежде с помощью фибулы (Zaģiņa, 1970, р. 133). Такое украшение найдено прикрепленным даже к шейной гривне.

Завершая обзор шейных украшений, ещё несколько слов надо посвятить их взаиморасположению в могиле. Как это уже было отмечено, в отдельных случаях умершей давалось в могилу даже несколько шейных гривен, а также пронизи из бус и раковин каури, дуго-

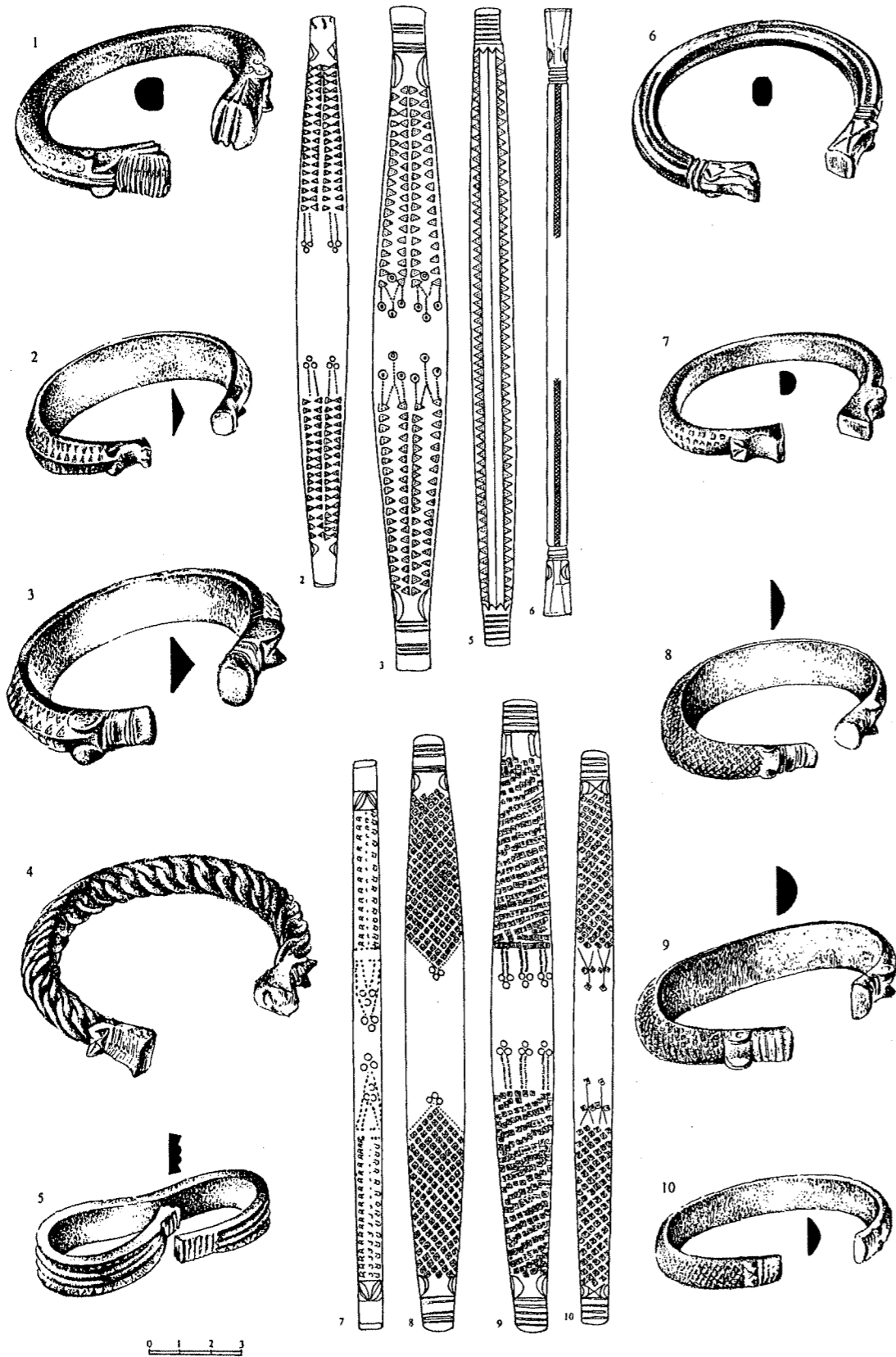

Рис. 14: Браслеты с концами в виде головы зверя из мужских погребений
 1, 2, 8, 9 – Кокнесе (A12694 : 130, 12704 : 78, 75, 12764 : 122), 3 – Виесиенас Тропелес (A 2331),
 4 – Извалтас Лиелие Мурани (A 11942), 5 – Звиргзденес Иснауа (A 7735 : 15), 6 – Аглонас Кристапини (A 12404 :
 116), 7 – Тилжа (A 2715), 10 – Каунатас Рикополе (A 7751 : 1)

образный цепедержатель с цепочками и др. предметы. Шейные украшения располагались сообразно их размерам так, чтобы не заслонять друг друга, и чтобы они дополняли друг друга. Они включались в общий контекст одежды. Думается, что упомянутые принципы соблюдались также при ношении шейных украшений при жизни. Но всё-таки в отдельных случаях, которые выделяются очень большим числом украшений, их расположение может быть подобрано именно по случаю похорон.

Известные закономерности наблюдаются в расположении браслетов. В женских захоронениях обычно их находят на обеих руках, причём они одинаковые и в одинаковом количестве. Браслеты только на одной руке встречаются очень редко. В могильнике Аглонас Кристапини это констатируется только в 10% из всех захоронений с браслетами; похожие данные получены в могильнике Кокнесе – 10%, а в могильниках Пилдас Нукшас и Плявиню Радзес таких нет вообще. В таких случаях, когда браслет находится на одной руке, ею может быть как правая, так и левая. Число браслетов тогда ограничивается чаще всего одним. Редко, если браслеты носились на одной руке, их найдено два. Так у женщины, похороненной в захоронении №2 могильника Кокнесе на правой руке был полый браслет, там же в погребении №90 – браслет с концами в виде головы зверя (Žeiere, 1986, 1989). Как пример с двумя браслетами можно привести погребение №1 могильника Аглонас Мадалани II, где у похороненной на левой руке зафиксированы два браслета с концами в виде головы зверя (Urtāns, 1977a). Реже всего только на одной руке находят спиралевидные браслеты.

Что касается женских трупоположений, где рассматриваемые украшения констатируются на обеих руках, то здесь правит принцип симметрии. Он не относится только примерно к 10% случаев, и достаточно сильно варьируется в каждом памятнике в отдельности. Надо отметить, что случаев захоронений 10 века и предшествующего периода, где на обеих руках найдено одинаковое число браслетов, ещё больше. Принцип симметрии, „чтобы одна рука не обиделась на другую“, распространяется и на форму браслетов. Чаще всего они одинаковы. Судя по размерам, орнаменту, качеству исполнения, они изготавливались уже по парам. Число браслетов на каждой руке обычно колеблется от одного до четырёх. Как иллюстрация – данные 93 захоронений могильников Плявиню Радзес, Звиргзденес Кивти, Пилдас Нукшас, Цесвайнес Калнапаукши, Скайстас Стирнас, Аглонас Кристапини, Аглонас Мадалани II, Кокнесе, Раунас Леясрунги, Каунатас Шляктас, Калупес Лазданы, Каугуру Бейтес, Мадона, Приекулю Кампи, Леизерес Салнаскрогс, Марциенас Оли-

ни, Эрглю Яунакени, Вецпиебалгас Райскуми, Лудзас Одукалнс. Примерно в 70% случаев на каждой руке находилось по одному браслету, в 20% – по два браслета, в 8% – по три браслета, в 2% – по четыре браслета. Самыми распространёнными были спиральные браслеты. Они, например, в вышеупомянутых могильниках составляли 60% всех браслетов. Вместе с ними носили браслеты со звериными головами на концах, плетёные из проволоки браслеты, полые браслеты и др.

В трупосождениях естественно нельзя определить связь браслетов с руками похороненных. Имеющийся в распоряжении автора материал свидетельствует, что относительно видов этого украшения здесь по сравнению с трупоположениями нет явно выраженной разницы. Спиральные браслеты преобладают. В трупосождениях также соблюдается принцип симметрии.

К сожалению, в женских захоронениях курганных могильников не получено достаточного количества материала, чтобы его можно было бы сравнить с грунтовыми могильниками. Но всё же он достаточен, чтобы утверждать, что принцип „одинаковые браслеты в одинаковом количестве“ – соблюдался. Только надо ещё отметить, что здесь констатируется меньшее использование спиральных браслетов.

Браслеты изготавливались из бронзы. Серебро использовали редко. В целом в рассматриваемый период у женщин наиболее излюбленными были спиралевидные браслеты (рис. 6 : 9, 10, 12, 13). На населённой латгалами территории они были широко распространены уже в 8–9 веках. У ранних браслетов (в том числе 10 века) лента в сечении была треугольной, а число витков колебалось от трёх до шести. Позже, в 11–12 веках используется сегментовидная лента, а число витков в свою очередь увеличивается. Средняя часть лент спиральных браслетов и завершение концов часто были орнаментированы. Встречаются экземпляры с подвесками. Для их привешивания концы спиральных браслетов или заворачивались, или же в них делались отверстия. В отличие от спиральных браслетов использование многих других популярных в предыдущем периоде браслетов в 10 веке прекращается или продолжается ещё недолгое время. Как таковые надо упомянуть манжетовидные браслеты (рис. 6: 4). В своём развитии из узкого и массивного браслета с треугольным сечением (вначале) они в конечной фазе превратились в широкий браслет с полой гранью посередине. Манжетовидные браслеты выделяются богатым орнаментом – ёлочками, солнышками, линиями разных видов (Vaska, 1996, p. 137–146). Они известны также у земгалов, и не только. К этому виду также принадлежат полые браслеты с сужающимися концами, которые были распространены в 7–8 веках (рис. 6 : 2). За

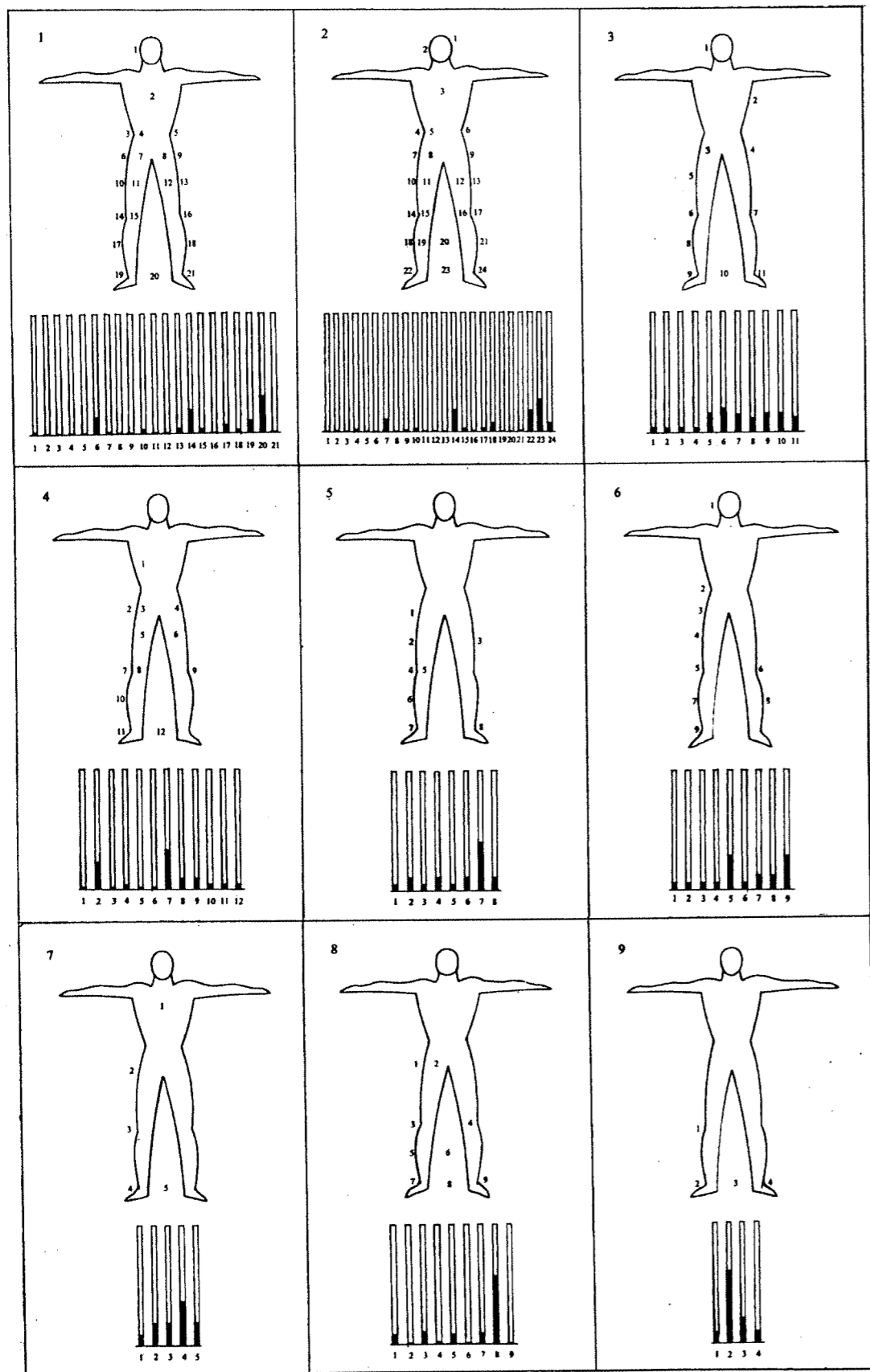

Рис. 15: Месторасположение топора в мужских погребениях грунтовых могильников
 1 – один, 2 – все, 3 – разные могильники, 4 – Пилдас Нукшас, 5 – Кокнесе, 6 – Аглонас Кристапини,
 7 – Звиргзденес Кивти, 8 – Лудзас Одукалнс, 9 – Плявию Радзес

исходную форму для них принято считать круглые в сечении браслеты с промежуточными полосами (Šnoge, 1987, р. 21). Всю поверхность полого браслета покрывают поперечные канавки, которые прерываются от пяти до девяти раз. Эти свободные от канавок зоны чаще всего украшены формирующими зигзаг насечками, реже рядом из солнышек, ещё реже – сетью. Браслет с момента его появления в 7 веке с течением времени почти не меняется. У поздних экземпляров полость дуги лучше выражена, а канавки в свою очередь менее рельефны. Следующий интересующий нас браслет – полый браслет с расширенными концами и орнаментом плетения (рис. 6 : 5). Важно, что их распространение ограничивается только памятниками восточной части населённой латгалами территории, где они встречаются в захоронениях 9–10 веков (Šnoge, 1987, р. 22). Полые браслеты не исчезают совсем. Например, такой получен в захоронении второй половины 12 века кургана №7 могильника Варакляну Цакули (рис. 6 : 7). Так же используются полые браслеты, распространённые у ливов.

Браслеты с концами в виде головы зверя, которые появляются с начала 11 века, были как женским (рис. 7), так и мужским украшением. Они были широко распространены в 12–13 веках и не только в Восточной Латвии. Здесь они, как на то указывает материал, полученный в женских захоронениях, постепенно заменяют спиралевидные браслеты. Интересно, что этот процесс замены возможно и повлиял на расположение рук захороненных. Вместе с исчезновением спиральных браслетов, уменьшается число захоронений, в которых руки подняты к голове, плечам. Понятно, что во время похорон одежда и украшения умершей располагались так, чтобы их было бы по возможности лучше видно. Спиральный браслет, как очень широкое украшение, тем более дополненный другими браслетами, требовал одно расположение рук, в то время как узкий со звериными головами на концах – другого.

В рассматриваемый период в женских захоронениях встречаются также некоторые браслеты, не столь широко распространённые, как уже описанные. Среди них следует упомянуть браслеты с прямыми концами и сегментовидной или треугольной в сечении равномерной дугой. Ещё надо отметить характерные для куршей лентообразные браслеты (рис. 6 : 3), встречающиеся у славян браслеты с отогнутыми концами и расширенной средней частью дуги и др.

Во второй половине 13 века излюбленные до этого браслеты на рассматриваемой территории примитивизируются и начинается процесс их исчезновения. Но в то же время появляется также один новый вид браслетов. Это щитовидные браслеты, которые носили в 13–

14 веках (рис. 6 : 14–15). Щитовидные браслеты известны по памятникам северной части населённой латгалами территории (Vaska, 1992, р. 104). Они были широко распространены на юге Эстонии. В интересующих нас памятниках щитовидные браслеты получены в женских захоронениях с инвентарём, характерным для латгалов. Это украшение так же носилось по одному на каждой руке. Браслет весьма роскошен. Широкая поверхность его дуги богато орнаментирована. Для щитовидного браслета характерно, что вдоль его края и посередине имеется профилированная выпуклость. Концы обычно украшает знак „кровли“ с солнышками на вершине и внутри его. От середины браслета они отделены линиями поперечных полосочек, между которыми размещён зигзаг. В центре браслета доминируют горизонтальные полосы, которые состоят из треугольников с точечками внутри. Они расположены так, чтобы по краям получились зигзаговидная линия и знак в виде буквы „S“. Богатый орнамент в то же время является однообразным и повторяется из браслета в браслет.

Перстни были непременным женским украшением (рис. 8). Их в женских захоронениях обычно находят на пальцах обеих рук. Число перстней может даже достигать 10. Принципы симметрии при их ношении соблюдались реже, чем это наблюдалось у браслетов. Анализируя 67 труположений из грунтовых могильников Звиргзденес Кивти, Пилдас Нукшас, Кокнесе, Раунас Леясруньги, Каунатас Шлякатас, Калупес Лаздани, Каугуру Бейтес, Мадона, Аглонас Кристапини, Лиезерес Салнаскрогс, Марциенас Олини, Лудзас Одукалнс, в которых было возможно определить расположение перстней на пальцах, получены следующие результаты – примерно в 70% захоронений они были на обеих руках, в около 18% только на правой руке, в 12% – только на левой руке. Что касается женских труположений, где перстни констатированы на пальцах обеих рук, надо отметить, что в 46,8% случаев их число было одинаковым, в 29,8% их больше найдено на левой руке, а в 23,4% – больше на правой руке. Общее количество всех перстней так же подтверждает упомянутую закономерность – 57,2% к 42,8% в пользу левой руки. Как известно, последнюю человек меньше использует и нагружает работая, что в основном повлияло и определило ношение описываемых украшений. Также в тех случаях, когда перстни носили на пальцах только одной руки – их общее количество на левой руке немного больше, чем на правой. В среднем на первой констатированы 1,8, а на второй 1,2 перстня. Зато, если умершей дано только одно из нас интересующих украшений, то оно чаще всего констатировано на правой руке. Возвращаясь к захоронениям, где пер-

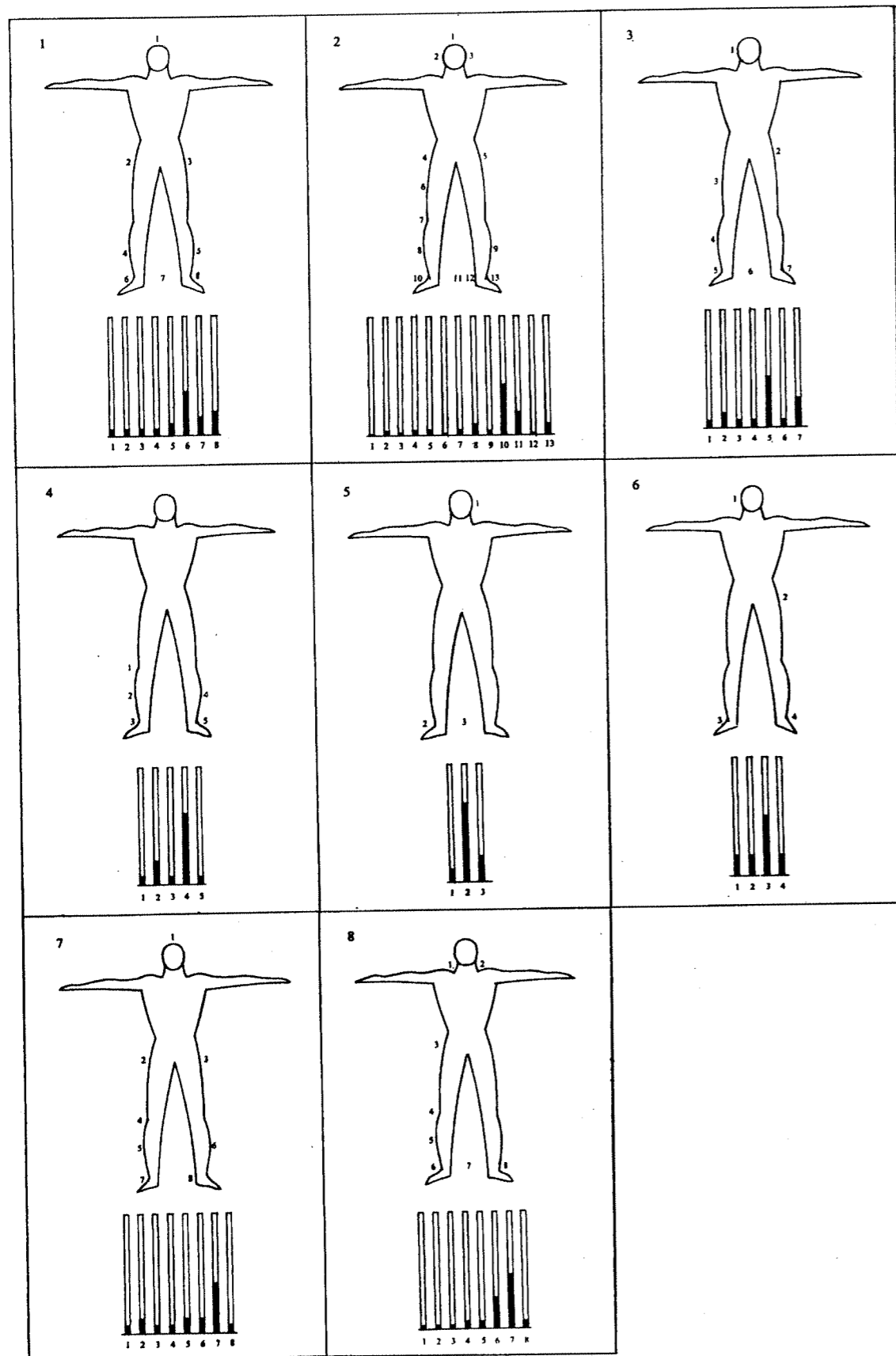

Рис. 16: Месторасположение копья в мужских погребениях грунтовых могильников
 1 – один, 2 – все, 3 – разные могильники, 4 – Кокнесе, 5 – Плявиню Радзес, 6 – Ливану Ерсика,
 7 – Аглонас Кристапини, 8 – Лудзас Одукалнс

стни у умершей констатированы на пальцах обеих рук, надо отметить, что комбинация „один“ и „один“ не является наиболее распространённой. Она констатирована в 14,9% анализированных женских захоронений. Самую большую группу составляет комбинация „два“ и „два“ – 23,5%. По три перстня на каждой руке констатировано в 10,6% захоронений. Интересные данные, подтверждающие уже отмеченное, дают остальные комбинации. На правой руке два, а на левой в свою очередь один перстень – 12,8%, одно и два – 8,5%, один и три – 12,8%, один и четыре – 2,1%, два и три – 2,1%, два и четыре – 2,1%. В заключении ещё раз следует подчеркнуть, что при ношении нескольких перстней их число на левой руке женщины чаще было большим, чем на правой руке. Интересно, что у женщины, захороненной в погребении №3 могильника Каугуру Бейтес, на пальцах левой руки найдены четыре перстня, два из которых были надеты на один палец (Симермане, 1962).

Перстни также были констатированы в трупосождениях женщин грунтовых могильников. По сравнению с трупоположениями их количество меньше, что могло быть связано со спецификой этого вида захоронений. Например, на могильнике Пилдас Нукшас из пяти констатированных там женских трупосождений только в одном было найдено 2 спиралевидных кольца (Шноре, 1957, с. 68, 70, 79, 83, 90).

Относительно женских захоронений курганных могильников – то здесь кольца констатированы на пальцах как одной, так и обеих рук. К сожалению, как это уже неоднократно было отмечено, материал слишком немногочислен, чтобы сделать более широкие выводы.

В рассматриваемый период наиболее широко были распространены спиральные перстни. Обычно они изготовлены из проволоки сегментовидного или круглого сечения. Часто к спиральным перстням прикрепляли подвески – трапециевидные язычки. При изготовлении упомянутых перстней использовали также витую проволоку. В женских захоронениях 11–12 веков спиральные перстни находят рядом с перстнями с пластинчатой средней частью (ЛА, 1974, р. 232). Последние являются одним из красивейших украшений такого рода на населённой латгалами территории. Центральный виток в его намотке – пластинчатая средняя часть, которая может быть с гранью посередине или без неё – орнаментирована солнышками, треугольниками, полосками. Как перстни носили цилиндры из профилированной жести. Ещё носили перстни с волотами, с витой или плетёной передней частью и др. Кроме бронзовых, встречаются оловянные и серебряные перстни. В 13 веке появляются щитовидные пер-

стни, перстни с расширенной или псевдотордированной передней частью. Также как и у остальных украшений, у перстней в 13 веке намечается упрощение форм.

Вышеупомянутый процесс хорошо прослеживается на примере материала кладбищ 13–14 веков. На кладбище Циргалю Яунбембери перстни констатированы только в женских захоронениях (Симермане, 1971). Здесь не встречаются спиральные кольца. Среди этих украшений доминируют щитовидные перстни и перстни с витой передней частью. В женских захоронениях на кладбище Драбешу Упланти констатированы щитовидные перстни, перстни с витой передней частью, а так же кольца с имитацией тордирования на передней части. В отличие от могильника Циргалю Яунбембери здесь констатированы спиральные перстни. Центральный виток у них обычно утолщён и орнаментирован солнышками, зигзагами, сложенными в ёлочку полосками (Арала, 1987, р. 104–105]. Кроме того, рассматриваемые украшения здесь встречаются и в мужских захоронениях.

В этих памятниках число перстней в отдельных захоронениях не превышает одного. Но перстни своё значение не теряют. Не зря они являются одними из наиболее часто упомянутых украшений в латышских народных песнях (Elksnīte, 1930, р. 263–300): Все пальцы на обеих ручках/ В из золота точеных колечках/ По одному слетели./ Когда в деревне встретила парней (LTD, 1930, р. 301, Nr. 1488); Три годочка парень/ Носит моё колечко./ По любви ли носит,/ Или зло тая? (LTD, 1930, р. 309, Nr. 1546).

Инвентарь женских захоронений не ограничивается только одними украшениями. Хотя и редко, всё же среди данных предметов встречаются орудия труда (рис. 9). При их размещении в могиле наблюдается большое разнообразие. Чаще всего их находят в ногах, но они констатированы как у правого и левого бока, так и в изголовье. Так, у женщины, похороненной в погребении №7 могильника Кокнесе в ногах констатированы железные ножницы и серп, а так же пряслице из розового шифера, а у похороненной в погребении №1 нашли размещённые у левой ноги железные ножницы и шило (Žeiere, 1988a, р. 168).

В могильниках Плявиню Радзес и Приекулю Гюгери констатированы не только серпы, но и косари (Mugurēvičs, 1977, р. 107., 111; Арала, 1992, р. 10). Интересно, что серп в погребениях 8–12 веков могильника Кивти зафиксирован только один раз и при том в мужском погребении 8 века (Šnoge, 1987, р. 29). В хронологически соответствующем могильнике Айзкрауклес Леясбитени в свою очередь это является очень частой находкой именно в женских могилах. Серп най-

ден в примерно 38% от этих погребений. В могильнике Пилдас Нукшас среди погребений 10–12 веков серп (рис. 58 : 16) известен только в одном мужском символическом захоронении 10 века (Шноре, 1957, с. 30), а в могильнике Лудзас Одукалнс в одном женском и одном мужском погребении (Спицин, 1893, с. 46). Материал имеющийся в нашем распоряжении свидетельствует, что находки серпов и орудий труда вообще в женских погребениях обозреваемого времени концентрированы в западной части памятников территории обжитой латгалами. Это является одним из отличий от восточной группы этих памятников и происхождение его относится к предыдущим периодам. Надо отметить добытые на могильнике Кокнесе миниатюрные изделия серпов и ножниц (Žeiere, 1988a, p. 168).

Пряслица для веретена из различных материалов – не единственные связанные с изготовлением текстиля предметы, которые были найдены в женских захоронениях. На могильнике Приекулю Гюгери во многих захоронениях под голову умершей клали деревянную палочку или веретено с намотанными на него нитками (Arāla, 1990, p. 21). Такой же случай известен по могильнику Драбешу Лиепиняс (Arāls, Arāla, 1973, p. 8). Так же в могилу клали дощечки для тканья и т. д.

Железные ножи нехарактерны для рассматриваемых захоронений 10–12 веков, а в 13 веке они фиксируются уже чаще. Так на кладбище Драбешу Упланти в женских захоронениях получено 19% всех ножей (Arāla, 1987, p. 103), а на кладбище Циргалю Яунбембери – 37% (Cimermane, 1971).

В интересующих нас трупосождениях в грунтовых могильниках найдены те же самые орудия труда, что и в труположениях. Например, в погребении №23 могильника Эрглю Яунакени получен железный серп и шило (Graudonis, 1972a, p. 73), в захоронении №2 могильника Лубанас Личагалс – бронзовая игла и железный нож (Šturms, 1927), в погребении №152 могильника Приекулю Гюгери – деревянное веретено (Arāla, 1992, p. 12).

В женских захоронениях курганных могильников из орудий труда известны только железные ножи. Это обстоятельство связано не только с местоположением упомянутых памятников в восточной части населённой латгалами территории, но и с их хронологией.

В женских захоронениях в отдельных случаях зафиксированы совсем нехарактерные для них предметы. В погребении №5 могильника Крустпилс Оглениеки констатированы фрагменты кольчуги, которая могла быть пожертвована (LA, 1974, p. 245). Такая же находка получена в одном богатом захоронении девочки на могильнике Драбешу Лиепиняс (Arāls, 1986, p. 83). Известны и находки топоров. Например, в погребении

№5 могильника Цесвайнес Калнапаукши он был расположен у ступни левой ноги (Nore, 1921).

В заключение, говоря об инвентаре женских захоронений, надо отметить, что в могильниках 13–14 веков, которые не находятся вблизи крупных центров, новые нормы христианской религии не смогли сильно повлиять на традиции состава погребального инвентаря. Так на могильнике Савиенас Йоксти у женщин того времени зафиксированы матерчатые венки, шейные украшения из бус, подвесок и бубенчиков, спиральные браслеты и другие предметы – т. е. сравнительно богатый инвентарь (Urtāns, 1990. P. 164). Похожая ситуация констатирована в таких памятниках, как Дзелзавас Стругукалнс, Аннас Бундзени и др.

Если говорить о мужчинах, то материал, полученный как в грунтовых, так и в курганных могильниках, свидетельствует, что они носили шапки, на плечи накидывался плащ, носили рубаху, кафтан, штаны, на ноги наматывали обмотки ног и надевали обувь из кожи или других материалов. Остатки одежды в мужских захоронениях обычно ещё более ничтожны, чем в женских. Чаще всего о ней свидетельствуют мелкие фрагменты ткани, которые приокисдились к таким положенным в могилу предметам, как железные топоры, копья, бронзовые фибулы и браслеты.

Мужчины носили плотно прилегающие к голове шерстяные, кожаные или обшитые кожей шапки. От них чаще всего сохраняются остатки ткани или мех, бронзовые украшения. Приведём несколько примеров. Так, в погребении №99 10 века могильника Звиргзденес Кивти украшение головного убора мужчины состояло из бронзовых спиралек, нанизанных на кожаные полоски (Šnoge, 1987, p. 14). Часто такие пронизи изготавливали, используя разновидности шерстяной пряжи. Упомянутые пронизи спиралек нашивались по краям в один или несколько рядов вокруг или спереди шапки. (Zariņa, 1970, p. 167). Известны (правда только в нескольких случаях) также украшения другого вида – бронзовые пуговицы. Ими был украшен головной убор мужчины, захороненного в погребении №34 10 века на могильнике Вишкю Маскава. Интересный головной убор констатирован в могильнике Приекулю Гюгери. Здесь передняя часть шапки мужчины, похороненного в 10 веке в погребении №30, была украшена двумя пришитыми лентами серебряной парчи одинаковой ширины и декоративным шнурком между ними (Arāla, Zariņa, 1991, p. 24). Остатки похожего головного убора также констатированы в погребении №22 упомянутого могильника. Естественно, шапки не всегда были украшены. Например, на могильнике Пилдас Нукшас из 118 захоронений мужчин и детей только у 27 зафиксированы украшенные головные уборы (Шноре,

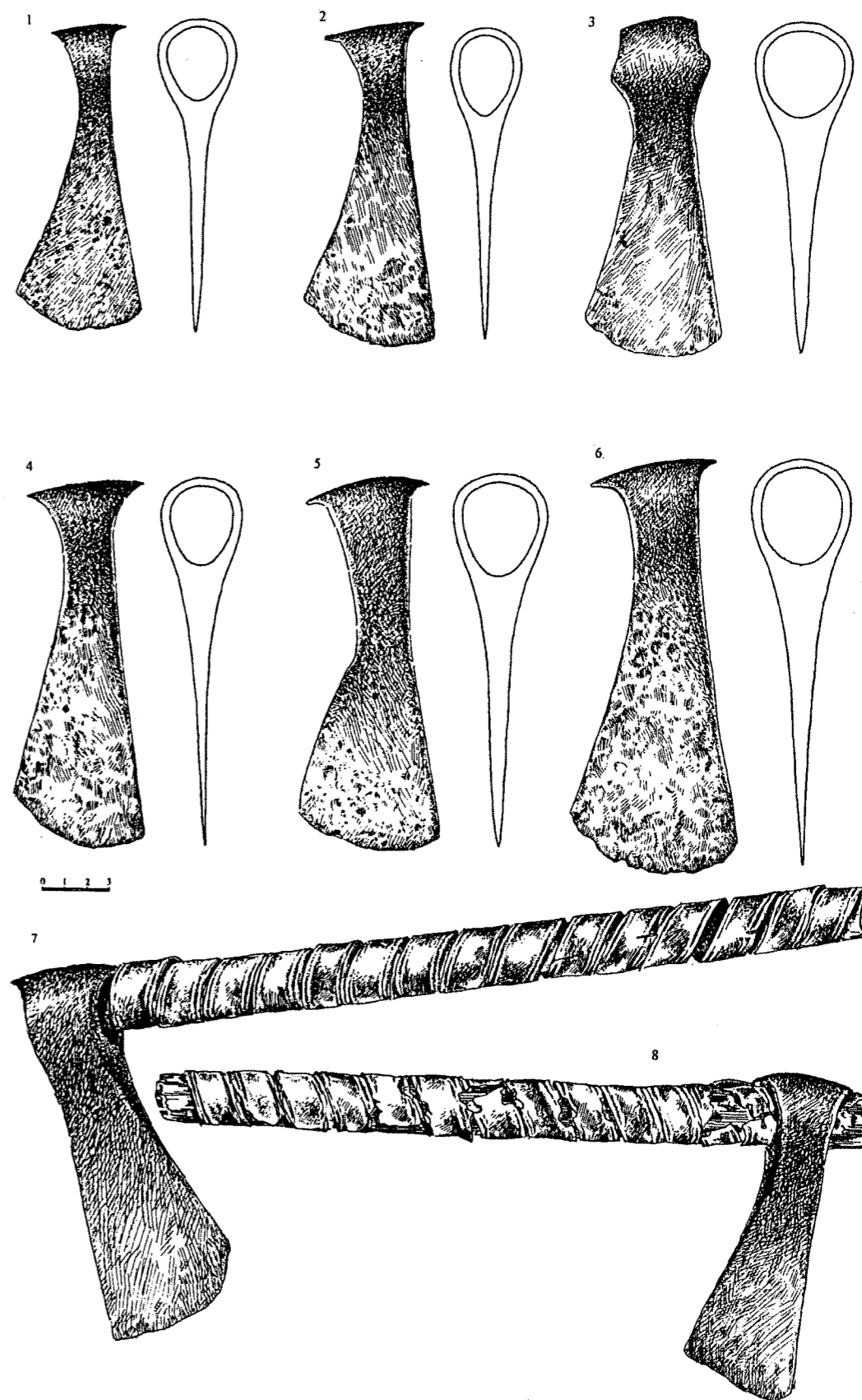

Рис. 17: Узколезвийные топоры
 1 – Вишкю Маскава (A 10001 : 16), 2 – Аглонас Кристапини (A 7093 : 15), 3, 7 – Мердзенец Дзервес (A 8209 : 12, 8205 : 17), 4, 8 – Лудзас Одукалнс (A 12000 : 172, по: Спицын 1893, таб. XV : 4), 5, 6 – Пилдас Нукшас (CVVM 65293 : 1, 65436 : 1)

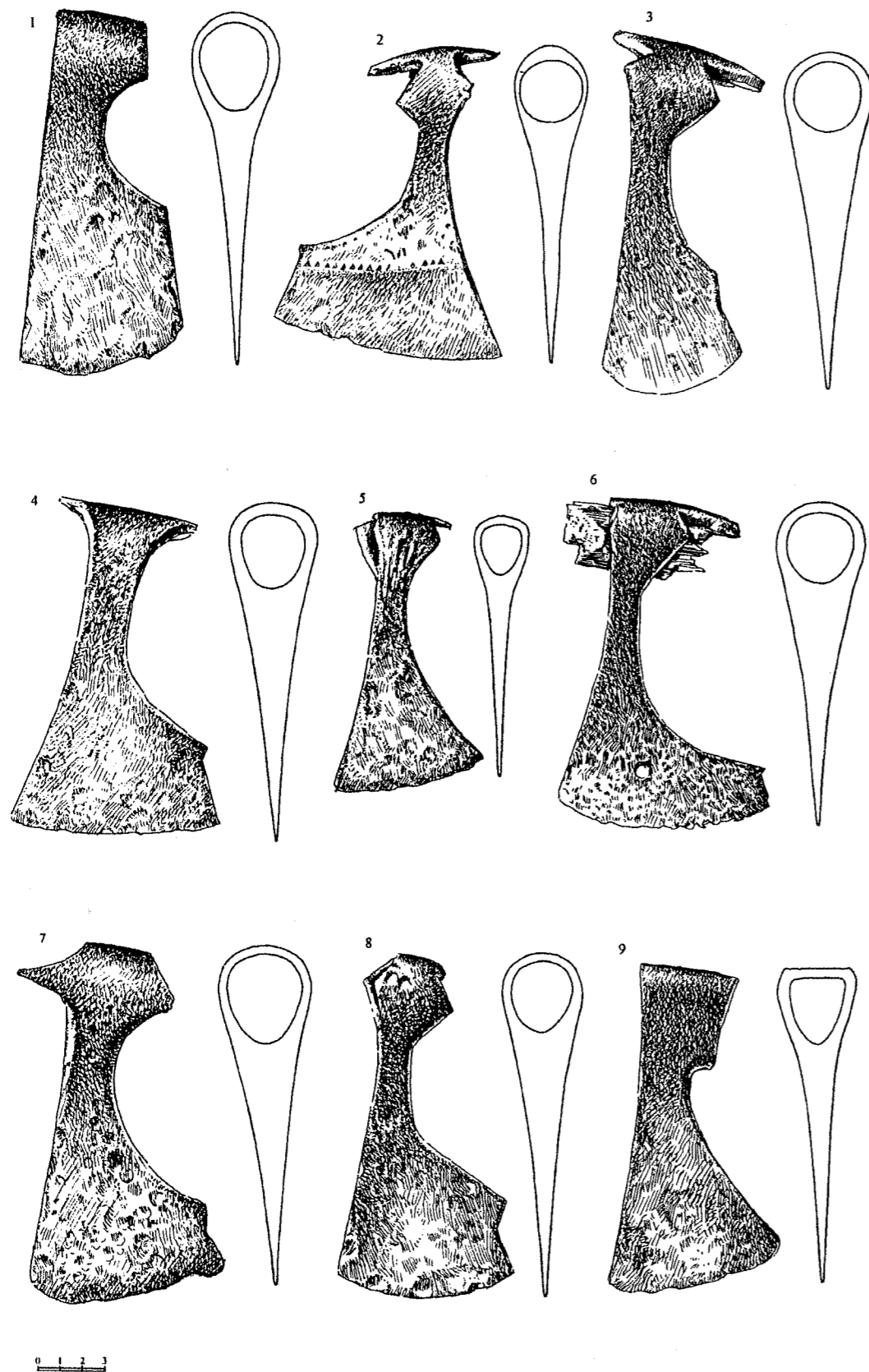

Рис. 18: Широколезвийные топоры
 1 – Приекулю Кампи (А 425), 2, 4 – Каунатас Рикополе (А 7751 : 7, 7756 : 2),
 3 – Аглонас Кристапини (А 7085 : 9), 5 – Ливану Ерсика (А 10365 : 1), 6 – Каунатас Батни (А 12653 : 6),
 7, 8 – Пилдас Нукшас (СVVM 65355 : 1, 65313 : 1), 9 – Дзелзавас Стругукалнс (А 7373 : 1)

1957, с. 36). Возможно, что кроме шапок носили также капюшоны (Zariņa, 1970, р. 167).

Свидетельств наличия плаща получено очень немного, так как его не всегда можно отличить от кафтана. Известны случаи, когда они (схоже с виллайне женских захоронений) использовались, чтобы накрыть умершего. Например, в погребении №30 могильника Приекулю Гюгери, прежде чем закрыть крышку гроба, умершего накрыли шерстяным плащом тёмного цвета (Apala, Zariņa, 1991, р. 13). Размеры описываемой части гардероба до сих пор невозможно определить (Zariņa, 1970, р. 166). Надо думать, что плащ был больше, чем женское виллайне. Зимой могли использовать также плащи из шкур животных или шубы. Возможно, что с ними могут быть связаны встречающиеся иногда в мужских и женских могилах подстилки из шкур животных.

От рубах сохранились только мелкие фрагменты льняной ткани. Вместе с тем покроей этого элемента гардероба нельзя ближе охарактеризовать. Всё же в нашем распоряжении есть материал об отдельных деталях рубахи. Так, многократно было констатировано застёгивание разреза передней части рубахи фибулой или булавкой. В погребении №102, датированным 11 веком, могильника Пилдас Нукшас края упомянутого разреза были ещё обшиты плетением из шерстяной пряжи (Шноре, 1957, с. 37, 38). Там же получены сведения о рукавах рубахи. У мужчины, похороненного в 10 веке в погребении №16 могильника Пилдас Нукшас, сохранились концы рукавов. Чтобы они были крепче, на конец рубчика была пришита кожаная полоска. Думается, что у рубах были длинные рукава (Zariņa, 1970, р. 152).

Материала о штанах имеется ещё меньше, чем о рубахах. Единственно надо заметить, что ниже колен они обматывались обмотками ног.

От кафтана в мужских захоронениях сохранились как фрагменты ткани, так и украшения. Кафтаны имели открытый и запахивающийся или закрытый с разрезом (надевались через голову) перед (Zariņa, 1970, р. 153). Они спускались до колен. Кафтан опоясывался на талии, собирая в складки лишнюю ткань. Их изготавливали из шерстяной или полушерстяной ткани. Кафтан обычно не украшен, но известны также роскошные экземпляры. Отличное представление об этом элементе гардероба даёт погребение №30 могильника Приекулю Гюгери: „Особенно важная находка – украшенный кафтан. От ткани кафтана сохранилась украшенная нагрудная часть – 30x30 см – и небольшой фрагмент под мечом. Ткань соткана саржевым переплетением на основе в четыре нити (2/2) пряными однослойными шерстяными нитками с северного направ-

ления (примерно 8 основ x 6 уток на 1см²). В складках ткани местами наблюдается синеватый оттенок. В боковой части ткани мешковидная кромка шириной в 0,5см, которая сделана из семи нитей. У выреза ворота прорезь длиной в 27 см. В нижней части около 15 см она прямая. У шеи идет косо, подшита с левой стороны (ширина загиба в 0,7 см) двумя вместе сложенными нитями однослойной шерстяной пряжи. Также были обработаны и другие швы, на что указывают многие фрагменты похожих косичек различной толщины, сохранившихся от кафтанов.

Судя по кромке края ткани и шейному разрезу, кафтан сшит из ткани одной ширины, по туникообразной выкройке, со вшитыми рукавами. Так как в могиле найдена и украшенная обмотка рук, вероятно, что рукава кафтана были немного ниже локтей, дабы не заслонять украшение обмотки. Ширина ткани была примерно 60 см. Боковой шов в нижней части мог быть не сшит на протяжении 10–20 см или же имел вшитую вставку. Длина кафтана – около 10 см выше колен – высчитана по фрагменту под мечом.

Около 30 см ниже плечей – разукрашенная нагрудная часть кафтана. В качестве украшения использованы бронзовые колечки, которые были изготовлены из слегка профилированного отрезка шириной в 4–5 мм и длиной в 15 мм. В процессе тканья он по орнаменту обогнут 5–6 основами. Обогнутые колечки имеют длину 3–7 мм. Узор составляют небольшие группы по четыре колечка – крестика, где между колечек затканы 2–3 утка. Вырез разделяет украшенную площадь на правую и левую симметричные части. С каждой стороны по 10–11 чередующихся рядов по 4–5 крестов в каждом, местами их расположение нерегулярно. В плечах украшенную часть заканчивают два ряда колечек. Колечки продеты и в край прорези. К нижнему концу шейного разреза пришит цепедержатель, цепочки которого спускаются ниже пояса. Способ украшения кафтана идентичен украшению латгальских виллайне; похож и орнамент – группы крестиков, которые констатированы также у виллайне 11 века могильника Гюгери.“ (Apala, Zariņa, 1991, р. 21–22).

Как видим, описанный принцип украшения кафтана такой же, как у виллайне латгальских женщин того времени. Отмечено и совпадение орнамента. Упомянутый случай является не единственным, где зафиксирован узор, покрывающий поверхность нагрудной части кафтана. Кафтан с украшенной продетыми в ткань бронзовыми колечками нагрудной частью констатирован в погребении мальчика №32 могильника Плявиню Радзес, которое датируется второй половиной 10 века (Mugurēvičs, 1977, р. 110, 115; Zariņa, 1970, р. 156). Описанный приём зафиксирован также в погребении

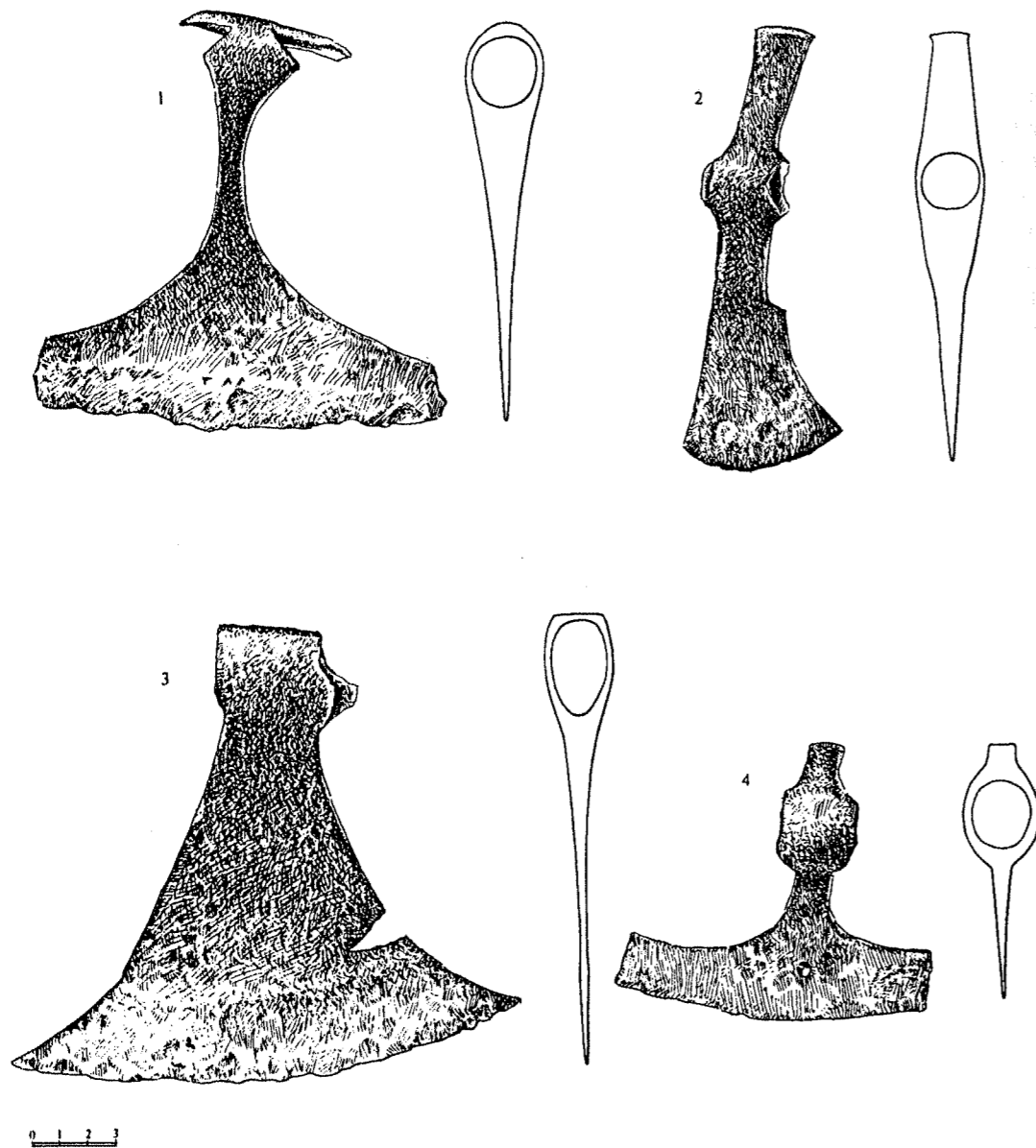

Рис. 19: Секиры и топоры-чеканы
 1 – Ликснас Янушани (А 8102 : 4), 2 – Пилдас Нукшас (CVVM 65434 : 2),
 3 – Лаункалнес Яунпиенини (А 5612), 4 – Звиргзденес Иснауа (А 7735 : 17)

№63 11 века могильника Пилдас Нукшас (Шноре, 1957, с. 37). У мужских кафтанов 11–12 веков возможна обшивка краёв кафтана бронзовыми спиральками или подвесками. Украшение такого рода констатировано у мужчины, похороненного на рубеже 10 и 11 веков в могильнике Звиргзденес Иснауа (Balodis, 1925a, p. 31). Здесь рубаховидный разрез кафтана украшен двумя расшитыми рядами спиралек и подвесками. Кафтан мужчины, похороненного в погребении №1 рубежа 12 и 13 веков кургана №3 могильника Шкилбену Даниловка, застёгивался, возможно, 5 бронзовыми бубенчикообразными пуговицами (Zariņa, 1970, p. 153).

Нарукавники и обмотки получены в захоронениях 9–11 веков по всей территории, населённой латгалами. Если нарукавники находят на левой руке умершего, то обмотки встречаются как на левой, так и на правой или на обеих руках. Последние – это бронзовые спиральки, которые надеты на кожанную полоску или нить шерстяной пряжи, и намотанные на конец рукава рубахи в несколько рядов, создавая плотное покрытие из спиралек. Обмотки встречаются главным образом в 10 и 11 веках (Zariņa, 1970, p. 165). В свою очередь нарукавник – это украшенная бронзовыми колечками лентовидная ткань длиной в 150 см, шириной 7 см.

Один её конец украшен по всей ширине, в то время как центральная часть украшена только с одного края, а второй конец вообще не украшался. Орнамент нарукавников 10–11 веков, хотя особенно и не отличается от известного в 9 веке, выделяется тщательностью выделки (Zariņa, 1970, p. 163). Украшение завершения концов самых роскошных экземпляров состоит из надетых на концы основ бронзовых спиралек с бахромой. На экземпляре из погребения №30 могильника Приекулю Гюгери ряд спиралек и тканый пояс с бахромой расположен также на неорнаментированном конце. Это позволило создать ещё более роскошную намотку (Arala, Zariņa, 1991, p. 23).

Нарукавник наматывали на левую руку выше локтевого сустава. Вначале шёл неорнаментированный конец, который при намотке нарукавника оказывался внутри и был невидим, т. к. при дальнейшей намотке снаружи оставался только орнаментированный край нарукавника. Обмотка заканчивалась орнаментированным концом. Таким образом, снаружи намотки оставалась только орнаментированная бронзой часть нарукавника. Думается, что у описанного аксессуара гардероба было не только декоративное, но и практическое и символическое значение. Например, нарукавник мог защитить руку от ранения во время битвы. Часто вместе с ним на левой руке мужчины находят браслет воина. Не каждый мужчина носил нарукавник. В захоронениях 10–11 веков его фиксируют в среднем в двух случаях из ста.

Интересно, что известны исключения, когда нарукавник был найден не на своём обычном месте на левой руке умершего, а где-то ещё. Так, у мужчины, похороненного во второй половине 10 века в погребении №5 могильника Друсту Скрипти, нарукавник зафиксирован вокруг головы (Vilka, 1992, p. 92).

Рубахи и штаны иногда были опоясаны ремнём. Они изготавливались из ткани и кожи. От последних зачастую остаются только металлические пряжки, но чаще всего свидетельств больше. Среди кожаных ремней констатированы некоторые очень роскошные экземпляры. Из таковых надо упомянуть, например, полученные в погребении №136 11 века могильника Аглонас Кристапини (Briede, 1984, p. 19), в погребении №30 11 века могильника Приекулю Гюгери (Arala, Zariņa, 1991, p. 19), в погребении №140 12 века могильника Пилдас Нукшас (Шноре, 1957, с. 38). Эти ремни окованы бронзовыми оковками квадратной, трапециевидной, узкопрямоугольной или ещё какой-либо другой формы. К их нижнему краю иногда присоединяли бронзовое кольцо с подвесками. В 11–12 веках встречаются также небольшие оковки поясов в виде розетки, креста, пуговицы. К кольцам, присоединён-

ным к вышеупомянутым оковкам, часто прикрепляли надетые на кожаные отрезки ряды бронзовых спиралек. Они могут заканчиваться бронзовой пинцетовидной оковкой и бубенчиком. У этих спиралевидных подвесок обычно 5–9 рядов. Они использованы так же для подвешивания ножен ножа. Ремни иногда особыми разделителями – кольцами с прикреплёнными к ним оковками – делятся на несколько звеньев. Кольца также использовались для подвешивания различных, всегда необходимых и носимых с собою предметов.

Пряжки ремней весьма различны по своей форме. Чаще встречаются экземпляры четырёхугольной формы или четырёхугольные с закруглёнными углами. Конец ремня мог быть окован. Так как кожаные ремни фиксируют не особенно часто, надо принять, что у большинства мужчин были тканые пояса (Zariņa, 1970, p. 160). Они, как известно, могут сохраниться в земле только при особо благоприятных условиях. Фрагменты узорчатого пояса, тканого на трёх различных дощечках, найдены в погребении №30 могильника Приекулю Гюгери у перекинутого через правое плечо окованного кожаного ремня (Arala, Zariņa, 1991, p. 19). Фрагмент одного узорчатого тканого пояса найден под украшенным оковками ремнём в могиле второго кургана могильника Лиепкалнес Кестери, в области талии похороненного (Riekstiņš, 1939, p. 73).

Если говорить о размещении ремней в мужских захоронениях, что даёт представление о том, как их носили при жизни, то перекидывать ремень через плечо не был широко распространённый способ их ношения. Ремень, перекинутый через правое плечо, найден только в нескольких захоронениях. Кроме уже упомянутого случая на могильнике Приекулю Гюгери, он констатирован в погребении №210 10 века на могильнике Аглонас Кристапини (Kuniga, 1986, p. 83), а также в других местах. Интересные свидетельства получены в могильнике в Кокнесе. Здесь, в датированном 11 веком погребении №72, кроме кожаного ремня с оковками в два ряда ещё констатированы несколько идущих через плечи и грудь кожаных ремешков с оковками, которые застёгивались пятью пряжками (Žeiere, 1988a, p. 168). Единственный известный автору случай с похожей находкой зафиксирован в могильнике Селпилс Леясдопелес – памятнике, причисляемом селам (LA, p. 229). В заключение надо отметить что, чаще всего в могилах ремни находят в районе пояса умершего, что отвечает традиционному способу его ношения.

В течение 13 века окованные ремни исчезают. В могильном инвентаре больше не находят оковки, а только бронзовые и железные пряжки, а также кольца, изготовленные из тех же материалов. Последние продолжали использоваться для разделения ремня на не-

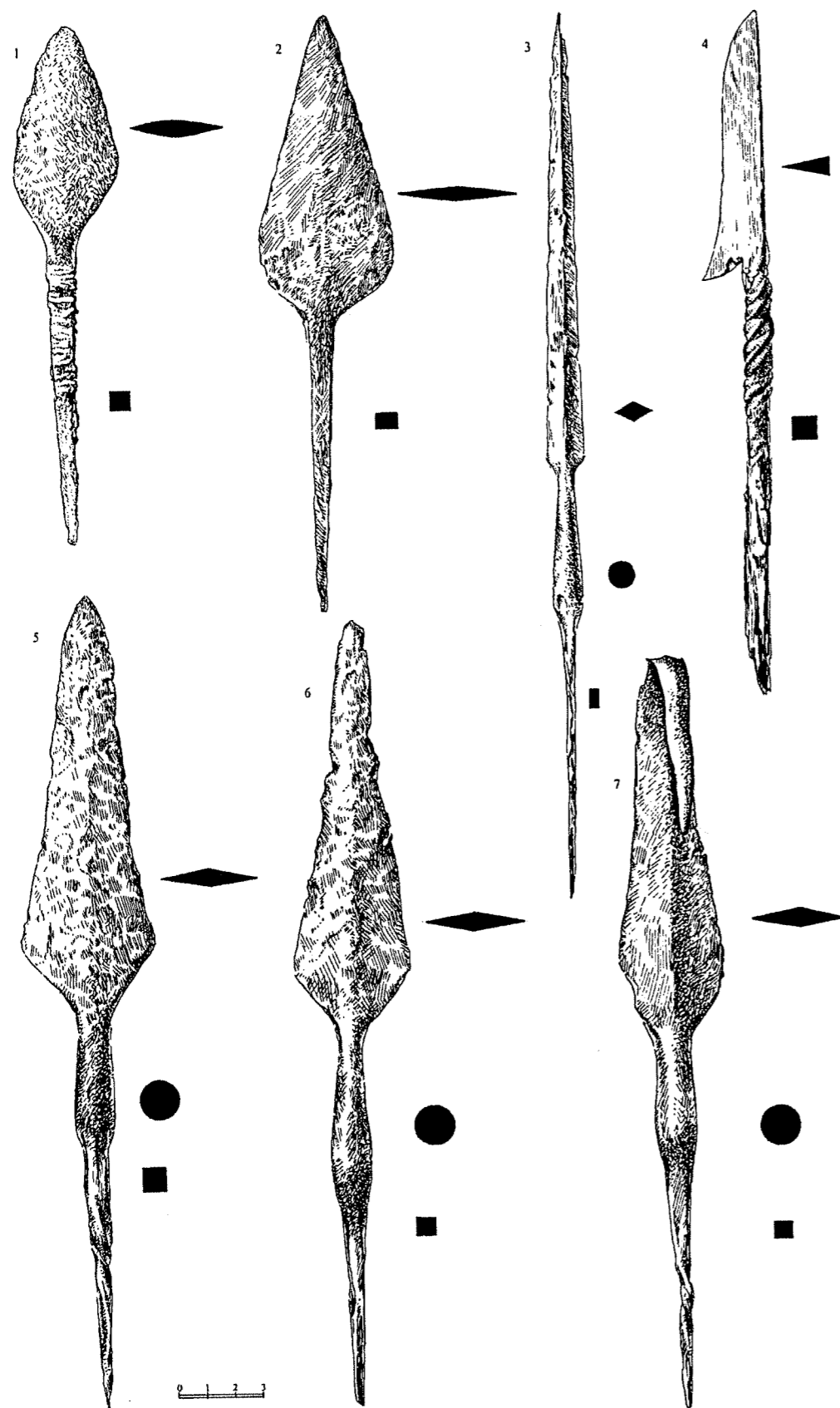

Рис. 20: Черешковые наконечники копий
 1 – Каунатас Рикополе (А 7756 : 1), 2 – 4, 7 – Ливану Ерсика
 (А 10351 : 1, 10365 : 2, 10358 : 5, 10356 : 6), 5, 6 – Лудзас Одукалнс (А 12000 : 174, 173)

сколько частей. Это связано с уже описанной необходимостью носить на поясе такие предметы, как нож, кошелёк и др.

О обмотках для ног в мужских захоронениях получены только отдельные свидетельства (Zariņa, 1970, р. 161). Судя по материалу, полученному в могильнике Лудзас Одукалнс, это была длинная лентовидная ткань. Обмотку ног наматывали с лодыжки до колена. Иногда её окончание было украшено бронзовыми спиральками и язычками. Упомянутые обмотки ещё держала тесёмочка, которая тоже могла быть украшена бронзой.

Что касается мужской обуви, то отдельные её фрагменты получены, например, в могильнике Каунатас Рикополе (Balodis, 1925a, р. 31). Среди них, возможно, констатирован сапог с подошвой.

Украшения были неотъемлемой составной частью мужского гардероба. Так же как у женщин, у мужчин одни из них объединяли функцию украшения с практической, в то время как вторым присуща только функция украшения. Возможно, что они имели ещё какое-то символическое значение.

Для застёгивания одежды в рассматриваемый период использовались главным образом подковообразные фибулы. До того – в 9 веке – было большее разнообразие. Тогда, например, мужчины носили арбалетовидные фибулы с макообразными пуговками на концах. Так в Звиргденес Кивти, Айзкрауклес Леясбитени и других могильниках вышеупомянутое украшение зафиксировано не только в 9 веке, но и в 8 и 7 веках (Šņore, 1987, р. 15; Urtāns, 1970, р. 41–45). Ранние формы арбалетовидных фибул с макообразными пуговками на концах известны на территории сегодняшней Литвы (LAA, 1978, р. 44–45, žem. 31). Далее, следует упомянуть совообразную фибулу, которую носили только мужчины. Если использование первой затрагивает ещё 10 век, то использование второй ограничивается 8–9 веками (Urtāns, 1961b, р. 46–48; Atgāzis, 1994, р. 38).

Подковообразные фибулы, изготовленные из бронзы и железа вместе с арбалетовидными фибулами с макообразными пуговками на концах встречаются уже в 9 веке. Считается, что в то время одними застёгивали рубаху, а другими верхнюю одежду (Šņore, 1987, р. 15). Но надо отметить, что они редко встречаются в одной могиле одновременно – это в свою очередь может означать, что их использование нельзя так чётко разделять. Удельный вес подковообразных фибул в мужских захоронениях 9 века уже значителен. Например, в могильнике Звиргденес Кивти в мужских захоронениях того времени они найдены только в немногим менее половины всех захоронений с фибулами упомянутого пола (Šņore, 1987, р. 15). Начиная с 10,

века для застёгивания одежды пользуются единственно подковообразной фибулой.

В труположениях грунтовых могильников подковообразные фибулы находят расположенными в различных местах, но среди них доминирует область груди и пояса. Причём эти показатели примерно одинаковы как анализируя могилы, где зафиксирована только одна фибула, так и учитывая все захоронения с подковообразными фибулами (рис. 10, 11). Также в отдельных памятниках наблюдаются те же закономерности. Для анализа использованы 285 мужских захоронений из могильников Плявиню Радзес, Пилдас Нукшас, Звиргденес Кивти, Кокнесе, Лудзас Одукалнс, Ливану Ерсика, Аглонас Кристапини, Марциенас Олини, Карздабас Грантскални, Приекулю Кампи, Сайкавас Капуркалнс, Мадона, Паткуле, Виесиенас Межари (карьер Аронас), Цесвайнес Калнапаукши. Таким образом, в 40% случаев у умершего была одна подковообразная фибула, а соответственно в 60% – две и более. Возникает вопрос, что тогда застёгивали в первом случае? Рассматривая размещение подковообразных фибул в могиле было уже отмечено, что выделяются два главных места, где их находят: в области шеи – груди, и пояса – бёдер соответственно в 45,9% и 50% из всех случаев. Ещё подковообразная фибула зафиксирована у головы – 0,8%, у правого колена – 0,8%, у ног – 1,7%. Эти числа свидетельствуют, что в более чем половине мужских захоронений с одной фибулой ею застёгивалась не рубаха. Принимая во внимание обстоятельство, что часть фибул в районе груди определённо связаны с кафтаном, возможно ношение и застёгивание на одном из плечей плаща. Можно предположить, что в мужских захоронениях с одной подковообразной фибулой, ею чаще застёгивалась верхняя одежда.

Как свидетельствуют данные о всех интересующих нас захоронениях, то захоронения с двумя и более подковообразными фибулами численно не увеличивают разнообразие их месторасположения. Как новое месторасположение зафиксирован один случай с подковообразной фибулой на правом бедре, и на два случая увеличилось их нахождение у ног. Надо сказать, что такое расположение частично связано с той тканью, часто плащом, которая была использована, чтобы накрыть умершего. Относительно находок в районе шеи – груди и пояса – бёдер, то на этот раз небольшой перевес у первых – 54,1% к 42,9%. Это может свидетельствовать о более частом (по сравнению с захоронениями с одной фибулой) застёгивании рубах. Кажется, что легче всего объяснить использование описываемых украшений в захоронениях с тремя подковообразными фибулами таким образом – одна для рубахи, одна для кафтана, одна для плаща, но познакомившись с

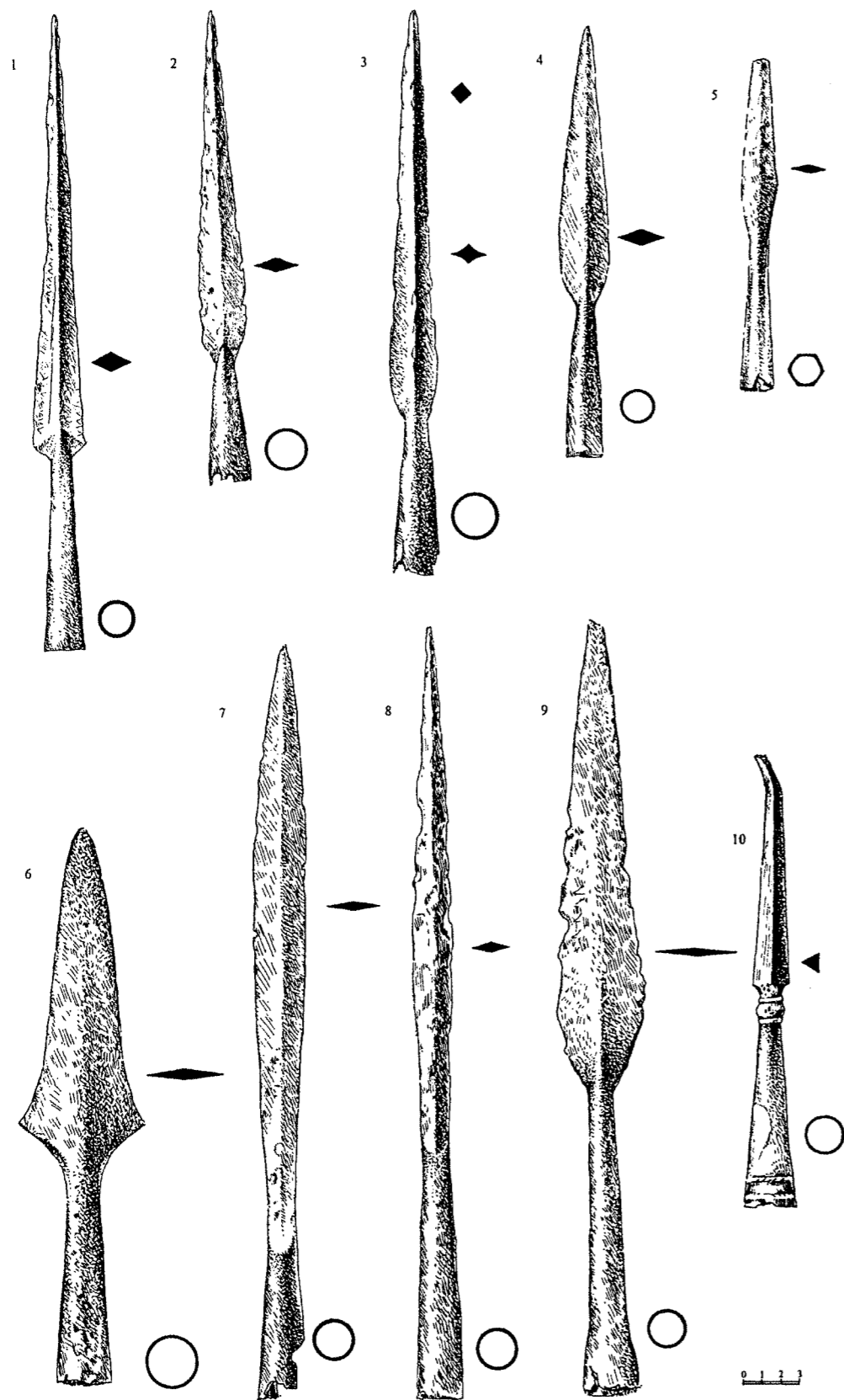

Рис. 21: Втульчатые наконечники копий

1 – Калснавас Дактини (А 1048), 2, 10 – Кокнесе (А 12694 : 301, 12704 : 173),
 3 – Приекулю Кампи (А 423), 4 – Раунас Леясруньги (А 10277 : 1), 5 – Дзелзавас Стругукалнс (А 7373 : 2),
 6 – Андрупенес Шкрабѣи (А 11636 : 12), 7 – Вишкю Маскава (А 10001 : 5),
 8 – Айзкалнес Маскевицишки (А 7339 : 16), 9 – Вецгулбенес Лаздукалнс (А 8824 : 2)

комбинациями их расположения, всё же следует отказаться от этого упрощённого представления. Например, почему у мужчины, похороненного в погребении №47 могильника Пилдас Нукшас (Шноре, 1957, с. 73), по одной подковообразной фибуле зафиксировано на обоих плечах, и ещё одна получена на груди посередине? Что было пристёгнуто упомянутыми украшениями к плечам? Кажется, это не была рубаха. Может, фибулами был украшен кафтан? Может, ими к плечам был пристёгнут плащ? Также надо напомнить, что фибулы не всегда использовались именно для застёгивания одежды. Их использование было более широким. К фибулам часто прикрепляли цепочкообразные украшения с подвесками. Так, например, у мужчины, похороненного в погребении №161 могильника Пилдас Нукшас, одна подковообразная фибула найдена у правого плеча, а вторая с подвешенными к ней цепочками в шесть рядов с колокольчиками в наверхии концов – констатирована у левого плеча (Шноре, 1957, с. 58). Интересно, что те или иные украшения, в том числе подвески-птички с язычками, привешенными к клюву и хвосту, также пришивались к одежде. Украшенные таким образом подковообразные фибулы как застёгивали, так и просто украшали одежду.

Рассматривая мужские захоронения с тремя и более интересующими нас украшениями, надо отметить ещё некоторые наблюдения. По мнению автора можно увидеть несколько случаев, когда, возможно, плащ был накинут и прикреплен на одно плечо. Полученные данные также подтверждают, что несколькими подковообразными фибулами мог быть застёгнут один предмет гардероба. Это характерно для захоронений с очень большим числом фибул. У мужчины, похороненного в погребении №192 могильника Пилдас Нукшас, констатировано 5 подковообразных фибул, 4 из них маленького, но неодинакового размера, получены в области груди (Шноре, 1957, с. 58).

Среди захоронений с несколькими подковообразными фибулами чаще всего встречаются случаи с двумя украшениями такого рода. Надо сказать, что проведённый анализ показал значительное разнообразие их размещения на одежде, среди которого количественно выделяются следующие комбинации – одна подковообразная фибула в области груди, а вторая в области живота. Это позволяет предположить, что когда носили несшитый кафтан с запахиваемым передом, он застёгивался не прямо на груди, а ниже. Так же нельзя отрицать, что описываемое украшение в районе живота зачастую связано с тканым поясом. Она (фибула) могла его застёгивать. В этих захоронениях обычно нет свидетельств о кожаном ремне и его частях – металлических пряжках, оковках и др.

Материал о расположении в могилах подковообразных фибул и их использовании для застёгивания одежды, полученные из трупосожжений и символических захоронений грунтовых могильников, а также в труположениях и символических захоронениях курганных могильников, только подтверждает и дополняет вышеописанное.

По сравнению с женщинами среди используемых мужчинами фибул наблюдается большее разнообразие форм и богатство орнамента. Различия наблюдаются также в размерах фибул. Мужские подковообразные фибулы, особенно предназначенные для застёгивания верхней одежды, выделяются своими размерами и массивностью (рис. 12). Надо отметить, что есть только ими носимые формы. Как таковые следует упомянуть массивные подковообразные фибулы с четырёхугольными или многогранными концами и шестиугольной, реже ромбовидной в сечении дугой (рис. 12 : 1–5, 7, 8, 10–13). Концы иногда покрыты серебряной плакировкой (рис. 12 : 2). Они украшены солнышками, свастиками и др. элементами. Дуга упомянутых подковообразных фибул часто орнаментировалась. Эти очень роскошные украшения использовались главным образом в 10 и, возможно, ещё начале 11 века (LA, 1974, р. 229; Muguŗēvičs, 1977, р. 116). Существуют параллели между вышеописанными фибулами, полученными на населённой латгалами территории, и известными в Скандинавии, особенно на о. Готланд (Carlsson, 1988, р. 20–27]. Ещё надо отметить, что в отдельных случаях также среди подковообразных фибул с подогнутыми концами встречаются очень массивные экземпляры (рис. 12 : 6, 9).

11 век характеризуется известными переменами. Более широкое распространение, как это было уже отмечено, получают подковообразные фибулы с концами в виде маковки, которые, хотя и встречаются в женских захоронениях, всё же определённо более характерны именно для мужчин (рис. 12 : 14). Достаточно часто констатированы подковообразные фибулы с концами в виде головы зверя. Среди них тоже надо отметить некоторые очень массивные экземпляры. Ещё известны широко распространённые у куршей подковообразные фибулы с шипами на концах. Также встречаются подковообразные фибулы с колотушковидными концами и др.

В мужских захоронениях рассматриваемого периода редко констатированы какие-либо другие фибулы, кроме как подковообразные. Одна из них – это уже упомянутая арбалетовидная фибула с макообразными пуговками на концах. Ещё определённо надо отметить арбалетовидные фибулы с перекладинами. Они обнаружены, например, в могильниках Пилдас Нук-

шас и Лудзас Одукалнс (Шноре, 1957, с. 38; Спицын, 1893, с. 31).

Как известно, в конце 13 века подковообразные фибулы начинают вытесняться кругообразными фибулами. Они были мало пригодны для застёгивания мужской верхней одежды (Zariņa, 1970, р. 169). Поэтому кругообразные фибулы использовались главным образом для застёгивания рубах. В это время отмечается сокращение количества фибул в мужских захоронениях. Это, например, хорошо видно по кладбищам Драбешу Упланги и Циргалю Яунбембери (Apala, 1987, р. 105; Simermane, 1972, р. 58–60). Для застёгивания верхней одежды вводятся пуговицы (Zariņa, 1970, р. 169).

Иноземное происхождение имеет бронзовая булава, найденная в трупосожжении №I 22 10 века могильника Лудзас Одукалнс. Её головка украшена выполненными в скандинавском стиле Борре-Элинг звериными головами. Возможно, что она изготовлена Готландскими ювелирами, которые использовали как образец широко распространённую у Курземских ливов треугольную булаву с двойными плоскими дисками (Jansson, 1995, р. 90). Доказательством этому, кроме орнамента, может служить то, что точно такая же булава, только незаконченная, была найдена на упомянутом острове. Интересно, что в труположении №III 53 10 века могильника Лудзас Одукалнс также получена одна фибула, украшенная в скандинавском стиле Борре (Спицын, 1893, рис. VI : 15). В этой связи надо указать на уже упомянутое: ответвление пути из варяг в греки по реке Великая и контактах в системе Восточноевропейских торговых путей. Такие фибулы, в количестве более 60, распространены от сегодняшней Норвегии до России (Лехтосало-Хиландер, 1979, с. 86–88, рис. 5). На территории последней их местонахождения концентрируются в таких центрах как, например, Гнёздово в междуречье верховья рек Даугавы и Днепра. Существовало несколько центров по производству упомянутых фибул, причём одним из них несомненно был остров Готланд. В любом случае, связи между латгалами и скандинавами проходили как с запада, так и с востока.

Мужчины, так же как и женщины, носили браслеты. Рассматривая их использование, можно выделить два периода. В первый, который датируется концом 9 – началом 11 века, но главным акцентом в 10 веке, доминируют бронзовые браслеты воина и массивные браслеты с сегментовидными в сечении или какими-то другими концами (рис. 13 : 14, 16). Во втором периоде, который охватывает вторую половину 11 – первую половину 13 века, их сменяют бронзовые браслеты с концами в виде головы зверя (рис. 14), к которым позже присоединяются бронзовые витые браслеты.

Интересно, что различные украшения определяли различные принципы их ношения.

Браслет воина обычно носили один на левой руке. Он, вместе с каким-либо другим браслетом на одной руке, встречается очень редко. Один из таких известных автору случаев зафиксирован в погребении №47 могильника Пилдас Нукшас. Здесь, у захороненного в 10 веке мужчины на левой руке вместе с браслетом воина, имеется спиральный браслет (Шноре, 1957, с. 73). Второй – такой же спиральный браслет (оба соответствуют тем, что носили женщины) был также на правой руке. В любом случае эти браслеты нетипичны для мужчин.

В их захоронениях находят используемые мужчинами массивные трёхвитковые спиральные браслеты. Таковой найден в могиле №III 98 на могильнике Лудзас Одукалнс (Спицын, 1893, с. 25). Упомянутые браслеты считаются характерным для земгалов украшением, которые были в употреблении в 10 веке (LA, 1974, р. 216). Массивные трёхвитковые спиральные браслеты находят именно в захоронениях с богатым могильным инвентарём. Если описание вышеупомянутой могилы правильно (как известно, достоверность публикации материала могильника Лудзас Одукалнс интерпретируется по-разному), то у похороненного там мужчины, кроме уже отмеченного браслета на правой руке и массивного браслета с сегментовидными в разрезе концами на левой, ещё были констатированы подковообразная фибула с прикреплённым к ней украшением из цепочек, 7 перстней и совообразная фибула 9 века.

Возвращаясь к захоронениям с браслетом воина, надо отметить, что они в более половины случаев – единственные браслеты в этих могилах. Если в погребальном инвентаре мужчины наряду с браслетом воина есть и другой браслет, то чаще всего на правой руке находят массивный браслет с сегментовидными в сечении концами. Последний также на этой руке обычно один.

Вместе с браслетом воина также встречаются браслеты с концами в виде головы зверя. Их число уже не ограничивается одним. Например, у мужчины, похороненного в погребении №6 11 века могильника Раунас Леясрунги, кроме браслета воина на левой руке констатированы 4 браслета с концами в виде головы зверя на правой руке (Steipiņš, 1937). Надо отметить, что упомянутое число – четыре браслета на одной руке – у мужчин встречается нечасто.

Массивные браслеты с сегментовидными или какими-то другими концами также встречаются на левой руке. В таком случае на правой руке может быть такой же или какой-либо другой браслет. Иногда интересующее нас украшение, как это известно по погребению №135 мужчины 10 века могильника Приекулю

Гюгери, констатировано в двух экземплярах на одной руке (Apala, 1992, р. 10). Но в целом именно первому из выделенных периодов характерно несоблюдение принципа симметрии. Во втором периоде, вместе со сменой видов браслетов представление „одинаковые браслеты на обеих руках“ – имеет большее значение. Браслеты с концами в виде головы зверя, витые браслеты и др. носились уже именно так. Если браслеты этого вида констатированы только на одной руке, то это могла быть как правая, так и левая рука. Если на одной руке было два браслета, то они чаще всего были одинаковые.

Чтобы получить представление о браслетах из курганных могильников и одновременно символических захоронений, надо упомянуть датированный 12 веком курган №31 могильника Макашену Куцини. Здесь были найдены 2 браслета с концами в виде головы зверя (Radiņš, 1984, р. 78). Такие и другие рассматриваемые в связи с труположениями украшения получены также в трупосожжениях и символических захоронениях грунтовых могильников. Так, в трупосожжении №95 11 века могильника Драбешу Лиепиняс вместе с браслетом воина найдены витые браслеты (Apals, Apala, 1973, р. 8), а в трупосожжении №14 11 века могильника Кокнесе констатированы 4 браслета с концами в виде головы зверя (Žeiere, 1986).

Возможно, что происхождение браслета воина связано не с населённой латгалами территорией как это было принято раньше, а с землями земгалов, где известны все возможные его исходные и параллельные формы (Atgāzis, 1994, р. 37). Упомянутый браслет выделяется среди других своей особенной формой. Он плоский и широкий, в разрезе в начале трапециевидный, затем „I“-образный с высоко поднятыми краями. Браслет воина выделяется своей массивностью – вес обычно 200–500 г (Daiga, 1974, р. 174). Кроме того, поверхность браслета богато орнаментирована. Орнамент располагается по краям браслета, по концам дуги и в центральной части. Центральная часть только у ранних браслетов иногда не имеет орнамента (Daiga, 1974, р. 175). Вдоль края внутренней и внешней стороны дуги между рядами чёрточек и точек размещался ряд косых крестиков. На концах браслета обычно располагались знаки „кровли“ с лучами, которые в свою очередь заканчивают косой крестик или солнышко. Они расположены очень плотно друг к другу, создавая зигзагообразную линию. Похожий орнамент выполнялся и в центральной части. Как исключение здесь ещё встречается солнышко.

Не исключено, что происхождение массивного браслета связано с районами к юго-западу от населённых латгалами территорий. Наряду с сечением концов

в виде сегмента также встречается полукруг или трапеция. Дугу браслета покрывает орнамент. Часто это плотно расположенные ромбы с точками и треугольниками. Встречается также орнамент в виде плетения или глубокого зигзага. Использование этих браслетов констатировано в 10–11 веках (Mugurēvičs, 1977, р. 113).

Как это было уже отмечено, вышеупомянутые браслеты у мужчин в 11 веке сменяют браслеты с концами в виде головы зверя (рис. 14). Надо напомнить, что в женских захоронениях они заменили спиральные браслеты. Уже само название украшения свидетельствует, что концы дуги браслета завершают головы зверя. Они так сильно стилизованы, что изображённое животное невозможно определить. У голов зверя ранних браслетов конца 10 и в 11 веке уши рельефны и приподняты, на конце утолщённое рыльце. Зато глаза очень редко выделялись. Это делалось при помощи одного или нескольких солнышек. Кажется, они больше имели орнаментирующее значение. В конце 12–13 века голова зверя упрощается. Вместо ушей теперь только два небольших выступа с графическим крестом между ними. Невыразительное, но штрихованное рыло не имеет утолщения на конце. Таким образом, оно всё одной толщины. Зачастую о голове зверя свидетельствует только крест и идущее следом штрихи.

У браслетов с концами в виде головы зверя бывает разная дуга. Она может быть тордированой, с глубоким профилированием бороздок, с треугольным, сегментовидным, ромбовидным, круглым, четырёхугольным сечением, с профилированием посередине. Дуга браслета почти всегда орнаментирована. В его расположении намечаются известные закономерности. Обычно он не покрывает всю дугу, а состоит из одной или нескольких групп одинаковых элементов, и расположен по краям, оставляя посередине браслета небольшое неорнаментированное пространство. Наиболее распространённые его элементы – это треугольник с одной или тремя точками внутри него, ромб с точкой, солнышко, чёрточка и др. Обычно орнамент создают треугольнички, которые расположены в четыре параллельных ряда, где треугольник одного ряда находится точно напротив треугольника из второго ряда или напротив промежутка между ними. Для того, чтобы разнообразить этот основной блок, при помощи комбинации других элементов варьируются его завершения или соединения.

Надо отметить, что не только мужские, но и женские браслеты с концами в виде головы зверя были богато орнаментированы. Узор обычно был похожим и со временем стал единообразным. Но констатируются также некоторые различия у соответствующих полов. Так, мужские браслеты с концами в виде головы зверя

унаследовали от своих предшественников – массивных браслетов – покрытие дуги плотно расположенными ромбами и точками (рис. 14 : 8, 9).

Интересно, что хотя для женских браслетов характерны более лёгкие формы, всё же и у них встречаются довольно массивные браслеты (рис. 7 : 3–5). Последние обычно являются хронологически более поздними. Это, кажется, можно объяснить как тенденциями „моды“, так и стремлением демонстрировать свои возможности в использовании материала. Это, как известно, вообще характерно для 12 века и наблюдается не только на примере браслетов, но и у других украшений, особенно это касается шейных гривен. Надо отметить, что именно в женских захоронениях достаточно часто встречаются массивные браслеты с концами в виде головы зверя и с тордированной дугой.

В отличие от массивного и браслета воина, для изготовления браслетов с концами в виде головы зверя кроме бронзы, хотя это и случалось редко, использовалось также серебро. Что касается витых браслетов, то существует мнение, что жители населённых латгалами территорий переняли их от соседей-славян (LA, 1974, p. 232). Но всё же их происхождение нельзя объяснять так упрощённо. Витые браслеты были очень широко распространены и невозможно однозначно определить, какие контакты были определяющими. Для некоторых найденных в мужских захоронениях экземпляров характерна большая массивность, что несомненно является результатом местного развития. Такие витые браслеты получены на могильниках Лиепкалнес Кестери, Пилдас Нукшас и т. д.

Среди браслетов, реже встречаемых в мужских захоронениях, стоит упомянуть лентовидные браслеты с суженными концами (Apala, Zariņa, 1991, p. 13), браслеты, изготовленные из шейных гривен (Apala, 1992, p. 10), браслеты с прямыми концами и в сечении с ромбовидной или шестиугольной дугой и др.

По сравнению с женщинами, мужчины в течение 13 века быстрее отказываются от традиции носить браслеты. Например, их не было у похороненных в 13–14 веках на кладбище Драбешу Упланты (Apala, 1987, p. 102–103).

Мужчины так же носили перстни (рис. 13 : 6–13). Их носили как на пальцах только правой или левой руки, так и на обеих руках. Рассматривая 105 захоронений, где было возможно определить расположение перстней на руках, из могильников Кокнесе, Раунас Леясрунги, Аглонас Кристапини, Каугуру Бейтес, Мадона, Цесвайнес Калнапаукши, Мердзенес Дзервес, Аглонас Мадалани II, Лиезерес Салнаскрогс, Плявиню Радзес, Звиргзденес Кивти, Пилдас Нукшас, Виесиенас Межарес (карьер Аронас), Карздабас Грантс-

кални получены результаты, которые сильно не отличаются от известных по женским захоронениям. Но всё же есть и свои отличия. Итак, в мужских захоронениях в 73% случаев перстни были на пальцах обеих рук, в 15% – на левой, 12% – на правой. В первом случае чаще всего на каждой руке было по два перстня – 25%, далее один перстень – 17,1%, три перстня – 15,8%, два на правой руке и три на левой – 13,2%, два и один соответственно – 9,2%, один и два – 6,6%, три и четыре – 5,3%, один и три – 2,6%, три и два – 1,6%, три и один – 1,3%, пять и три – 1,3%. Как видим, число перстней неустойчиво. Их число на правой руке было обычно от одного до трёх, а на пальцах левой руки – от одного до четырёх. Но если подсчитать все перстни, то они примерно в одинаковом количестве зафиксированы на каждой руке. В около 60% случаев соблюден принцип симметрии. Что касается ношения перстней на пальцах одной руки, то надо отметить, что в случае, когда он был один или два – то немного чаще ими украшалась левая рука.

Относительно видов перстней, у мужчин встречаются те же, что и у женщин. Интересно, что мужчины чаще всего пользовались именно спиральными перстнями, среди которых так же известны экземпляры с подвесками. Ещё надо упомянуть перстни с витой, тордированной, псевдотордированной, утолщённой передней частью и др. Среди них некоторые экземпляры выделяются своей массивностью. Для изготовления перстней кроме бронзы использовалось серебро и олово. Редко, но встречаются также экземпляры из золота (Urtāns, 1977b, p. 39).

В мужских захоронениях на кладбищах 13 века перстни уже не встречаются так часто. Здесь исчезает традиция носить несколько перстней. Но они сохраняются как важное мужское украшение, которое обычно носили на пальцах правой руки.

Важной составной частью мужского могильного инвентаря несомненно были орудия труда и особенно оружие (рис. 13 : 1, 2, 15, 17, 18). Среди первых прежде всего следует упомянуть нож. Он, хотя и появляется в захоронениях 9 века, более широкое распространение получает начиная с 10 века (Šnore, 1987, p. 29). Надо отметить, что тогда, когда остальной могильный инвентарь исчезает, нож не теряет своего значения. Он после 13 века зачастую является единственным предметом в мужских захоронениях.

В 10–13 веках ножи делают с черенком. У них обычно прямая спинка и как загнутое, так и приподнятое остриё. Черенок по сравнению со спинкой и лезвием без- или со слабым и невыразительным выступом. Рукоятка ножа чаще всего была из дерева. Так же использовалась кость и рог. У ножа могли быть ножны. Так, в

памятниках западной части населённой латгалами территории, начиная с 11 века, встречаются возможно уливов перенятые ножны с трапециевидным чехлом из бронзовой жести (Mugurēvičs, 1977, p. 111).

Нож в мужских захоронениях находят почти всегда в области пояса. Свидетельство тому даёт анализ 146 захоронений из могильника Лудзас Одукалнс, Ливану Ерсика, Аглонас Кристапини, Звиргзденес Кивти, Пилдас Нукшас, Раунас Леясрунги, Мадона, Марциенас Олини, Аглонас Мадалани II, Плявиню Радзес, Кокнесе, Виесиенас Межарес (карьер Аронас), Сайкавас Капуркалнс. Таким образом, в этом случае 94% всех ножей получено непосредственно в районе пояса умершего. К тому же с левой стороны и по-середине зафиксированы более 80% из них. Судя по расположению в могиле, нож носили у пояса, обычно с левой стороны. Его местонахождение у головы и ног вероятнее всего связано с пожертвованиями близких умершему.

Что касается мужских захоронений курганных могильников, то полученные здесь результаты идентичны с констатированными в грунтовых могильниках. Из этих памятников представлялось возможным использовать данные 11 захоронений из могильников Макашени Грейвули, Каунатас Батни, Каунатас Батары, Каунатас Рикополе, Балтинавас Пунцелера, Яунпиебалга. Посередине и с левой стороны пояса зафиксировано около 55% всех ножей.

Ситуация не меняется также на кладбищах 13–14 веков. Так, в Драбешу Упланты интересующее нас расположение было примерно в 66% мужских захоронений. Остальные ножи тоже зафиксированы здесь в области пояса, но только с правой стороны (Apala, 1987, p. 95–103).

Кроме этих обыкновенных или хозяйственных ножей в могильном инвентаре мужчин констатированы боевые ножи или кинжалы. Так в погребении №15 11 века могильника Плявиню Радзес он был расположен у левого бока умершего. Упомянутый боевой нож находился в кожаных ножнах с бронзовыми оковками (Mugurēvičs, 1977, p. 111). Рядом с ним, тоже в ножнах, зафиксирован ещё и хозяйственный нож. Оба интересующих нас предмета также найдены у похороненного в погребении №30 11 века могильника Приекулю Гюгери. Боевой нож в этом случае констатирован вдоль правого бока. У его кожаных ножен, украшенных бронзовыми оковками, частично сохранилась решётка из обмотанной бронзовой проволокой железной прутиковой цепочки, которая использовалась для прикрепления этого оружия к поясу (Apala, Zariņa, 1991, p. 18). Там же, ближе к середине, находился другой нож, так же в окованных ножнах. Для его прикрепления к рем-

ню очевидно использовался какой-то шнурок; для того, чтобы его продеть в центре одной боковой оковки сделано отверстие. Интересно, что на конце острия этого ножа так же была спиральная завязка.

Украшенные бронзой ножны на территории, населённой латгалами, были известны уже в предыдущем периоде. Так, в могильнике Звиргзденес Кивти они получены в погребении №97 8 века (Šnore, 1987, p. 28). В них носили однолезвийный меч. Боевые ножи появляются во второй половине 10 века, но более широко внедряются в 11 веке и не только на населённой латгалами территории (LA, 1974, p. 241). Их обычно носили в ножнах, привешенными с левой стороны к поясу, но они фиксированы также и с правой стороны. В интересующих нас памятниках боевые ножи ещё найдены в могильниках Приекулю Кампи (Lietgaliētis, 1928, p. 696–699), Лудзас Одукалнс (Спицын, 1893, с. 45), Савиенас Йоксти (J. Urtāns, 1990, p. 164), Драбешу Лиепиняс (Apals, 1972, p. 37), Кокнесе (Žeiere, 1990, p. 190) и др.

Нож не только как орудие труда, но и как оружие сохраняется, когда исчезает остальное оружие. На кладбищах 13–14 веков получены некоторые экземпляры больших размеров, которые зачастую были помещены в кожаные ножны. Например у мужчины, похороненного в погребении №72 13 века на кладбище Драбешу Упланты, констатирован железный кинжал с деревянной рукояткой, размещённый в инкрустированных бронзой ножнах (Apala, 1987, p. 104).

Ремень служил для привешивания многих различных предметов. В могильнике Кокнесе констатировано (рис. 9 : 12), что на ремне носили костяные гребни (Žeiere, 1988a, p. 168). В погребении №30 11 века могильника Приекулю Гюгери в области пояса получен железный замок и ключ, а также кресало, брусок (Apala, Zariņa, 1991, p. 17–18), у похороненного в 11 веке кургане №2 могильника Лиепкалнес Кестери, были привешены железный замок и ключ, клык медведя и костяной гребешок (Riekstiņš, 1939, p. 68).

Такие предметы как кресало (рис. 9 : 13–14), кремень, гребешок, брусок могли быть положены в кошелёк, который в свою очередь прикреплен к поясу. Кошельки изготавливались как из кожи, так и из ткани. Последние обычно не сохраняются, хотя, кажется, ими пользовались наиболее часто. Например у мужчины, похороненного в погребении №2 12 века могильника Каугуру Бейтес, думается, именно в тканом кошелёке находился гребешок, шейное украшение из бус и бубенчиков, два перстня (Cimermane, 1963, p. 5). Кожаные кошельки часто были довольно пышными. Они украшены бронзовыми оковками, бронзовыми или оловянными украшениями. Рассмотрим находку из

погребения №30 могильника Приекулю Гюгери. Кошелёк здесь имеет продолговатую форму с расширенной верхней частью, окованной бронзой. В свою очередь, края его нижней части украшены бронзовыми спиральками (Arala, Zariņa, 1991, p. 20). Кошелёк носили у пояса при помощи бронзовой цепочки, которая была прикреплена к одной из его сторон. Похожие кошельки получены, например, в могильнике Тауренес Лаздини (Берга, 1988, с. 59, 60). Упомянутые кожаные кошельки изготовлены так, что положить и вынуть какой-либо большой предмет затруднительно. Думается, что они имели больше декоративный характер. В погребении №30 могильника Приекулю Гюгери весы, гири и монеты находились в мешковидном кошельке. В захоронении кургана №2 могильника Лиепкалнес Кестери у пояса с левой стороны констатирован кожаный кошельк неопределённой формы с завязываемым концом. Для его прикрепления к ремню использована железная цепочка (Riekstiņš, 1939, p. 68). В данном случае в кошельке находились три Западноевропейские серебряные монеты, железные гири с бронзовым покрытием. Такие захоронения с весами, гириками и монетами принято считать захоронениями торговцев (Берга, 1988, с. 31). Кроме выше уже упомянутых двух случаев, интересующие нас предметы ещё были найдены в захоронении 11 века из кургана №5 могильника Яунпиебалга (Elksnīte, 1935, p. 18), в погребении №72 11 века могильника Кокнесе (Žeiere, 1988a, p. 170), в погребении №156 11 века могильника Приекулю Гюгери (Arala, 1992, p. 10), в погребении №99 10 века могильника Звиргденес Кивти (Šnoge, 1987, p. 44), в погребении №28 11 века могильника Эрглю Яунакени (Graudonis, 1972a, p. 74), в погребении №1 11 века могильника Лубанас Вевераи (R. Šnoge, 1933), в погребении №4 11 века могильника Виесиенас Межарес (карьер Аронас) (Šnoge, Berga, 1992, p. 10), в могильнике Лудзас Одукалнс (Спицын, 1893, с. 10) и др.

Чаще всего в отдельном мужском захоронении находят весы и гири, а монеты – это уже более редкий их спутник. Если принадлежности торговца констатированы в области пояса, то они могут быть как с левой, так с правой стороны умершего. Но рассматриваемые предметы не всегда расположены в могиле в указанном месте. Так, весы, гири и монеты в погребении №7 могильника Кокнесе констатированы справа от головы (Žeiere, 1988a, p. 170). Интересное расположение этой находки зафиксировано в могильнике Лудзас Одукалнс. У погребения №II 32, но немного ниже него, весы вместе с наконечником копья находились на деревянной подставке (Спицын, 1893, с. 47). К сожалению нельзя точно установить, связаны ли они с

названным захоронением, которое выделяется очень богатым могильным инвентарём. Надо упомянуть, что весы и гири, независимо от расположения возле умершего, могут быть положены в коробочку, как это констатировано в кургане №5 могильника Яунпиебалга (Elksnīte, 1935, p. 18), в погребении №99 могильника Звиргденес Кивти (Šnoge, 1987, p. 28), в погребении №156 могильника Приекулю Гюгери (Arala, 1992, p. 10) и др. Коробочки изготавливали из дерева, но также использовался металл. Это было необходимо не только чтобы защитить весы от повреждений, но и для их более рационального хранения и ношения.

Очень важная находка – весы из могильника Виесиенас Межарес – одни из двух известных в Восточной Европе весов с арабской надписью (Šnoge, Berga, 1992, p. 13). Ещё одни найдены в могильнике Тимерёво у Волжского торгового пути в захоронении второй половины 10 века. Обе эти находки свидетельствуют, что, возможно, первые весы для взвешивания серебра были экспортированы с Востока. Но нет сомнений, что по этим образцам началось местное изготовление весов (Šnoge, Berga, 1992, p. 13). Весы из Виесиенас Межарес изготовлены в 10 веке в Средней Азии, на территории Ирана. Погребение №4, где они были найдены, датируется второй половиной 11 века (Šnoge, Berga, 1992, p. 10).

Отдельные монеты в мужских захоронениях находят очень редко. Один из таких случаев – куфический дирхем, найденный в погребении №1 могильника Драбешу Лиепиняс под позвонком в районе пояса. Все вышеописанные находки монет, гирек и весов констатированы в труположениях. Единственное трупосожежение, где зафиксирована монета – это погребение №67 могильника Драбешу Лиепиняс (Берга, 1988, с. 57).

Традиция давать умершему с собой в загробный мир монеты встречается в западной группе памятников населённой латгалами территории и возникла, вполне вероятно, под влиянием ливов. Отдельные монеты в могильном инвентаре объясняются как ритуальные монеты, или „обол мёртвого“ (Берга, 1988, с. 57).

Нехарактерные для мужских захоронений предметы обнаружены в погребении №102 12 века могильника Аглонас Кристапини (Briede, 1979, p. 18). Здесь в районе левого плеча захороненного было найдено железное шило с костяной рукояткой и костяной игольник с бронзовой иглой для шитья (рис. 9 : 1, 11). Может быть это связано с попыткой близких умершего обеспечить его всем необходимым? Может, упомянутые предметы были пожертвованы? К этому мы ещё вернёмся.

Среди нетрадиционных для мужских захоронений находок ещё надо упомянуть железный серп, полученный в символическом погребении №138 10 века мо-

гильника Пилдас Нукшас (Шноре, 1957, с. 85). Также только в могильнике Приекулю Гюгери констатированы железные втульчатые долота-ледорубы (Arala, 1990a, p. 23). Редкой находкой является полученная в том же памятнике бронзовая оковка края ритона. Надо отметить, что в присутствии среди могильного инвентаря именно этих широко нераспространённых предметов выражаются локальные различия отдельных могильников.

На населённой латгалами территории предметов конской сбруи в погребальных памятниках получено немного. У мужчины, похороненного в погребении №91 10 века могильника Аглонас Кристапини, вместе с топором и копьём у ступни правой ноги были расположены железные удила. (Briede, 1979, p. 18). В этом могильнике они ещё были констатированы в погребениях №141, 211 и 280 рубежа 10 и 11 веков (Briede, 1980, p. 31; Kuniga, 1986, p. 81; 1988, p. 90). В двух первых случаях вместе с удилами получены железные колокольчики (рис. 13 : 15, 18). В погребении №211 сбрую дополняет железная рукоять кнута. Он получен также в погребении №5 могильника Айзкалнес Маскевицишки (LA, 1974, p. 245). Из принадлежностей всадника известны также находки шпор. Так, в захоронении 11 века из кургана №10 могильника Каунатас Рикополе зафиксирована бронзовая шпора (Balodis, 1925b, p. 363), а в захоронении 13 века из кургана №2 могильника Яунпиебалга в свою очередь железные шпоры (Elksnīte, 1935, p. 16). Ещё они найдены в могильнике Карздабас Грантскални (234). Железное стремя как случайная находка получено в могильнике Резнас Юси.

Из орудий труда в мужских захоронениях в интересующих нас памятниках чаще всего констатируют топор. Это универсальное орудие, которое имеет большое значение и как оружие. Среди последних в мужских захоронениях наиболее часто встречаются копья. Как известно, двулезвийный меч является редкостью. Они получены в захоронениях начала 10 – первой половине 11 века в могильниках Аглонас Кристапини (Kuniga, 1988, p. 90), Приекулю Гюгери (Arala, 1990, p. 23; 1992, p. 12), Лудзас Одукалнс (Спицын, 1893, с. 45), Айзкрауклес Леясбитени (Urtāns, 1977c, p. 18–20), Сайкавас Капуркалнс (Ošs, 1939) и др. Это дорогое боевое оружие обычно находилось в деревянных или кожаных ножнах с бронзовыми оковками. В труположениях для него характерно расположение вдоль правого бока умершего. Но всё же это не может служить доказательством тому, что мечи носили у пояса с правой стороны. Здесь мы сталкиваемся со случаем, когда констатированное в захоронении отличается от положения, существующего при жизни. Кажется, что

размещение меча у правого бока объясняется именно погребальными традициями. Интересно, что в предыдущем периоде, когда в рассматриваемых памятниках частой находкой был однолезвийный меч, он почти всегда располагался поперёк таза с рукояткой в районе правой руки. В этой связи надо указать на уже описанный способ ношения ремня – через правое плечо. Это могло быть теснейшим образом связано с описываемым оружием. Меч с ножнами весил много и к тому же не являлся единственным предметом, который носили на ремне, поэтому, чтобы предотвратить сползание ремня с талии, пользовались ремнём, перекинутым через плечо. Такой перекинутый через правое плечо ремень мог держать на правом боку ножны меча. Это позволяло быстро и удобно „надеть“ и „снять“ оружие. Надо отметить, что в погребении №30 могильника Приекулю Гюгери зафиксированы как меч в ножнах, так и ремень, перекинутый через плечо (Arala, Zariņa, 1991, p. 14, žem. 2).

Что касается находок двулезвийных мечей в трупосожежениях и символических захоронениях, то в первых он найден только в одном случае. Экземпляр, полученный в погребении №95 11 века могильника Драбешу Лиепиняс, был согнут и обгорел. Среди предметов инвентаря упомянутого погребения также найдена оковка окончания ножен (Apals, Arala, 1973, p. 8).

У рассматриваемых мечей было прямое перекрестье и треугольный набалдашник рукоятки. Они украшены серебрянной плакировкой и инкрустацией. Такие мечи считаются привозными и не изготавливались на месте. Возможно, что они могли быть приобретены при посредстве скандинавов. Это, естественно, не означает, что не было местных традиций изготовления оружия. Под влиянием боевого ножа в 11–12 веках создаётся длинный однолезвийный меч. Он зафиксирован в могильнике Лубанас Вевераи. Этот однолезвийный меч имеет своеобразное волкотообразное навершие рукояти.

Надо отметить, что во второй половине 11–13 века в могильниках на населённой латгалами территории находок двулезвийных мечей по-прежнему очень мало. Они как случайные находки получены в могильниках Вецгулбенес Ладзукалнс, Резекне и др. (LA, 1974, p. 242). Возможно, что упомянутое оружие привезено из земель куршей (Мугуревич, 1965, с. 50), изделия мастеров – оружейщиков которых были широко известны (Kazakevičius, 1996, p. 50), и в могильниках которых двулезвийные мечи в свою очередь встречаются весьма часто.

В расположении топора в могилах отмечают известные закономерности. Его обычно находят с правой стороны и у ног умершего. Рассматривая 146 за-

хоронений (рис. 15 : 1) из могильников Лудзас Одукалнс, Плявиню Радзес, Пилдас Нукшас, Кокнесе, Эрглу Яунакени, Калупес Лаздани, Мадона, Карздабас Грантскални, Аглонас Кристапини, Приекулю Кампи, Цесвайнес Калнапаушки, Звиргзденес Кивти, Лиезерес Салнаскрогс, Аглонас Мадалани Ц, Айзкалес Маскевицишки, где топор зафиксирован один, без своего обычного спутника копья, почти в 90% случаев для него характерно вышеупомянутое расположение. Как главные следует выделить следующие места – у ног, у ступни правой ноги, у правого колена, с правой стороны талии. Учитывая также захоронения, где топор получен вместе с копьем, существенные изменения не констатированы (рис. 15 : 2). Единственно надо отметить, что в этих случаях топор не столь часто положен у ног и вместе с тем растёт число его размещения у ступни правой ноги вместе с копьем.

Размещение копья схоже с размещением топора. Анализируя 21 захоронение (рис. 16 : 1) из могильников Аглонас Кристапини, Лиезерес Салнаскрогс, Сайкавас Капуркалнс, Кокнесе, Лудзас Одукалнс, Эрглу Яунакени, Карздабас Грантскални, Цесвайнес Калнапаушки, где из интересующих нас предметов получено только копье, немногим больше 60% из них найдено с правой стороны и у ног похороненного. Наиболее часто копье зафиксировано у ступни правой ноги – немногим менее 40%. Учитывая все захоронения с копьем, число их месторасположений увеличивается (рис. 16 : 2), но не достигает известного топорам разнообразия. Теперь также доминирует расположение копья у правой ноги – более 40%. Схоже с топором, оно редко фиксируется у головы. Таких случаев около 6%.

Количество топоров в одной могиле обычно не превышает одного. Оно было большим не более чем в 2% случаев. Что касается копий, то широко распространённая в предыдущем периоде традиция давать умершему их по паре сохранилась, но встречается редко и ещё только в 10 веке. Топор и копье в рассматриваемый период располагались в могиле вместе. Все комбинации, где они зафиксированы в одном захоронении в разных местах, немногочисленны.

Топоры и копья также являются неотъемлемой частью труположений и символических захоронений грунтовых могильников. Существенной разницы здесь нет. Расположение этих предметов в символических захоронениях чаще всего отвечает вышеописанному.

Что касается материала курганных могильников, то он, несмотря на свою незначительность, также подтверждает констатированное в грунтовых могильниках. В могильниках Яунпиебалга, Макашину Грейвули, Лиепикалес Кестери, Балтинавас Пунцулева, Каунатас Батари, Каунатас Батни, Шкилбену Даниловка, Мака-

шину Грейвули, Макашину Куцини примерно 40% всех топоров и копий зафиксировано у ступни правой ноги. Только в нескольких случаях они были расположены у головы.

Материал, полученный как в курганных, так и в грунтовых могильниках, свидетельствует, что топор и копье были расположены непосредственно близко к похороненному. Те из этих предметов, что зафиксированы в других местах, объясняются какими-то особыми обстоятельствами.

В 10 веке ещё встречаются как узколезвийные, так и широколезвийные топоры. Первые из них преобладают. Узколезвийный топор, хотя он и стал более массивным, сохраняет черты предшествующего периода – удлинённые торцы обуха и овальную проушину (рис. 17 : 1–2, 4–8). В своём дальнейшем развитии лезвие становится шире, а проушина – округлой (Atgāzis, 1964, p. 109). Узколезвийные топоры этого типа иногда встречаются также в 11 веке.

В восточной группе памятников населённой латгалами территории известен ещё один, отличающийся от описанного тип узколезвийных топоров (Atgāzis, 1964, p. 110). Он имеет спущенные торцы обуха и треугольные пропуски по краям проушины (рис. 17 : 3). Найденные экземпляры относятся к 10 и 11 векам и параллели им можно найти в землях славян и финнов.

Ранние широколезвийные топоры датируются 10 веком. Для них характерна прямая спинка и торцы обуха только со стороны рукоятки (рис. 18 : 1). Эти топоры найдены главным образом в западной группе памятников населённой латгалами территории. Только с 11 века широколезвийные топоры начинают господствовать. Среди них можно выделить несколько типов. Самым распространённым из них был широколезвийный топор с удлиненными торцами обуха и дугообразным вырезом под проушиной (рис. 18 : 4). Для другого, более распространённого вида, также характерно удлинение торцов обуха, а по бокам проушины – выпуски треугольной формы (рис. 18 : 2–3). Намного реже встречаются топоры со спущенным обухом и выпусками по краям проушины (рис. 18 : 7, 8). Хотя топоры 11–12 веков сохраняются и в 13 веке, всё же тогда начинается их замена на массивные широколезвийные топоры, проушина и обух которых имеют угловатую форму (Atgāzis, 1964, p. 116).

Оружием мог стать любой топор, но не каждый таковым являлся. Боевые топоры отличаются от рабочего топора меньшими размерами (рис. 18 : 5), тщательностью выделки, чаще украшались. Как ещё одну примету можно упомянуть отверстие, имеющееся на плоскости лезвия (рис. 18 : 6), которое предназначено для его прикрепления в чехле к поясу или седлу (LA, 1974,

p. 241). Также надо отметить узколезвийные топоры 10 века, рукоятка которых обмотана бронзовой лентой (рис. 17 : 7, 8).

Интерес вызывают некоторые редко встречаемые типы топоров, которые свидетельствуют о связях с другими регионами. В грунтовом могильнике Пилдас Нукшас (Шноре, 1957, с. 28) и курганном могильнике Звиргзденес Иснауда (Balodis, 1925a, 1925, p. 485) получены топоры-чеканы (рис. 19 : 2, 4). Они характерны для районов влияния Хазарского каганата на северном побережье Каспийского и Чёрного моря. Эти топоры объединяют как рубящие, так и ударные функции. Это связано с внедрением брони. В погребальных памятниках населённой латгалами территории, к сожалению, весьма мало свидетельств об этих принадлежностях вооружения. Например, фрагменты кольчуги известны по могильнику Кокнесе (Žeiere, 1988a, p. 168).

Об уже отмеченных контактах с куршами свидетельствуют отдельные находки секир (рис. 19 : 1, 3). Такая получена в погребении №84 12 века могильника Кокнесе (Žeiere, 1988a, p. 190), в погребении №55 11 века могильника Эрглу Яунакени (Graudonis, 1973, p. 37). Секиры как случайные находки найдены также в некоторых других памятниках западной группы населённой латгалами территории (Atgāzis, 1964, p. 117), в то время как в восточной группе только в одном случае – в могильнике Аглонас Кристапини (Atgāzis, 1997, p. 56). Происхождение упомянутого типа топоров связывается со скандинавами, они были распространены в районе влияния их культуры. В то же время надо отметить, что именно в землях куршей секиры продолжили своё развитие и получили широкое распространение.

Имеющийся в нашем расположении материал позволяет уточнить представление о том, что копье на территории, населённой латгалами, исчезает как предмет мужского захоронения (LA, 1974, p. 243). Если в предыдущем периоде оно было в каждом захоронении, то во второй половине позднего железного века положение меняется. Например, в могильнике Пилдас Нукшас в рассматриваемый период копье констатировано только в нескольких случаях (Шноре, 1957, с. 30). Если учесть в этом памятнике все случаи с копьями или топорами, или обоими вместе, то в 97% захоронений зафиксирован только топор, в то время как топор и копье констатированы только в 3% захоронений. Но материал могильника Кокнесе сильно отличается. Здесь в мужских захоронениях с упомянутыми предметами только топор получен примерно в 14%, только копье – в неполных 10%, топор и копье – примерно в 76%. Интересно, что также в могильнике Плявиню Радзес последний показатель равняется примерно 67%. Как

видно, памятники могут значительно отличаться друг от друга и в некоторых из них копье по-прежнему является важной и значительной частью могильного инвентаря.

Ясно, что решение проблемы находится не только в каких-то локальных особенностях, но и в общественных структурах.

В 10 веке всё ещё встречаются популярные с 8 века черешковые наконечники копий с листовидным пером. Если вначале их клали в могилу по два, то начиная с 9 века эта традиция начинает исчезать (Šnoge, 1987, p. 27), и, как уже было отмечено, позже встречается редко. Упомянутые наконечники копий в 10–11 веках изменяются (рис. 20 : 5–7). Их перо приближается к форме ромба, а черешок укорачивается. Более продолжительное использование наконечников копий с черешком является особенностью мужского вооружения именно на территории, населённой латгалами (LA, 1974, p. 243).

Копье главным образом было оружием ближнего боя и использовалось для нанесения колющих ударов. Без сомнения, его использовали также для дальнего боя. Для наконечников копий с черешком, которые использовались как метательное оружие, характерно перо меньших размеров (рис. 20 : 1, 2). Оно имеет форму листа, или же острые углы в нижней части. Использовались гарпунообразные наконечники копий с тордированием на шейке (рис. 20 : 4). Как локальное отличие могильников можно отметить, что в курганном могильнике Каунатас Рикополе больше всего найдено именно таких копий.

В 10–13 веках господствующими были втульчатые наконечники копий (рис. 21 : 1–10). Среди них выделяется несколько типов – наконечники копий со стройным и ромбовидным в сечении пером, наконечники копий с ромбовидным в нижней части и вытянутым к острию пером, наконечники копий с листовидным пером (LA, 1974, p. 243). Как метательное оружие могли быть использованы втульчатые копья меньших размеров. В 13 веке в связи с широким введением защитных доспехов, главными становятся массивные, короткие или средних размеров наконечники копий с ромбовидным в сечении пером и гранёной втулкой.

В большинстве своём наконечники копий были изготовлены на месте. Можно отметить только несколько экземпляров, происхождение которых имеет значение для изучения связей. В могильнике Лудзас Одукалнс был найден наконечник копья с вытянутым и ромбовидным в сечении пером, втулку которого украшает орнамент из расположенных под острым углом параллельных линий. Таковые считаются импортом из Рейнских оружейных мастерских (LA, 1974, p. 243). В погребении №11 могильника Драбешу Лиепиняс полу-

чен наконечник копья с вытянутым и ромбовидным в сечении пером, втулка которого украшена орнаментированной серебряной плакировкой, а шейка – рельефной орнаментированной бронзовой оковкой (Apals, 1972, p. 37). В погребении №155 могильника Приекулю Гюгери найден наконечник копья с длинным и широким ромбовидным пером, втулку которого украшает орнаментированная серебряная плакировка (Apala, 1992, p. 12, 13). В Латвии они получены главным образом на территории Гауйских ливов. Эти наконечники копий так же встречаются в Эстонии и Скандинавии (Mäge-Lõugas, 1993, p. 212–221).

В отличие от мест жительства в интересующих нас могильниках наконечники стрел получены очень редко. Как один из таких случаев можно упомянуть погребение №158 могильника Драбешу Лиепиняс. Здесь констатировано три ланцетовидных наконечника стрел (Apals, Apala, 1973, p. 7).

В течение 13 века оружие исчезает только в тех памятниках западной части населённой латгалами территории, которые находятся вблизи важных центров крестоносцев. В могильниках восточной части они встречаются ещё в 14 веке и даже позже.

Расположение могильного инвентаря детских захоронений не отличается от известного во взрослых. Но в его составе надо отметить некоторые особенности. Прежде всего предметы, положенные в могилы совсем маленьких детей, одинаковы, независимо от пола. Чаще всего встречаются нашейные украшения – бусы, бубенчики, подвески – язычки. Только иногда вместе с ними зафиксированы фибулы, браслеты, перстни. И это понятно, ведь использование некоторых украшений или других предметов, встречающихся в захоронениях взрослых, в таком возрасте невозможно или затруднительно. Кажется, что дальнейшее развитие состава инвентаря связано со многими переходными периодами в становлении ребёнка взрослым. Достигнув определённого возраста, данные в могилу предметы становятся разнообразнее. В захоронении девочек получают все те же самые украшения, которые фиксируются в женских могилах. Так, например, часто встречаются шейные гривны. Но внимание привлекает тот факт, что в могилах девочек редко находят венки. Нет ли какого-то рубежа для права ношения этого головного убора? В захоронениях мальчиков получены специфические мужские браслеты, даже оружие. Всё же отдельные могильники отличаются друг от друга. Это определяется как хронологией памятника, так и значением того центра, жители которого захоронены в конкретном памятнике. В могильнике Звиргденес Кивити, где большинство могил относится к 8–10 векам, почти в каждом захоронении мальчика был топор, но

не было копий (Šnore, 1987, p. 27). В свою очередь в могильнике Пилдас Нукшас обычно не было ни того, ни другого в интересующих нас захоронениях 10–11 века (Шноре, 1957, с. 67–94). Соответственно в захоронениях мальчиков 11–12 веков могильника в Кокнесе зафиксированы как топоры, так и копья. Надо отметить, что нож встречается во всех упомянутых памятниках.

В рассматриваемых памятниках как в заполнении ям, так и вместе с соответствующим погребальным инвентарём, данным умершему, находят предметы, которые объясняются жертвованием. Так, в могильнике Эрглю Яунакени во многих могилах были найдены бронзовые перстни, железные топоры и наконечники копий (Graudonis, 1973, p. 38). Упомянутые предметы констатированы в ногах могилы на 0,15–0,20 м выше инвентаря соответствующего захоронения. Очевидно, они были размещены на крышке гроба. Упомянутые предметы можно рассматривать как дар родственникам, близких, участников похорон ушедшему. Кажется, отражение этой традиции можно видеть в более поздних описаниях похоронной церемонии: „После первого отпевания или молитвы гости похорон шли к усопшему прощаться, тогда закрывали гроб и всем надо было жертвовать. Так клали на крышку гроба деньги, варежки, носки, тесёмки и разную одежду. Кто не жертвовал, на того „находило“, т. е. прилип какой-нибудь тяжелолечимый недуг. Эти деньги обычно получал хозяин за поминки, а вещи раздавали вырвавшим могилу и другим похороненным“ (Pmils, 1932, p. 775).

Среди жертвований, которые констатированы вместе с инвентарём умершего, можно выделить как отдельные предметы, так и группы предметов, в составе которых – женские украшения. Определить первые не так просто, так как предметы по разным причинам могут быть смещены и не находятся на своём месте. Всё же наличие жертвований отдельных предметов несомненно. У мужчины, похороненного в погребении №53 могильника Пилдас Нукшас, кроме браслета воина на левой руке, ещё констатирован второй такой же, положенный рядом с первым. Он признан жертвованием друга или боевого товарища умершему (Шноре, 1957, с. 39). Также известны находки погребального инвентаря, который нехарактерен для соответствующего пола. Уже была упомянута находка кольчуги в женском захоронении могильника Оглениеки. В свою очередь, у мужчины погребения №44 могильника Кокнесе на голени левой ноги был найден спиральный браслет и второй такой же на ступне той же ноги (Žeiege, 1986). Кажется, во всех этих случаях также применительно традиционное объяснение – дары родственникам, близких и участников похорон.

В археологической литературе мало внимания уделяется находкам с „жертвованием“ комплекса женских украшений. Объясняются только находки этого вида в мужских захоронениях. Автору известны 11 захоронений из 7 памятников с „жертвованием“ комплекса женских украшений. В могильнике Лудзас Одукалнс (Спицын, 1893, с. 21, 24) – в погребении №III 28 (мужчина, труположение – у бёдер с правой стороны расположен жгутовый венки, более конкретно не описанная шейная гривна, бронзовая шейная гривна со сплюснутыми концами) и в погребении №III 84 (мужчина, труположение – у ног констатирована бронзовая шейная гривна со сплюснутыми концами, бронзовый браслет воина, более конкретно не описанный бронзовый браслет, фибулы и др. фрагменты; древности сломаны, расплавились), в могильнике Марциенас Олини (Urtāns, 1951) – погребение №3 (мужчина, труположение – у правой ноги расположено 2 бронзовых спиральных браслета, бронзовый перстень с волотами, раковины каури, 2 пряслица из розового шифера), в могильнике Каугуру Бейтес (Cīmermane, 1963, p. 5) – погребение №2 (мужчина, труположение – у бёдер положенное в кошелёк или завернутое в шерстяную ткань ожерелье из стеклянных бус и бронзовых бубенчиков, бронзовый перстень с пластинчатой средней частью и спиральный перстень, возможно, что к группе предметов ещё принадлежит костяной гребешок) и погребение №3 (женщина, труположение – у правой ноги расположены завернутые в шерстяную ткань шейная гривна с четырёхугольными концами, ожерелье из стеклянных бус и бронзовых бубенчиков, железные ножницы и шило), в могильнике Драбешу Лиепиняс (Apals, 1986, p. 83) – погребение №6 (женщина, труположение – под головой в лубяном лукошке с берестяным дном были размещены 3 шейные гривны с петлевидными концами, сквозь которые продет бронзовый жгутовый венки с косой, бронзовая подковообразная фибула с подвёрнутыми концами, лукошко было накрыто вилайне), погребение №65 (мужчина, труположение – у ног расположены бронзовая шейная гривна с петлеобразными концами, 2 бронзовых лентовидных браслета) и погребение №163 (женщина, труположение – под спиной похороненной в лукошке размещены бронзовый жгутовый венки, 6 бронзовых шейных гривен с петлевидными концами, бронзовая подковообразная фибула с подвёрнутыми концами и спиральное кольцо), в могильнике Эрглю Яунакени (Graudonis, 1973a, p. 38) – погребение №42 (мужчина, труположение – у правого колена в лукошке из бересты положен бронзовый жгутовый венки с косой, бронзовое спиральное украшение, ожерелье из раковин каури, бронзовая посоховидная булава-

ка, 3 бронзовых шейных гривны с петлевидными концами, бронзовая шейная гривна со сплюснутыми концами, язычками и бубенчиками, 2 бронзовых спиральных браслета, 7 бронзовых спиральных перстней, 2 бронзовых перстня с волотами, вилайне с 3 заколотыми в неё бронзовыми подковообразными фибулами, одна из которых имеет концы в виде маковки, 2 с отвёрнутыми концами), в могильнике Приекулю Гюгери (Radiņš, 1996, p. 99) – 22 захоронение (мужчина, труположение – в районе груди с левой стороны расположены замотанные в ткань (вилайне?) бронзовые жгутовый и ленточный венки, бронзовые шейные гривны с седловидным и крюковидным концами, бронзовая подковообразная фибула с подвёрнутыми концами и спиральный перстень, раковины каури, возможно, что к группе предметов также принадлежит пряслице из розового шифера), в могильнике Варакляну Цакули (Radiņš, 1984, p. 79) – захоронение кургана №7 (женщина, труположение – у правой ноги расположены завернутые в украшенную бронзовыми спиральками ткань вилайне бронзовая шейная гривна с четырёхугольными концами, бронзовая шейная гривна со сплюснутыми концами и язычками, 2 бронзовых браслета с концами в виде головы зверя, 2 бронзовых полых браслета, бронзовый перстень с пластинчатой средней частью, ожерелье из раковин каури, стеклянных бус и бронзовых бубенчиков, бронзовые спиральки от венка).

Возможно, что ещё одна интересующая нас находка получена в могильнике Айзкальне. Здесь в ногах мужского труположения погребения №1 констатирована компактная группа предметов, состоящая из орнаментированной вилайне, бронзового ленточного и жгутового венка, 3 бронзовых подковообразных фибул с отогнутыми концами, 2 бронзовых спиральных браслетов, железного шила с костяной рукояткой. К сожалению, имеющаяся информация недостаточна, чтобы достоверно отвергнуть высказанную интерпретацию – двойное захоронение (Šnore, 1940). Ещё надо упомянуть погребение №28 могильника Айзрауклес Леясжагари. У похороненной здесь женщины (у которой не было черепа, в то время как остальные кости скелета сохранились хорошо) с левого бока в лукошке из бересты были констатированы шейная гривна со сплюснутыми концами и язычками, 2 шейные гривны с петлевидными концами, часть ожерелья из стеклянных и янтарных бус (Urtāns, 1973, p. 70). Очевидно, украшения нельзя было расположить в обычном месте, и поэтому для их размещения использовали лукошко.

Упомянутые захоронения свидетельствуют, что находки групп предметов этого вида встречаются на всей территории, населённой латгалами. Они известны как по грунтовым, так и по курганным могильникам. Сре-

ди захоронений с „пожертвованиями“ комплексов женских украшений 6 мужских и 4 женских труположения и 1 мужское трупосожжение. Большинство из них (10) из грунтовых могильников, что, очевидно, является результатом более широкого изучения памятников этого вида. Хронологически рассматриваемые захоронения относятся к 11–13 векам. „Пожертвования“ комплексов женских украшений того времени в Латвии известны также на населённой селами территории. Они констатированы в могильнике Селпилс Леясдопелес (LA, 1974, p. 239; Šņoge, 1997, p. 70, 72) – захоронение №1 кургана №5 (мужчина, труположение – у ног расположены бронзовая шейная гривна с седло-видным и крюкообразным концами, 2 бронзовых спиральных браслета, 2 бронзовых браслета с концами в виде головы зверя, бронзовая фибула с отогнутыми концами) и в захоронении №7 кургана №3 (мужчина, труположение – у ног в лукошко из бересты вложены бронзовый браслет с концами в виде головы зверя, 2 бронзовых перстня).

Рассматривая расположение интересующей нас группы видно, что они встречаются у ног как в мужских (4), так и в женских (2) захоронениях, чаще всего с правой стороны. В мужских захоронениях они также констатированы у бёдер (2), на груди (1). В женских захоронениях „пожертвования“ ещё обнаружены под головой (1), под спиной (1). Предметы были завернуты в ткань, положены в лукошко, кошелек. В мужских захоронениях каждый из этих способов констатирован в одном случае, а в женских захоронениях таких случаев соответственно – два, два и ноль.

Сравнивая между собой состав комплексов „пожертвований“ женских украшений (из мужских и женских захоронений) надо отметить, что эти предметы в своей основе одинаковы. Единственно – у первых нет орудий труда, которые в свою очередь известны по вторым. Правда, в мужских захоронениях были найдены пряслица из розового шифера, но меньшие по размерам экземпляры использовались в ожерельях. Венки в женских захоронениях составляли 10,7% из всех предметов интересующей группы, а в мужских захоронениях – 8,3%, шейные гривны соответственно 42,9% и 25%, ожерелья из раковин каури, бус и бубенчиков – 7,1% и 8,3%, фибулы – 7,1% и 10,4%, перстни – 7,1% и 27%. Эти числа могут означать, что „пожертвования“ в захоронениях как одного, так и другого пола имеют один источник комплектации.

Каково происхождение „пожертвований“ комплексов женских украшений? Находки такого рода в женских захоронениях не объяснены, в то время как в мужских захоронениях их принято рассматривать как дар жены или какой-то близкой умершему (LA, 1974, p. 229;

Graudonis, 1973, p. 38). Также и в женских захоронениях не исключены подобные мотивы: дочь – матери, мать – дочери и т. д. Возможно и другое объяснение – упомянутые предметы – собственность умершей, которые по какой-то причине (например, очень большое число предметов – праздничные украшения, будничные украшения) таким образом даны в загробный мир. Косвенно об этом свидетельствует то обстоятельство, что среди украшений „пожертвования“ женщине, похороненной в захоронении №3 могильника Каугуру Бейтес, констатированы орудия труда, которые всегда считаются собственностью умершей. Также для мужских захоронений можно найти подобные мотивы. Так у мужчины, похороненного во захоронении №2 могильника Каугуру Бейтес интересующие нас предметы находились в кошельке у пояса. Интересно, что гребни не являются редкостью в мужских захоронениях и их чаще всего находят в районе пояса.

Как уже было сказано, в трёх случаях описанные предметы были расположены в лукошке. Оно, несомненно, было широко распространённой ёмкостью, в том числе для хранения украшений. Как девушки и женщины получали свои украшения? В народной песне об этом говорится: Лебедь свои белые перья /В озере мыл; /Боярин своих красивых дочерей /В серебро заковал. (LTD, 1929, p. 460, Nr. 2412), Покупай жених чего надо, /Мне брошек не надо: /У меня самой матери брошь, /Матери подвески-талеры. (LTD, 1929, p. 463, Nr. 2440), Веночек, мой веночек, /Больше злата, чем серебра: /Его мне пять зятев купило, /Его девять молодцев. (LTD, 1929, p. 455, Nr. 2351), Я не буду больше братец /По твоей грязи ходить; /Пусть невеста твоя ходит /Которой серебро ты покупал. (LTD, 1929, p. 366, Nr. 1837), Помолвилась – размолвилась /С женихом неуклюжим; /Сломала, тогда отдала, /Подаренное колечко. (LTD, 1929, p. 470, Nr. 3900), Папы, папина я дочка /Больше папина, чем мамочки: /Больше папы серебра, /Не маминых вилайне. (LTD, 1929, p. 464, Nr. 2453).

Таким образом, здесь появляются отец, мать, брат, жених или муж, жених или муж сестры. Украшения изготавливаются или же покупаются, а также наследуются. Вышеупомянутое может свидетельствовать о том, что при благоприятных обстоятельствах этих украшений могло накопиться довольно много. Также надо отметить ещё одно возможное объяснение „пожертвований“ комплексов женских украшений – переданное наследство, неподаренный подарок, что было сделано во время похорон. Интересно, что лукошко в народных песнях упоминается в связи с приданым: По речке приплыло /Новое лубяное лукошко. /Дай бог мне

этой осенью /Плетельщика лукошек. (LTD, 1929, p. 371, Nr. 1886)

Имеющийся в нашем распоряжении материал свидетельствует, что однозначное толкование как мужских, так и женских захоронений с „пожертвованием“ комплекса женских украшений – невозможно. Если в первом случае их можно (хотя не исключены и другие мотивы) связать с жертвованиями, то во втором эти находки вероятнее всего надо рассматривать как данную таким образом в загробную жизнь собственность умершей. Украшения были важной частью женского имущества (Švābe, 1921, p. 79, 80).

Список источников и литературы

- АН, 1936. Atskaņu hronika. Rīga.
- Apala Z., 1987. Drabešu Uplantu kapsēta. In: *Arheoloģija un etnogrāfija*. XV. Rīga, p. 94–109.
- Apala Z., 1990. Ģūgeru kapulauka pētniecība. In: *ZSM 1988. un 1989. gada*. Rīga, p. 20–24.
- Apala Z., 1992. Ģūgeru arheoloģiskā kompleksa izpēte. In: *ZSM 1990. un 1991. gada*. Rīga, p. 8–15.
- Apala Z., Zariņa A., 1991. Dižciltīga latgāļa apbedījums Ģūgeru kapulaukā. In: *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls*. Nr. 1. Rīga, p. 11–29.
- Apals J., 1971. Pārskats par 1971. gada izrakumiem Liepiņu kapulaukā. LVMA. VI 1 : 250
- Apals J., 1972. 1971. gada izrakumi Drabešu Liepiņās. In: *ZSM 1971. gada*. Rīga, p. 34–39.
- Apals J., 1972/1973. Pārskats par 1972/73. gada izrakumiem Liepiņu kapulaukā. LVMA. VI 1 : 272.
- Apals J., 1986. Arheoloģiskie pieminekļi Gaujas nacionālajā parkā. Rīga.
- Apals J., Apala Z., 1973. Āraišu arheoloģiskās ekspedīcijas izrakumi 1972. gadā. In: *ZSM 1972. gada*. Rīga, p. 7–10.
- Atgāzis M., 1964. Latgāļu 9. - 12. gs. cirvji. In: *Arheoloģija un etnogrāfija*. VI. Rīga, p. 105–125.
- Atgāzis M., 1994. Dreņģeru-Čunkānu 241. kaps un šķēpu līdzdošanas tradīcijas 8. - 9. gs. zemgaļu apbedījums. In: *Arheoloģija un etnogrāfija*. XVII. Rīga, p. 29–40.
- Atgāzis M., 1997. Āvas cirvji Latvijā. In: *Arheoloģija un etnogrāfija*. XIX. Rīga, p. 53–63.
- Balodis F., 1925a. Ludzas-Rāznas senvietas. In: *Izglītības Ministrijas Mēnešraksts*. Nr. 11. Rīga, p. 479–480.
- Balodis F., 1925b. Latviešu kultūras ziedu laiks Latgalē. In: *Latvijas Saule*. Nr. 34. Rīga, p. 355–364.
- Berga T., 1986. Augustinišķu kapsēta. In: *ZSM 1984. un 1985. gada*. Rīga, p. 34–39.
- Briede I., 1978. Jauni pētījumi Kristapiņu kapulaukā 1977. gadā. In: *ZSM 1977. gada*. Rīga, p. 20–22.
- Briede I., 1979. Kristapiņu kapulauks. In: *ZSM 1978. gada*. Rīga, p. 17–19.
- Briede I., 1980. Kristapiņu kapulauks un apmetne. In: *ZSM 1979. gada*. Rīga, p. 29–31.
- Briede I., 1982. Izakumi Kristapiņu kapulaukā 1980. gadā. In: *ZSM 1980./81. gada*. Rīga, p. 52–54.
- Briede I., 1984. 11. gadsimta apkalta ādas josta. In: *Muzeji un kultūras pieminekļi*. Rīga, p. 19.
- Carlsson A., 1988. Vikingatida ringspānnen från Gotland. In: *Stockholm Studies Archaeology*. 8. Stockholm.
- Cimermane I., 1962. Pārskats par 1962. gada izrakumiem Beitu senkapos. LVMA. AA 333.
- Cimermane I., 1963. 1963. gada izrakumi Valmieras raj. Beitu kapulaukā. In: *ZSM 1962. gada*. Rīga, p. 4–5.
- Cimermane I., 1971. Pārskats par 1971. gada izrakumiem Jaunbemberu senkapos. LVMA. AA 337.
- Cimermane I., 1972. Izrakumi Jaunbemberu kapulaukā. In: *ZSM 1971. gada*. Rīga, p. 58–60.
- Daiga J., 1974. Karavīra aprobe. In: *Arheoloģija un etnogrāfija*. XI. Rīga, p. 174–197.
- Elksnīte E., 1930. Gredzens. In: *Latvju tautas dainas*. 6. sēj. Rīga, p. 263–300.
- Elksnīte E., 1935. Jaunpiebalgas uzkalniņu kapi. In: *Filologu biedrības raksti*. 15. laid., p. 3–24.
- Graudonis J., 1971. Pārskats par 1971. gada izrakumiem Jaunākēnu kapulaukā. LVMA. AA 456.
- Graudonis J., 1972a. Izrakumi Ērgļu Jaunākēnu kapulaukā 1971. gadā. In: *ZSM 1971. gada*. Rīga, p. 72–76.
- Graudonis J., 1972b. Pārskats par 1972. gada izrakumiem Jaunākēnu. LVMA. AA 457.
- Graudonis J., 1973. Ērgļu Jaunākēnu kapulauks. In: *ZSM 1972. gada*. Rīga, p. 34–39.
- Jansson I., 1995. Dress pins of East Baltic type made on Gotland. In: *Archaeology East and West of the Baltic*. Papers from the Second Estonian - Swedish Archaeological Symposium. Sigtuna. May 1991: Theses and papers in Archaeology N. S. A 7. Stockholm, p. 83–90.
- Kazakevičius V., 1996. IX - XIII a. baltų kalavijai. Vilnius.
- Kuniga I., 1986. Kristapiņu kapulauks. In: *ZSM 1984 un 1985. gada*. Rīga, p. 80–83.
- Kuniga I., 1988. Kristapiņu kapulauks. In: *ZSM 1986. un 1987. gada*. Rīga, p. 89–92.

- LA, 1974. Latvijas PSR arheoloģija. Rīga.
 LTD, 1929. Latvju tautas dainas. 3. sēj. Rīga.
 LTD, 1930. Latvju tautas dainas. 6. sēj. Rīga.
 LAA, 1978. Lietuvos TSR archeoloģijas atlasas. Vilnius, t. IV.
 Lietgalietis, 1928. Arheoloģiskie izrakumi Kampu senajās kapenēs pie Cēsīm. In: *Latvijas Saule*. Mākslas un senatnes mēnešraksts, Nr. 62/64. Rīga, p. 696–699.
 Māgi-Lōugas M., 1993. On the Relations between the Countries around the Baltic as Indicated by the Background of Viking Age Spearhead Ornament. In: *Fornvännen*. P. 212–221.
 Mugurēvičs Ē., 1977. Oliņkalna un Lokstenes pilsnovadi: 3. - 5. gs. arheoloģiskie pieminekļi. Rīga
 Nore A., 1921. Pārskats par 1921. gada izrakumiem Kalnapaukšu kapulaukā. LVMA. AA 97.
 Ošs K., 1939. Pārskats par 1939. gada izrakumiem Radžu kapulaukā. LVMA. AA 156.
 Radiņš A., 1980. Arheoloģiskie izrakumi Gūtiņu pilskanā un Salnaskroga kapulaukā. In: *ZSM 1979. gada*. Rīga, p. 84–86.
 Radiņš A., 1984. IZRakumi Kuciņu un Cakulu senkapos. In: *ZSM 1982. un 1983. gada*. Rīga, p. 76–79.
 Radiņš A., 1993. 10. - 13. gadsimta kapulauki latgaļu apdzīvotajā teritorijā un daži Austrumlatvijas etniskās vēstures jautājumi. In: *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls*. Nr. 4. Rīga, p. 13–41.
 Radiņš A., 1996. Apbedījumi ar sievietes rotu kompleksa „ziedoņiem“ latgaļu apdzīvotajā teritorijā 11. - 13. gs. In: *Arheoloģija un etnogrāfija*. XVIII. Rīga, p. 98–103.
 Riekstiņš H., 1935. Latviešu cilšu kapu tipi un apbedīšanas parašas dzelzs laikmetā. Rīga.
 Riekstiņš H., 1939. IZRakumi Liepkalnes pagasta „Kšteros“. In: *Senatne un Māksla*. Nr. 2. Rīga, p. 65–75.
 Stepiņš P., 1937. Pārskats par 1937. gada izrakumiem Lejasruņģu kapulaukā. LVMA. AA 242.
 Šmits P., 1932. Miršana un bēres. In: *Latvju tautas dainas*. 10. sēj. Rīga, p. 769–788.
 Šnore E., 1940. Pārskats par 1940. gada izrakumiem Aizkalnes kapulaukā. LVMA. AA 648.
 Šnore E., 1987. Kivtu kapulauks. Rīga.
 Šnore E., 1994. Kaklariņķi ar noplacinātiem galiem Latvijā. In: *Arheoloģija un etnogrāfija*. XVII. Rīga, p. 105–107.
 Šnore E., 1997. Lejasdopeļu kapulauks senajā Sēlijā. In: *Arheoloģija un etnogrāfija*. XIX. Rīga, p. 64–81.
 Šnore E., Berga T., 1992. Viesienas Mežāru kapulauks un tajā atrastie atsvariņi. In: *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls*. Nr. 4. Rīga, p. 9–15.
 Šnore R., 1933. Pārskats par 1933. gada izrakumiem Vēverāju kapulaukā. LVMA. AA 231.
 Šturms E., 1927. Pārskats par 1927. gada izrakumiem Līčagala kapulaukā. LVMA. AA 102.
 Šturms E., 1930. Pārskats par 1930 gada izrakumiem Strūgukalna senkapos. LVMA. AA 11/
 Švābe A., 1921. Latvijas kultūras vēsture: 1. sēj. Sabiedriskā kultūra. 1. daļa. Dzimts satversme. Rīga.
 Urtāns J., 1990. Pētījumi Sāvienas Jokstu senkapos. In: *ZSM 1988. un 1989. gada*. Rīga, p. 162–166.
 Urtāns V., 1951. Pārskats par 1951. gada izrakumiem Oliņu kapulaukā. LVMA. AA 321.

- Urtāns V., 1953. Pārskats par 1953. gada izrakumiem Madonas kapulaukā. LVMA. AA 325.
 Urtāns V., 1961a. Pārskats par 1961. gada izrakumiem Lejasbitēnu kapulaukā. LVMA. AA 419.
 Urtāns V., 1961b. Pūces sakta. In: *Arheoloģija un etnogrāfija*. III. Rīga, p. 29–59.
 Urtāns V., 1962. Pārskats par 1962. gada izrakumiem Lejasbitēnu kapulaukā. LVMA. AA 420.
 Urtāns V., 1963. Pārskats par 1963. gada izrakumiem Lejasbitēnu kapulaukā. LVMA. AA 421.
 Urtāns V., 1964. Pārskats par 1964. gada izrakumiem Lejasbitēnu kapulaukā. LVMA. AA 422.
 Urtāns V., 1970. Etniskās atšķirības apbedīšanas tradīcijās un kapu inventārā Latvijā 5. - 9. gs. In: *Arheoloģija un etnogrāfija*. IX. Rīga, p. 61–85.
 Urtāns V., 1973. Aizkraukles arheoloģiskās ekspedīcijas 1972. gada darba rezultāti. In: *ZSM 1973. gada*. Rīga, p. 66–71.
 Urtāns V., 1977a. Pārskats par 1977. gada izrakumiem Madalānu II senkapos. LVMA. AA 479.
 Urtāns V., 1977b. Senākie depoziīti Latvijā (līdz 1200.g.). Rīga.
 Urtāns V., 1977c. Pirms 1000 gadiem. In: *Muzeji un kultūras pieminekļi*. Rīga, p. 18–21.
 Vaska B., 1992. 13. - 14. gs. vairogaprocū ornamenti. In: *ZSM 1990. un 1991. gada*. Rīga, p. 102–105.
 Vaska B., 1996. Latgaļu 8. - 9. gs. manšetaprocū ornamenti. In: *Arheoloģija un etnogrāfija*. XVIII. Rīga, p. 137–146.
 Vilcāne A., 1983. Zvaigžņveida saktu tipi un to izplatība Latvijas PSR teritorijā 10. - 13. gs. In: *Latvijas PSR Vēstures problēmas*. Rīga, p. 63–65.
 Vilka A., 1992. IZRakumi Rūsīšu - Debešu senkapos un Drustos. In: *ZSM 1990. un 1991. gada*. Rīga, p. 110–113.
 Zariņa A., 1960. Latgaļu vainagi laikā no 6. - 13. gs. In: *Arheoloģija un etnogrāfija*. II. Rīga, p. 79–95.
 Zariņa A., 1970. Seno latgaļu apģērbs 7. - 13. gs. Rīga.
 Zariņa A., 1988. Lībiešu apģērbs 10. - 13. gs. Rīga.
 Žeiere I., 1986. Pārskats par 1986. gada izrakumiem Kokneses senkapos. LVMA. AA 580.
 Žeiere I., 1987. Pārskats par 1987. gada izrakumiem Kokneses senkapos. LVMA. AA 572.
 Žeiere I., 1988a. IZRakumi Kokneses senkapos. In: *ZSM 1986. un 1987. gada*. Rīga, p. 167–170.
 Žeiere I., 1988b. Pārskats par 1988. gada izrakumiem Kokneses senkapos. LVMA. AA 581.
 Žeiere I., 1989. Pārskats par 1989. gada izrakumiem Kokneses senkapos. LVMA. AA 582.
 Žeiere I., 1990. IZRakumi Kokneses senkapos. In: *ZSM 1988. un 1989. gada*. Rīga, p. 188–191.
 Берга Т. М., 1988. Монеты в археологических памятниках Латвии IX - XII вв. Рига.
 Волкайте-Куликаускиене Р. К., 1986. Одежда литовцев с древнейших времен до XVII в. In: *Древняя одежда народов Восточной Европы*. Материалы к историко-этнографическому атласу. Москва, с. 146–171.
 Ершова Т. Е., 1991. Древности латгалов в Псковской земле XI - XII вв. In: *Археологи рассказывают о Древнем Пскове*. Псков, с. 124–133.

- Зариня А. Э., 1986. Одежда жителей Латвии VII - XVII вв. In: *Древняя одежда народов Восточной Европы*. Москва, с. 172–189.
 Куликаускиене Р. К., 1952. Погребальные памятники Литвы конца I - начала II тысячелетия нашей эры. In: *Краткие сообщения Института археологии*. XLII. Москва, с. 108–122.
 Казакавичюс В., 1988. Оружие балтских племен II - VIII веков на территории Литвы. Вильнюс.
 Лухтосало-Хиландер П. Л., 1979. Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов. In: *Финно-угры и славяне*. Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 15–17 ноября 1976 г. Ленинград, с. 81–92.

Сокращения

LVMA - Latvijas Vēstures muzeja Arheoloģijas nodaļas Archivs

ZSM - Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu, antropologu un etnogrāfu ... gada pētījumu rezultātiem

A, CVVM, RDM - Шифры коллекций Музея истории Латвии

X–XIII AMŽIŅŪ LATGALIŅŪ KAPŪ LAIDOSENA IR ĪKAPĒS

Arnīs Radiņš

Santrauka

Rašytiniuose šaltiniuose latgalių vardas „летьгола“ pirmą kartą paminėtas XI ir XII amžių riboje Senosios Rusijos kronikoje „Повесть временных лет“, kurios pagrindą sudarė „Pradinis metraštis“ ir kiti ankstyvesni šaltiniai. Kronikoje ir dokumentuose, XIII a. sudarytuose dabartinėje Latvijos teritorijoje, jie vadinami „Lethigali“, „Letti“, „Letten“. Galimas daiktas, kad šie etnonimai nebuvo vartojami ta pačia prasme, bet atspindi kokius nors sudėtingus etninius procesus.

X–XIII amžiais latgalių gyvenamoje teritorijoje aptinkami plokštiniai kapinynai ir pilkapynai. Žinoma per 200 kapinynų, iš kurių 80 tyrinėta, atidengta apie 2000 kapų. Vakaruose šie kapinynai siekia Aizkrauklę, Cesį, šiaurėje – Trikatą, Aluksnę, rytuose – Zilupę, pietinę ribą žymi Dauguvos upė.

Atskiri paminklai užima gana didelę teritoriją, ir dažnai kapinyne yra keli šimtai kapų. Pasitaiko trys kapų tipai: griautiniai, degintiniai ir simboliniai kapai. Vyrauja nedegintų mi-

Mugurевич Э. С., 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X - XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига.

Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XII вв. Москва.
 Сергеева М. З., 1985. Балтские находки в курганах Западной Руси. In: *Проблемы этногенеза и этнической истории балтов*. Вильнюс, с. 123–131.

Спицин А. А., 1893. Люцинский могильник. Материалы по археологии России. Древности Северо-Западного края. т. I, вып. 2. Санкт-Петербург.

Шноре Э. Д., 1957. Нукшинский могильник. Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР. Рига. Т. 1.

rusiųjų palaidojimai, kurių skaičius viršija 90 proc. visų atidengtų kapų. Mirusieji laidoti keturkampėse, rečiau ovaliose duobėse. Vyrai ir moterys laidoti priešingomis pasaulio šalių atžvilgiu kryptimis: vyrai laidoti galva į rytus, moterys – į vakarus.

Degintiniai kapai kapinyuose retai viršija 10 proc. visų ištirtų kapų skaičiaus. Daugiau kaip 40 proc. sudegintų mirusiųjų laidoti duobėse, kurių forma, dydis bei kryptis nesisiria nuo griautinių kapų duobių.

Atskirti simbolinius kapus, t. y. kapus, kur duobėje įkapēs iždēstytos įprastine griautiniam kapams tvarka, tačiau nėra mirusiojo kaulų, yra sunku, kadangi dėl įvairių aplinkybių mirusiojo griaučiai gali būti sunykę. Vis dėlto visais žinomais atvejais buvo aptiktos vyrų kapams būdingos įkapēs ir pastebēta vyrų kapams būdinga kryptis.

Žinoma daugiau kaip 50 latgališkų pilkapynų, kuriuose yra per 4000 sampilų. Tyrinėta 15 pilkapynų, ištirta daugiau

nei 200 pilkapių. Pilkapynai vakaruose siekia Liepkalne, Jaunpiebalga, šiaurėje Plani vietovę, Augulienes ežerą, Balvus, rytuose – Zilupe, pietuose Dagda, Graverius. Dauguma pilkapių yra latgalių gyventos teritorijos rytuose. Sampilų skaičius viename pilkapyne įvairus – nuo kelių dešimčių iki kelių šimtų.

Pilkapyno teritorijoje sampilai paprastai yra labai arti vienas kito. Pilkapių sampilai yra apskriti ar šiek tiek ovalūs. Sampilų skersmuo – 5–7 m, aukštis – 0,3–0,8 m. Tik kai kurie sampilai yra daugiau kaip 10 m skersmens ir daugiau kaip 1 m aukščio. Sampilai supilti iš smėlio, neturi kokių nors konstrukcijų iš akmenų.

Pilkapiuose paprastai aptinkamas vienas, retais atvejais du kapai po sampilu iškastose iki 0,2–1 m gylio duobėse. Šios duobės savo dydžiu, forma, sandara nesiskiria nuo laidojimo duobių plokštiniuose kapinyuose. Panašūs ir kapai, mirusiųjų laidojimo kryptis. Taigi vienintelis pilkapių ir plokštinių kapinynų skirtumas yra tik sampilas visų palaidojimų ir veiksmų, susiję su sampilo supylimu.

Aptariamų latgališkų paminklų pradžią galima nukelti į X a. pabaigą. Galimas daiktas, kad atsirandant šiems paminklams tam tikrą vaidmenį suvaidino rytiniai baltai, tie, kurie spaudžiami rytinių slavų pasislinko į vakarus. Vienodomis materialinės ir dvasinės kultūros sąlygomis yra gana realus pilkapių ir plokštinių kapinynų susijungimas – supanašėjimas. Tačiau šiame procese galėjo būti ir kai kurių papildomų motyvų. Reikia pažymėti, kad IX a. susiformavo prekybinių

kelių Rytų Europos upėmis sistema, kuri sujungė Baltijos jūrą su Kaspijos ir Juodąja jūra. Prekybos keliais naudojosi kariai-prekybininkai, kurie savo mirusiuosius laidojo pilkapiuose. Pradiniu etapu tarp karių-pirklių vyravo skandinavai. Viena kelio „iš variagų į graikus“ atšakų ėjo Velikaja upe, kurios krantuose buvo vienas iš svarbiausių prekybos centrų – Pskovas. Netoli šio miesto žinoma keletas latgalių X–XI amžių plokštinių kapinynų. Skandinavų prekybinė veikla paskatino esmines ekonominės ir etninės situacijos permainas didžiulėje teritorijoje. Šių permainų įtakos latgalių apgyventai teritorijai taip pat negalima paneigti. Latgaliai nustojo pilti pilkapius XIV a. pirmojoje pusėje.

Įdomus ir iki galo neišnagrinėtas klausimas dėl vienalaikio plokštinių kapinynų ir pilkapių naudojimo pastarųjų pagrindinėje paplitimo srityje. Surinkta medžiaga leidžia teigti, kad abu laidojimo paminklų tipai buvo naudojami vienu metu. Tačiau kartu pažymėtina, kad XI a. pabaigoje nustoti naudoti kai kurie ankstyvesnio laikotarpio plokštiniai kapinynai.

Tiek latgalių plokštiniuose kapinyuose, tiek pilkapiuose įkapes sudaro šventiniai mirusiojo drabužiai ir papuošalai, vyrų kapuose – dar darbo įrankiai ir ginklai, moterų kapuose – darbo įrankiai. Nėra esminių įkapių skirtumų tarp moterų griautinių ir degintinių kapų, taip pat tarp vyrų griautinių, degintinių ir simbolinių kapų. Aptariamų paminklų būdingas požymis yra palyginti turtingos įkaps. Įkapių nėra tik apie 5–10 proc. kapų, skaičiuojant vieno kapinyno visus kapus.

Vertė M. Michelbertas

Įteikta 2000 m. gegužės mėn.

Labanoro lobio Prahos grašiai Lietuvos muziejų rinkiniuose

Vytautas Smilgevičius

IVADAS

Labanoro (Švenčionių raj.) pirmųjų lietuviškų monetų ir Prahos grašių lobis buvo rastas 1965 m. pavasarį Labanoro kaime, Švenčionių rajone, išartoje dirvoje. Lobį sudarė lietuviškos III tipo (av. Gediminaičių stulpai, rv. raitelis) monetos ir Prahos grašiai. Lobio monetos saugomos Lietuvos nacionaliniame muziejuje, Švenčionių Nalšios muziejuje, Utenos kraštotyros muziejuje. Dalis monetų buvo Kirdeikių vidurinės mokyklos muziejuje, dalis pateko į privačias kolekcijas ir šiandien yra neprieinamos visuomenei (Ivanauskas, 1995, p. 25). Dėl tokio išsibarstymo lobis ilgai nebuvo tyrinėtas kaip nedaloma visuma.

Nagrinėjant Labanoro lobį, buvo būtina nustatyti, ką reikia tirti: visą lobį ar tik vieną kurią jo dalį: lietuviškas monetas arba Prahos grašius. Lietuviškos monetos šiuo metu yra neblogai ištytos, pasirodo nauji fundamentūs darbai, išreiškiantys įvairias nuomones, todėl šių monetų tyrimo atsisakėme. Prahos grašiai Lietuvoje yra gerokai mažiau tirti, nenaudojamas jų skirstymas į atmainas, dažnai bandoma konkrečią atmainą susieti su konkrečia ordinacija. Be to, kaip parodė praktika, Prahos grašiai lobiuose su pirmosiomis LDK monetomis gali būti geras ir patikimas datavimo pagrindas.

Rengdami šį straipsnį, rėmėmės S. Veselio straipsniu (Vesely, 1965). Šio čekų tyrinėtojo sistematizaciją laikėme labiau logiška nei kitų. Tai, be abejo, diskutuotina. Remdamiesi originalo rašyba, šiame darbe vartojame originalui artimesnes imperatorių vardų rašymo formas: Karlas I ir Vaclavas IV. Daug neaiškumų kelia Karlo I titulatura. Šis valdovas šv. Romos imperijoje buvo Karlas IV, o Čekijoje valdė Karlo I vardu. Teoriškai šiuo atveju turėtų lemti aukštesnis titulas, tačiau monetose buvo naudojamas Karlo I titulas. Remdamiesi tokia imperatoriaus valia, jį vadiname Karlu I. Pažymėtina, kad kitose kalbose sulietuvin-tas žodis „Karolis“ tariamas kaip „Karlas“ – tai rusų (Карл), anglų (Charles), čekų (vns. vard. Karel, vns. kilm. Karla), prancūzų, Skandinavijos ir kt. kalbos. Be to, būtent tokia

forma vartojama Čekijoje. Šiuo požiūriu sunkiau su vardu „Vaclavas“, nes lotyniškai jis rašomas Wencezlavs, Wenceslavs, čekiškai – Vāclav, vokiškai – „Wenzel“. Kitų šalių literatūroje vartojamas vardas „Vaclavas“, todėl ir mes vartojame šią, originalui artimesnę formą. Kitų vardų ir vietovardžių rašyba pateikiama pagal Valstybinės lietuvių kalbos komisijos rekomendacijas.

Dėl medžiagos gausumo ir aktualumo mokslui straipsnyje pirma aptariame Vaclavo IV Prahos grašius, tik po to – Karlo I Prahos grašius. Skyrelis „Karlo I Prahos grašių praba“ praleidžiamas, kadangi Karlo I grašių metrologinė medžiaga glaudžiai susijusi su jų datavimo klausimu ir aptariama skyrelyje „Labanoro lobio Karlo I Prahos grašių datavimas“.

LITERATŪROS APŽVALGA

Pirmasis apie Labanoro lobį netrukus po jo suradimo parašė Z. Dukša (Dukša, 1; Dukša, 2). Jis nurodė, kad Prahos grašiai retai kada lobiuose randami kartu su pirmosiomis lietuviškomis monetomis. Z. Dukša pagal monetų nudilimo laipsnį lobį datavo XV a. 4 dešimtmečiu, kai vyko kovos dėl sosto tarp Žygimanto Kęstutaičio ir Švitrigailos (Dukša, 1). Po vykusių archeologinių tyrimų pasirodė ir kiti straipsniai (Strazdas, 1996), tačiau juose nebuvo bandoma lobio chronologiją sieti su Prahos grašiais ar juo labiau bandyti datuoti pačius grašius.

Radus Šiaulių kaimo lobį, pasirodė R. Senapėdžio straipsnis, kuriame aptartas šis svarbus numizmatikai radinys (Senapėdis, 1983). Autorius suklasifikavo Karlo I ir Vaclavo IV grašius. Karlo I grašiai suskirstyti į dvi atmainas pagal skirtingą M raidę. Vaclavo IV grašiai suskirstyti į dvi atmainas pagal šrifto aukštį: pirmoji atmaina – šrifto aukštis 5 mm, antroji – mažiau. Monetas su mažomis raidėmis skiriamos 1378 m. ordinacijai, vidutinė šios atmainos masė – 2,60 g, o tai artima Karlo I grašių rodikliams. Antroji, 1407 m., ordinacija, pasak autoriaus, buvusi pasakutinė, šios atmainos monetos kaltos ir po karaliaus mir-